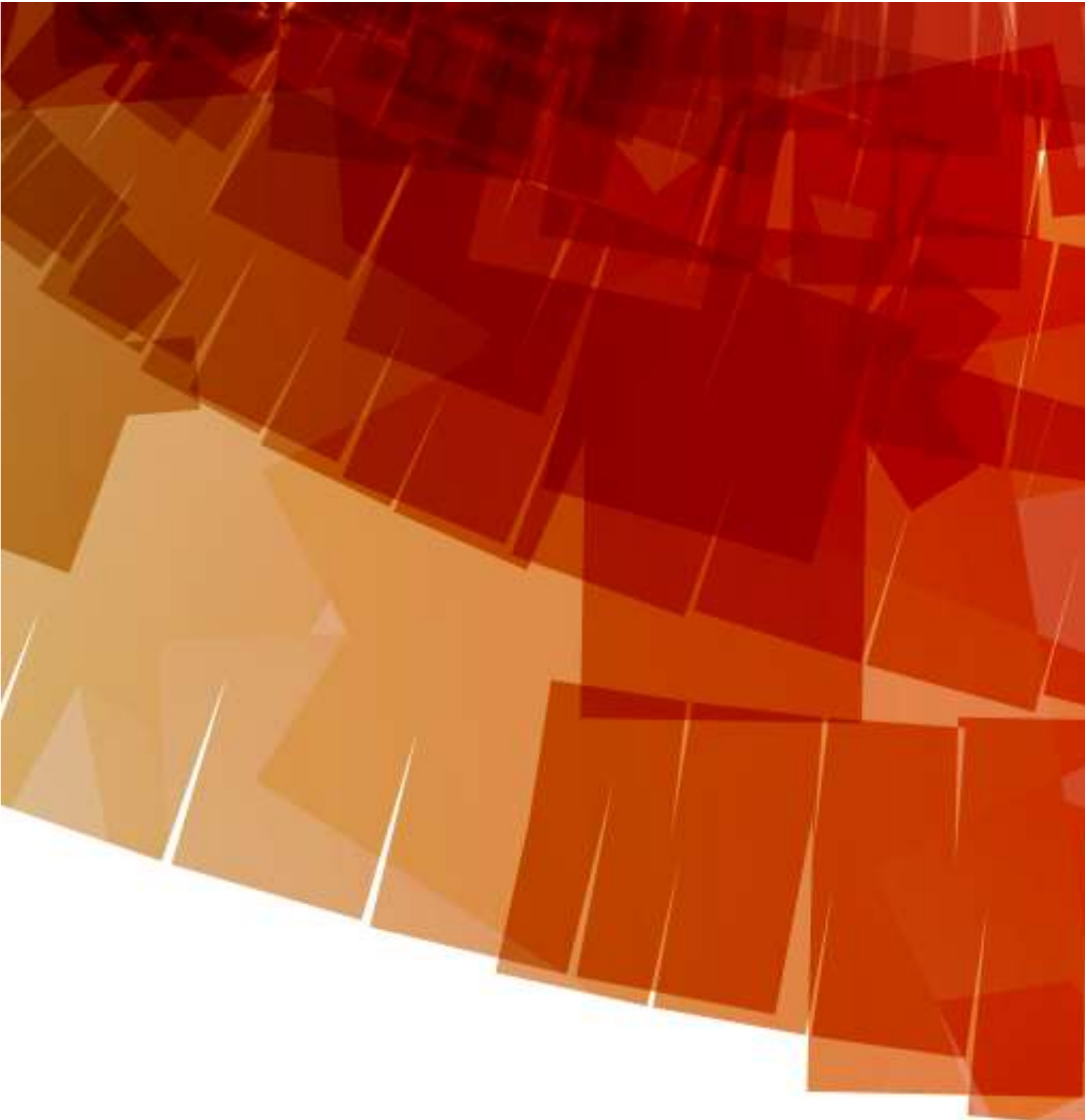

ПРАКСИОЛОГИЯ

16+

«Праксиология» «Praxeology»

Редакционный совет / Editorial Board:

Суровцева Екатерина Владимировна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Главный редактор

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University, Editor-in-Chief

Ананченкова Полина Игоревна, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой экономики и социологии здравоохранения Национального НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко

Ananchenkova Polina Igorevna, Candidate of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Economics and Sociology of Health at the National Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko

Афанасьев Максим Владимирович кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева;

Afanasyev Maxim Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, Lebedev Russian State University of Justice;

Бочкарева Екатерина Дмитриевна, кандидат педагогических наук, Московский государственный институт культуры;

Bochkareva Ekaterina Dmitrievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Moscow State Institute of Culture;

Журавлева Евгения Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева

Zhuravleva Evgeniya Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, D.I. Mendeleev Russian University of Chemical Technology

Кудринская Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, Московский городской педагогический университет

Kudrinskaya Irina Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University

Куницына Светлана Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, научный сотрудник, Военный университет им. князя Александра Невского;

Kunitsyna Svetlana Mikhailovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Researcher, Prince Alexander Nevsky Military University;

Лукина Анастасия Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент, начальник департамента психологии, Московский городской педагогический университет;

Lukina Anastasia Sergeevna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology, Moscow City Pedagogical University;

Неверов Александр Викторович, кандидат социологических наук,

доцент, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы;

Neverov Alexander Viktorovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

Резаков Максим Равильевич, кандидат политических наук, доцент Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева;

Rezakov Maxim Ravilevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;

Сухонос Александр Петрович, кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет

Sukhonosov Alexander Petrovich, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University

Трушкова Светлана Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет;

Trushkova Svetlana Viktorovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow Automobile and Road Engineering State Technical University;

Чурин Владимир Владимирович, кандидат философских наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ.

Churin Vladimir Vladimirovich, PhD, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation.

ОГЛАВЛЕНИЕ**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

1. ГЕРГЕЛЬ О.В., ЯГЛЯМУНОВА Г.Г. ВИДЕОЛЕКЦИИ TED TALKS КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ...	6
2. ЗАХАРОВА Ю.П. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИНКЛЮЗИЯ ВЕТЕРАНОВ СВО: ПРЕОДОЛЕНИЕ БАРЬЕРОВ И ПОСТРОЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПУТИ ОБУЧЕНИЯ	11
3. ГЕРГЕЛЬ О.В. ГЕНДЕРНЫЕ ПАРАДИГМЫ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ АВТОРОВ-ЖЕНЩИН	18
4. АТАМАНЕНКО Н.О. КОНЦЕПТ КРАСОТЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ШАРЛОТТЫ БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР»	24
5. БАЗИЛЬ Д.В., КИЕНКО В.Р. ПРИХОДСКИЕ БИБЛИОТЕКИ КАК ПРОСТРАНСТВО РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СТАВРОПОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	38
6. КУРБАНОВА М.Г. ИНТЕГРАТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ БАЗИС ДЛЯ НОВЫХ ЭМПИРИЧЕСКИХ ОБОБЩЕНИЙ.....	43
7. АЛЕНЬКИН В.И. ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА И МЕДИЙНЫЕ НАРРАТИВЫ КАК ФАКТОР ОТНОШЕНИЯ ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА К МИГРАНТАМ.....	48
8. Макеев В.А., Сугита А.Н. РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ РАБОТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА.....	53
9. КОСТЮЧЕНКО А.Б ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ВОСПРИНИМАЕМЫЙ СТРЕСС У СТУДЕНТОВ	57
10. ПАНТЕЛЕЕВ Н.В. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В БЬЮТИ-СЕРВИСЕ: МЕТОДОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТОРОВ ПО СИСТЕМЕ НИКОЛАЯ ПАНТЕЛЕЕВА	63

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

11. ПУЗИН И.Н., ШЕСТОВ А.В., МНАЦАКАНЯН Г.Н., ЛАТАРИЯ И.С. УЧЕТ, СТАТИСТИКА И АУДИТ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕБЕСТОИЧНОСТИ В ЭКОНОМИКЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ	68
12. ПУЗИН И.Н., ШЕСТОВ А.В., ЛАТАРИЯ И.С., КОКОРЕВ Б.С. НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ УЧЕТА, СТАТИСТИКИ И АУДИТА МАТЕРИАЛЬНЫХ ЗАТРАТ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ СТРОИТЕЛЬСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ САНКЦИЙ	76
13. ЧУГУНОВА А.С. МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	85
14. ЧУГУНОВА А.С. ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ КАК ФАКТОР СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	91
15. ЖУКОВ И.В. АДАПТАЦИЯ ВЕТЕРАНОВ СВО НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПРИНЦИПЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ.	97
16. ХАРИТОНОВА Е.Р. МЕЦЕНАТСТВО И КУЛЬТУРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ЧАСТНОЙ ПОДДЕРЖКИ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	102
17. ГОРОДЕЦКИЙ Д.А. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕГИОНАЛЬНОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН	115
18. ГОРОДЕЦКИЙ Д.А. ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН РЕГИОНАЛЬНЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	120
19. ПЕТРОВ М.Д., КУВАЕВА Е.Н. ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ	126
20. АБЛЯКИМОВА Э.Э., ДОРОСИНСКАЯ А.М. ЦИФРОВАЯ ПОВЕСТКА И ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗВЕЩЕНИЕ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ: БАЛАНС МЕЖДУ ДОСТУПНОСТЬЮ ПРАВОСУДИЯ И РИСКОМ ФОРМАЛЬНОГО УВЕДОМЛЕНИЯ	130
21. ФЕДОТОВ С.А. СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.	138
22. РЫБАКОВ А.А. ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ AMTORG TRADING CORPORATION В СИСТЕМЕ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В 1920-Е – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.	148
23. РЫБАЛКО К.А. МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ.	153
24. БЕЛАН А.Е. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	161

- 25.ЛОГАЧЁВА Е.А. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ ЛИЧНОГО СОСТАВА СИЛ И СРЕДСТВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ..... 167
- 26.БАХТИН А. Н. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ОТКЛОНЁННОГО ЗАКОНОПРОЕКТА № 579191-8 173

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**Гергель О.В.**кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»

Яглямунова Г.Г.

учитель английского языка

МОБУ ООШ с.Ибраево МР Кигинский район Республики Башкортостан

Gergel O.V.Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the English language chair
The Akmullah Bashkir State Pedagogical University**Yaglyamunova G.G.**

English teacher

MOBU School village Ibraevo, Kiginsky district, Republic of Bashkortostan

**ВИДЕОЛЕКЦИИ TED TALKS КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ**

Аннотация. В статье рассматривается дидактический потенциал видеолекций TED Talks как ресурса развития стилистической грамотности учащихся, для которых английский язык не является родным. На материале 12 выступлений, отобранных с учётом тематики федеральной рабочей программы среднего общего образования, выявлены наиболее частотные стилистические средства, используемые в публичной устной речи. Также описан педагогический эксперимент, проведённый в 10 классе МОБУ СОШ № 2 села Верхние Киги Республики Башкортостан, в результате которого сделан вывод о том, что целенаправленная работа с аутентичной публичной речью даёт более заметный результат, чем эпизодическое обращение к стилистическим средствам. Однако просмотр видеолекций без методического сопровождения не обеспечивает нужного эффекта.

Ключевые слова: стилистическая грамотность, стилистические средства, публичная речь, TED Talks, обучение английскому языку, аутентичные видеоматериалы, средняя школа.

**TED TALKS VIDEO LECTURES AS A RESOURCE FOR DEVELOPING ENGLISH STYLISTIC
LITERACY AMONG HIGH SCHOOL STUDENTS**

Annotation. This article examines the potential of TED Talks video lectures as a resource for developing the stylistic literacy of students for whom English is not a native language. Drawing on 12 talks selected in accordance with the topics of the federal work programme for secondary general education, the study identifies the most frequent stylistic devices employed by orators. The article describes a pedagogical experiment conducted in the 10th grade at Municipal Budgetary General Education Institution Secondary School No. 2 in the village of Verkhniye Kigi, Republic of Bashkortostan, which concluded that purposeful work with authentic public speech produces a more noticeable result than occasional attention to stylistic devices; however, watching video lectures without methodological support does not in itself ensure the desired effect.

Keywords: stylistic literacy, stylistic devices, public speech, TED Talks, English language teaching, authentic video materials, secondary school.

Современные требования к обучению иностранному языку в школе всё чаще связываются не только с умением строить грамматически правильные высказывания, но и со способностью выбирать языковые средства в зависимости от ситуации общения. В федеральной рабочей программе среднего общего образования коммуникативная компетенция рассматривается как одна из ключевых целей обучения, а её составной частью выступает стилистическая грамотность, или умение понимать стилистически маркированные единицы и уместно использовать их в собственной речи. [4] Однако в реальной практике преподавания стилистический аспект нередко остаётся вне внимания, как учителя, так и учащегося: учебно-методические комплекты предлагают отдельные упражнения на узнавание тропов и фигур речи, но не формируют системного представления о том, как эти средства работают в живой публичной речи. Учащиеся испытывают затруднения при распознавании стилистических приёмов в связном устном высказывании, не всегда понимают коммуникативный эффект их использования и, как следствие, редко применяют их самостоятельно.

В нашем исследовании мы обращаемся к одному из доступных и при этом методически ценных источников аутентичной публичной речи – видеолекциям TED Talks. Для школьного обучения английскому языку TED Talks удобны по следующим причинам: 1) лекции являются образцами живой публичной речи, а не искусственно сконструированные учебные тексты; 2) темы лекций можно тематически соотнести с разделами федеральной рабочей программы среднего общего образования (семья, внешность и характер человека, здоровый образ жизни, выбор профессии, досуг молодёжи, экология, технический прогресс и т.д.); 3) лекции сопровождаются субтитрами и переводом на десятки языков, что расширяет возможности их использования на разных уровнях подготовки.

В рамках нашего исследования методом сплошной выборки было отобрано 12 лекций TED, соответствующих разделам федеральной рабочей программы среднего общего образования по английскому языку (базовый уровень) для 10-11 классов. [4] Анализ данных выступлений показал, что чаще всего ораторы используют средства лексического уровня. Эпитеты встречаются в 8 из 12 лекций, общее количество зафиксированных примеров – 64. Метафоры отмечены в 9 из 12 лекций, всего 40 примеров. Ирония и юмор используются в 7 из 12 выступлений, общее число случаев – 35. Риторические вопросы также встретились в 7 из 12 лекций, их общее количество – 32. На синтаксическом уровне реже, но всё же регулярно появляются анафора – 15 единиц в 6 из 12 лекций, и параллелизм – 10 примеров в 5 из 12 лекций. Таким образом, лексические средства явно преобладают, а синтаксические приёмы чаще выполняют организующую и ритмическую функцию.

Обратимся к наиболее показательным примерам. Так, в лекции Эндрю Тарвина «The Skill of Humor» ирония и самоирония становятся основой коммуникативной стратегии: автор шутит над своей внешностью, над неудачными фотографиями, а также над реакцией людей на его профессию. Риторические вопросы вроде «Is there anyone here that doesn't like to laugh?» вовлекают аудиторию в диалог, а параллельные конструкции помогают удержать ритм и подчеркнуть ключевые мысли. В лекции Рика Гидотти «From Stigma to Supermodel» сильное эмоциональное воздействие создаётся за счёт эпитетов и градации: «gorgeous, stunning, amazing», «images of illness, of sadness, of sickness». Метафора «she just exploded in front of the set» передаёт внутреннюю перемену в человеке, который перестаёт стыдиться своей внешности.

В выступлении Роберта Уолдингера «What Makes a Good Life?» риторические вопросы задают тон размышлению: «What keeps us healthy and happy as we go through life?» Анафора «We interview them... We get their medical records... We draw their blood...» создаёт ощущение масштаба исследования, а метафоры

«toxic loneliness», «the slings and arrows of getting old» помогают говорить о сложных вещах образно и доступно. В лекции Кена Робинсона «Do Schools Kill Creativity?» особенно заметна роль метафоры: «our education system has mined our minds in the way that we strip-mined the earth». Этот образ не просто украшает речь, а формулирует главную мысль – школа нередко истощает творческий потенциал ребёнка, ставя академические способности выше креативности. Ирония и риторические вопросы при этом не снижают серьёзности темы, а делают её ближе аудитории.

В лекции Эмили Вапник «Why Some of Us Don't Have One True Calling» метафоры «follow your curiosity down those rabbit holes», «out-of-the-box thinkers» и ироничные замечания о школьной панк-группе помогают говорить о самоидентификации без пафоса. Кевин Аллокка в «Why Videos Go Viral» использует юмор и метафоры «propel the video», «an entire remix community sprouted up», чтобы объяснить механизмы интернет-популярности. Дженнифер Л. Скотт в «The Ten-Item Wardrobe» строит речь на анафоре, параллелизме и антитезе: «they were chic, not in a flashy nouveau riche kind of way but in an elegant comfortable in their own skin kind of way». Тайя Селаси в «Don't Ask Where I'm From, Ask Where I'm a Local» противопоставляет понятия national и local, используя антитезу, метафоры и эпитеты для пересмотра привычного взгляда на идентичность.

Следующий спикер, Никола Твилли, в лекции «How the Fridge Changed Food» обращается к анафоре, метафорам и метонимии: «It's a new Arctic», «it is just the tip of the iceberg», «power-hungry fridge». Мэтью Гарсия в «How Global Virtual Communities Can Help Kids Achieve Their Dreams» сочетает эпитеты, метафору «blood, sweat and tears» и юмор, чтобы показать, как виртуальные сообщества расширяют доступ к музыкальному образованию. Габриэль Марментини в «How to Be an Active Citizen and Spark Change» использует метафоры «citizen metamorphosis process», «going outside the bubbles», эпитеты «beautiful concept of citizenship», «systemic change» и анафору «You must deserve it. You must conquer it». Кэролайн Харрис в «History vs. Russia's Most Infamous Empress» строит лекцию на антитезе, поскольку сама форма судебного процесса предполагает столкновение двух точек зрения на Екатерину II. Эпитеты «notoriously bad-tempered», «enlightened despots», «exceptionally ruthless» и анафора при перечислении реформ и завоеваний помогают создать объёмный, противоречивый образ исторической фигуры.

Обобщая, можно сказать, что TED Talks дают не разрозненные примеры тропов, а живую картину того, как стилистические средства работают в реальной публичной речи. Лексические приёмы (эпитеты, метафоры, ирония и др.) создают образы и эмоциональный фон. Риторические вопросы и анафора выстраивают контакт с аудиторией и задают ритм. Параллелизм и антитеза помогают структурировать мысль и удерживать внимание. Именно поэтому материал TED Talks может рассматриваться как перспективный ресурс для развития стилистической грамотности учащихся. Данный материал наглядно демонстрирует выразительные возможности английского языка, а также показывает, как эти возможности реализуются в зависимости от темы, аудитории и коммуникативной цели.

Далее обратимся к экспериментальной части нашего исследования. Так, экспериментальной базой стала МОБУ СОШ № 2 села Верхние Киги муниципального района Кигинский район Республики Башкортостан. В исследовании участвовали две группы десятиклассников по 15 человек: экспериментальная (ЭГ) и контрольная (КГ). На начало эксперимента обе группы показали примерно одинаковый, при этом относительно низкий уровень стилистической грамотности: средний балл в ЭГ составил 48%, в КГ – 47%. Анализ УМК «Spotlight» для 10 класса, показал, что работа со стилистическими средствами ведётся фрагментарно. Ученики в основном встречают отдельные тропы в изолированных предложениях и упражнениях на узнавание, но почти не сталкиваются с задачей проанализировать стилистический приём в связной устной речи, понять его коммуникативный эффект и тем более применить его самостоятельно.

Для диагностики стилистической грамотности учащихся использовался тест из трёх заданий. Целью первого задания являлось распознать приём в предложении (метафора, сравнение, анафора, антитеза, оксюморон). Второе задание предполагало анализ небольшого текста с вопросами: найти метафору, определить функцию антитезы, выписать пример параллелизма, объяснить цель риторического вопроса. Третье задание ставило целью назвать средство и объяснить, какой эффект оно производит, т.е. создаёт комический эффект, сближает оратора со слушателями, усиливает убедительность и др. Максимальный балл за три задания составлял 15.

В экспериментальной группе занятия строились на материале 12 лекций TED, описанных выше. Уроки строились согласно определённой логике: сначала краткое введение в тему и снятие языковых трудностей, затем просмотр фрагмента выступления, потом обсуждение ключевых идей и целенаправленный разбор стилистических приёмов. Важно было не только найти и перечислить стилистические средства, а также определить выполняемые ими функции в речи. Например, в лекции Эндрю Тарвина «The Skill of Humor» на первом этапе учащиеся смотрели фрагмент, где автор иронизирует над своими неудачными фотографиями и над тем, как люди реагируют на его профессию. После просмотра им были предложены вопросы: почему самоирония здесь работает лучше, чем прямая шутка? Как риторические вопросы вроде «Is there anyone here that doesn't like to laugh?» помогают установить контакт с залом? Почему параллельные конструкции делают речь ритмичной и запоминающейся? Только после такого обсуждения ученики получали задание на соответствие: соединить пример из текста с названием приёма. Это позволяло избежать механического запоминания и вывести понимание на уровень применения.

Помимо урока по лекции Эндрю Тарвина «The Skill of Humor», в работе использовались отдельные блоки упражнений, построенные на материале других лекций. Условно их можно разделить на четыре группы:

- ирония и юмор: в задачи этого блока входило задание назвать приём и объяснить, какую цель он выполняет (снять напряжение, показать нелепость ситуации, сделать серьёзную мысль более доступной и т.д.);
- метафоры и эпитеты: в данной группе заданий использовались примеры из лекции Робинсона («our education system has mined our minds in the way that we strip-mined the earth»), Твилли («It's a new Arctic»), Селаси («the limiting trap that the language of coming from countries sets»), а задача заключалась в том, чтобы назвать приём и объяснить, какую сложную идею он помогает визуализировать;
- риторические вопросы и анафора: ученики определяли функцию приёма (вовлечь аудиторию в размышление, подчеркнуть масштаб исследования, структурировать информацию);
- градация и антитеза: вопросы были направлены на то, чтобы ученик увидел, как противопоставление или нарастание помогает передать отношение автора к проблеме.

Необходимо упомянуть этап домашнего задания, которое предлагалось после урока по лекции Тарвина: учащимся было предложено выбрать любую лекцию TED продолжительностью 10-15 минут, найти в ней стилистические приёмы и заполнить таблицу с названием приёма, цитатой и предполагаемым эффектом. Это задание решало сразу несколько задач: самостоятельная работа с аутентичным материалом; развитие критических навыков мышления (анализ функции стилистических средств); повышение мотивации к изучению языка за счет выбора темы по интересам.

В контрольной группе обучение шло по стандартной программе: стилистические средства затрагивались лишь эпизодически, в рамках тех упражнений, которые предлагает УМК. Целенаправленной работы с аутентичной публичной речью не велось.

По завершении серии занятий было проведено повторное тестирование, аналогичное первому. Результаты показали следующее: в экспериментальной группе средний балл вырос с 48% до 78%, то есть

прирост составил 30%. Ученики научились увереннее определять стилистические приёмы в тексте, стали лучше объяснять их роль в высказывании. В контрольной группе динамика оказалась незначительной: средний балл поднялся с 47% до 55%, прирост – 8%, что находится в пределах статистической погрешности.

Таким образом, эксперимент показал, что целенаправленная работа с аутентичными видеолекциями TED, построенная не на механическом узнавании тропов, а на анализе их функций в живой речи, даёт заметно более высокий результат, чем традиционные подходы. При этом важно понимать, что сам по себе просмотр TED Talks без специально разработанной системы упражнений вряд ли приведёт к такому эффекту. Необходимо разработать методику, которая ведёт ученика от наблюдения к анализу, а от анализа – к попытке самостоятельного использования выразительных средств.

Разработанные в ходе исследования материалы (план-конспект урока, блоки упражнений, диагностический тест) могут быть использованы в старших классах общеобразовательных школ, на дополнительных занятиях и при подготовке к ЕГЭ. Преимуществом данной разработки является то, что задания не связаны с определенным УМК и свободно адаптируются под разный уровень подготовки. Перспективным направлением видится расширение банка видеолекций и разработка заданий, которые стимулировали бы не только анализ, но и продуктивное использование стилистических средств в собственной речи учеников.

Литература:

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 15-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2025. – 384 с.
2. Букина Ю.В. Медиатизация англоязычного мотивационного дискурса сквозь призму TED Talks. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. №2. С. 229–239. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-2-229-239>.
3. Куренкова Я.И. Работа над устным монологическим высказыванием с использованием англоязычных аутентичных видеоматериалов на уроке ИЯ на старшем этапе обучения (на основе материалов видеохостинга TedTalks) // L Самарская областная студенческая научная конференция. - 2024. - Т. 2. - С. 158-159.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования: утв. приказом Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413 (ред. от 12.02.2025) : [Электронный ресурс] // Министерство просвещения Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://edu.gov.ru/> (дата обращения: 19.09.2026)

Захарова Ю.П.

магистрант

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева»

Zakharova Yu.P.

Master's Student

V.N. Tatishchev Astrakhan State University, Astrakhan

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИНКЛЮЗИЯ ВЕТЕРАНОВ СВО: ПРЕОДОЛЕНИЕ БАРЬЕРОВ И ПОСТРОЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПУТИ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме образовательной и профессиональной реинтеграции ветеранов СВО, сталкивающихся с комплексом барьеров при включении в образовательный процесс. В работе анализируются ключевые трудности, с которыми сталкиваются ветераны: физические ограничения, психологические расстройства (в т.ч. ПТСР), социально-экономические сложности и организационно-методические препятствия. На основе исследований и опросов выявлены основные образовательные потребности данной категории обучающихся, включая потребность в гибких форматах обучения и психологической поддержке. Предложена модель индивидуального образовательного маршрута (ИОМ), состоящая из четырёх этапов: диагностического, проектировочного, реализационного и оценочного. Для каждого этапа детально описаны задачи и механизмы их реализации, включая медицинское обследование, профориентацию, психолого-педагогическое сопровождение и помощь в трудоустройстве. Обозначены условия успешной реализации ИОМ в образовательных организациях — кадровые, организационные, методические и материально-технические. Сделан вывод о том, что системный подход к образовательной инклюзии ветеранов способствует их социальной адаптации, повышению качества жизни и укреплению социальной стабильности в обществе.

Ключевые слова: ветераны СВО, образовательная инклюзия, индивидуальный образовательный маршрут (ИОМ), профессиональная реинтеграция, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), психолого-педагогическое сопровождение, адаптация программы, социальная интеграция, трудоустройство ветеранов, инклюзивное образование.

EDUCATIONAL INCLUSION OF SVO VETERANS: OVERCOMING BARRIERS AND BUILDING AN INDIVIDUAL LEARNING PATH

Abstract. This article addresses the educational and professional reintegration of veterans of the Soviet military who face a number of barriers to inclusion in the educational process. The paper analyzes key challenges faced by veterans, including physical limitations, psychological disorders (including PTSD), socioeconomic difficulties, and organizational and methodological obstacles. Research and surveys have identified the key educational needs of this category of students, including the need for flexible learning formats and psychological support. A model of an individual educational route (IER) is proposed, consisting of four stages: diagnostic, design, implementation, and evaluation. For each stage, the objectives and implementation mechanisms are described in detail, including medical examination, career guidance, psychological and pedagogical support, and employment assistance. The conditions for the successful implementation of IER in educational organizations are outlined, including personnel, organizational, methodological, and logistical factors. It is concluded that a systematic approach to the educational inclusion of veterans promotes their social adaptation, improves their quality of life, and strengthens social stability in society.

Keywords: veterans of the Second Military District, educational inclusion, individual educational route (IER), professional reintegration, post-traumatic stress disorder (PTSD), psychological and pedagogical support, program adaptation, social integration, veteran employment, inclusive education.

Возвращение ветеранов СВО в гражданскую жизнь сопряжено с комплексом вызовов, среди которых особое место занимает проблема образовательной и профессиональной реинтеграции [3, с. 5–7]. Многие ветераны сталкиваются с трудностями адаптации к новым условиям, посттравматическими расстройствами, физическими ограничениями и необходимостью смены профессиональной траектории [6, с. 12–15]. Актуальность темы обусловлена ростом числа ветеранов СВО, нуждающихся в профессиональном обучении и переобучении, необходимостью создания специальных условий для их образовательной инклюзии [1, с. 4563], потребностью в разработке научно обоснованных подходов к построению индивидуальных образовательных маршрутов [3, с. 15–20], а также социальной значимостью интеграции ветеранов в гражданскую жизнь через образование [2, с. 7598].

Цель статьи — выявить основные барьеры образовательной инклюзии ветеранов СВО и предложить систему мер по построению их индивидуальных образовательных маршрутов.

Анализ показывает, что ветераны СВО сталкиваются с комплексом барьеров при попытке включиться в образовательный процесс:

1. Физические барьеры:
 - ограничения мобильности при наличии травм опорно-двигательного аппарата;
 - проблемы с доступом к образовательным учреждениям, не оборудованным для лиц с инвалидностью [1, с. 4563];
 - отсутствие специализированных технических средств обучения.
2. Психологические барьеры:
 - посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) [5, с. 8–12];
 - тревожность, депрессия, эмоциональная нестабильность;
 - сложности в установлении социальных контактов;
 - синдром «выученной беспомощности» при наличии серьёзных травм.
3. Социально-экономические барьеры:
 - финансовые трудности, особенно при наличии семьи;
 - необходимость совмещения обучения с работой;
 - недостаточная информированность о возможностях получения образования [3, с. 25–28];
 - пробелы в знаниях из-за длительного перерыва в обучении.
4. Организационно-методические барьеры:
 - негибкость образовательных программ [3, с. 25–28];
 - отсутствие адаптированных учебных материалов;
 - недостаток квалифицированных специалистов, способных работать с ветеранами;
 - слабая координация между образовательными, медицинскими и социальными учреждениями.

На основе проведённых исследований и опросов сформирован комплекс ключевых образовательных потребностей ветеранов. В первую очередь значимой потребностью выступает получение новой профессии или повышение квалификации — это помогает ветеранам адаптироваться к современным требованиям рынка труда и выстроить новую карьерную траекторию [4, с. 100–105].

Не менее важным фактором становится гибкость образовательного процесса: ветераны заинтересованы в форматах, позволяющих совмещать обучение с другими обязательствами, — это вечерние, заочные и дистанционные формы. При этом критически значимой является психологическая

поддержка в ходе освоения программы: она помогает справляться со стрессом, преодолевать внутренние барьеры и сохранять мотивацию [6, с. 110–115].

Дополнительную ценность представляет наставничество и сопровождение со стороны опытных специалистов: такая система поддержки позволяет быстрее осваивать материал, получать практические рекомендации и чувствовать себя увереннее в новой профессиональной среде. Программы обучения должны предусматривать возможность адаптации под индивидуальные особенности и ограничения каждого ветерана — это делает образовательный процесс более эффективным и комфортным. Наконец, для успешного обучения необходимо создать в образовательном учреждении безопасную и поддерживающую среду: она формирует чувство принадлежности, снижает тревожность и способствует полноценному включению ветеранов в учебный процесс. Для успешной образовательной инклюзии необходимо разрабатывать ИОМ с учётом специфики потребностей ветеранов СВО.

Основные принципы построения ИОМ:

1. Индивидуализация — учёт особенностей здоровья, опыта, целей и потребностей конкретного ветерана [4, с. 120–125].
2. Гибкость — возможность изменения траектории обучения в зависимости от динамики состояния и успехов обучающегося [3, с. 90–95].
3. Комплексность — включение в маршрут не только учебных, но и реабилитационных, психологических, социальных компонентов [6, с. 200–205].
4. Поэтапность — последовательное продвижение от простых задач к сложным, с постепенным наращиванием нагрузки.
5. Практико-ориентированность — акцент на приобретение конкретных профессиональных навыков, востребованных на рынке труда [4, с. 140–145].
6. Партнёрство — взаимодействие образовательных организаций с медицинскими учреждениями, центрами занятости, общественными организациями ветеранов [3, с. 100–105].
7. Поддержка — обеспечение психолого-педагогического сопровождения на всех этапах обучения [6, с. 220–225].

Предлагаемая модель индивидуального образовательного маршрута (ИОМ) для ветеранов СВО.

1. Диагностический этап. Цель этапа — сбор полной информации о ветеране для проектирования оптимального образовательного маршрута [4, с. 160–165].

Комплексная оценка состояния здоровья и психоэмоционального статуса:

- медицинское обследование у профильных специалистов (невролог, травматолог, психиатр и т.д.);
- диагностика ПТСР, уровня тревожности, депрессии (стандартизированные тесты, интервью с клиническим психологом);
- оценка когнитивных функций (память, внимание, скорость обработки информации);
- составление медицинского заключения с рекомендациями по допустимым нагрузкам.

Диагностика профессиональных интересов и компетенций:

- профориентационное тестирование (методика Холланда, тест Климova и др.);
- анализ предыдущего профессионального опыта и навыков;
- выявление скрытых талантов и склонностей через проективные методики;
- оценка цифровой грамотности и владения современными технологиями.

Выявление образовательных потребностей и целей:

- структурированное интервью с ветераном (личные цели, ожидания от обучения, карьерные планы);
- анкетирование для определения приоритетных направлений обучения;

- совместная постановка SMART-целей (конкретных, измеримых, достижимых, релевантных, ограниченных по времени);

- ранжирование целей по приоритетности и срокам реализации.

Определение имеющихся ограничений и ресурсов:

- фиксация физических ограничений (мобильность, выносливость, сенсорные нарушения);
- анализ социально-экономических условий (финансовая стабильность, поддержка семьи);
- оценка временных ресурсов (возможность полного/частичного посвящения учёбе);
- выявление внутренних ресурсов (мотивация, сила воли, предыдущий опыт преодоления трудностей);
- инвентаризация внешних ресурсов (доступ к технике, интернету, реабилитационным центрам).

2. Проектировочный этап. Цель этапа — создание персонализированного плана обучения с учётом всех выявленных факторов [3, с. 130–135].

Выбор формы обучения (очная, заочная, дистанционная, смешанная):

- подбор оптимального формата на основе мобильности ветерана и доступности инфраструктуры;
- комбинирование форматов (например, дистанционные лекции + очные практические занятия);
- учёт предпочтений обучающегося и специфики выбранной профессии.

Подбор образовательной программы с учётом целей и возможностей:

- сопоставление профессиональных целей с доступными программами в вузах, колледжах, центрах ДПО;
- выбор программ с модульной структурой для гибкого освоения;
- приоритет практико-ориентированных курсов с гарантированным трудоустройством;
- включение адаптационных модулей (например, «Основы цифровой грамотности»).

Разработка индивидуального графика обучения:

- распределение учебной нагрузки с учётом динамики психофизического состояния (например, снижение интенсивности в периоды обострений ПТСР);
- планирование периодов отдыха и реабилитации;
- синхронизация с графиком медицинских процедур или работы;
- создание резервного графика на случай форс-мажоров.

Планирование дополнительных мероприятий (реабилитация, психологическая поддержка):

- включение в маршрут сеансов физиотерапии, эрготерапии или ЛФК;
- назначение регулярных консультаций психолога/психотерапевта;
- запись на групповые тренинги (коммуникативные навыки, стрессоустойчивость);
- организация встреч с куратором для обсуждения прогресса и проблем.

3. Реализационный этап. Цель этапа — освоение программы с постоянной поддержкой и адаптацией маршрута [6, с. 260–265].

Освоение образовательной программы:

- поэтапное изучение модулей согласно графику;
- использование адаптированных материалов (аудиоверсии учебников, субтитры к видеолекциям);
- применение ассистивных технологий (программы распознавания речи, экранные дикторы);
- выполнение практических заданий с учётом физических возможностей.

Регулярное психолого-педагогическое сопровождение:

- еженедельные встречи с куратором для разбора сложностей;
- экстренная психологическая помощь при кризисных состояниях;
- групповые сессии взаимоподдержки среди ветеранов-обучающихся;
- тренинги по тайм-менеджменту и самоорганизации.

Мониторинг прогресса и корректировка маршрута при необходимости:

- ежемесячная оценка академических результатов (тесты, контрольные работы);
- отслеживание динамики психоэмоционального состояния (опросы, беседы с психологом);
- корректировка нагрузки при ухудшении здоровья или снижении мотивации;
- адаптация форм аттестации (замена письменных экзаменов на устные или практические задания).

Вовлечение в социальную жизнь образовательного учреждения:

- приглашение на студенческие мероприятия, клубы по интересам;
- участие в волонтерских проектах и патриотических инициативах;
- наставничество над младшими курсами (использование боевого опыта для мотивации);
- создание ветеранского сообщества внутри вуза/колледжа.

4. Оценочный этап. Цель этапа — подведение итогов обучения и планирование дальнейшей траектории [3, с. 140–145].

Итоговая аттестация по программе:

- сдача экзаменов/зачётов в адаптированной форме (устно, дистанционно, с увеличенным временем);
- защита проекта или дипломной работы, интегрирующей профессиональные и личные компетенции;
- демонстрация практических навыков на симуляторах или реальных площадках.

Оценка эффективности образовательного маршрута:

- сравнение достигнутых результатов с изначальными целями (SMART-анализ);
- опрос ветерана об удовлетворённости программой и поддержкой;
- анализ динамики здоровья и психоэмоционального состояния;
- сбор обратной связи от преподавателей и кураторов.

Завершающим этапом реализации индивидуального образовательного маршрута (ИОМ) ветерана становится составление рекомендаций по дальнейшему профессиональному развитию. Прежде всего определяются перспективные направления роста — это могут быть курсы повышения квалификации, программы магистратуры или иные форматы непрерывного образования. Параллельно разрабатывается план развития «мягких навыков»: лидерских качеств, навыков ведения переговоров, коммуникативной компетентности, которые критически важны для успешной интеграции в новую профессиональную среду. Важной частью сопровождения выступают советы по построению карьеры с учётом особенностей здоровья ветерана, а также рекомендации по самообразованию и активному участию в профессиональных сообществах, что позволяет расширить круг профессиональных контактов и поддерживать актуальность знаний.

Непосредственно помощь в трудоустройстве включает несколько взаимосвязанных направлений. На начальном этапе проводится работа с резюме: акцент делается на уникальных компетенциях ветерана, его лидерском и организационном опыте, которые могут быть переосмыслены под гражданские специальности. За этим следует подготовка к собеседованиям в формате тренингов и пробных интервью, помогающая снизить тревожность и сформировать уверенную самопрезентацию. Ветеран подключается к базе вакансий партнёров образовательного учреждения, а также получает содействие в организации стажировок или наставничества на предприятии, что обеспечивает плавный переход от обучения к

реальной рабочей среде. Дополнительно организуется юридическое консультирование по вопросам трудовых льгот и гарантий, установленных для ветеранов.

Для успешной реализации ИОМ образовательная организация должна обеспечить комплекс специальных условий, охватывающих несколько уровней. На кадровом уровне необходима подготовка педагогов и психологов к работе с ветеранами, в том числе обучение методам инклюзивного образования и основам психологической компетентности. Организационные условия предполагают создание службы сопровождения ветеранов, назначение кураторов и налаживание системного взаимодействия с внешними организациями — работодателями, центрами занятости, общественными объединениями. На методическом уровне разрабатываются адаптированные программы, активно используются дистанционные технологии и внедряется модульное обучение, что обеспечивает гибкость образовательного процесса. Материально-технические условия требуют оборудования помещений для лиц с ограниченными возможностями здоровья и обеспечения техническими средствами обучения. Психолого-педагогические условия включают организацию психологической поддержки, работу групп взаимопомощи и тренингов по адаптации. Наконец, социальные условия направлены на содействие в трудоустройстве, информирование о мерах социальной поддержки и вовлечение ветеранов в общественную деятельность, что в совокупности формирует устойчивую основу для их полноценной интеграции.

Образовательная инклюзия ветеранов СВО — сложный, многоаспектный процесс, требующий системного подхода и межведомственного взаимодействия. Построение индивидуальных образовательных маршрутов с учётом потребностей и особенностей данной категории обучающихся позволяет преодолеть существующие барьеры и создать условия для их успешной социальной и профессиональной адаптации [2, с. 7598; 3, с. 160].

Реализация предложенных рекомендаций будет способствовать повышению доступности образования для ветеранов СВО, улучшению качества их жизни и социальной интеграции, более эффективному использованию человеческого потенциала, а также укреплению социальной стабильности в обществе. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку конкретных методик обучения ветеранов с различными видами ограничений, а также на создание системы мониторинга эффективности образовательных программ для этой категории обучающихся.

Особое значение имеет развитие цифровых образовательных ресурсов, позволяющих ветеранам осваивать новые компетенции в дистанционном формате с учётом их физических возможностей и географического положения. Перспективным направлением также представляется создание межрегиональных центров сопровождения ветеранов, объединяющих ресурсы образовательных, реабилитационных и социальных учреждений для комплексного решения задач их профессиональной и социальной реинтеграции. Важным аспектом успешной интеграции является формирование позитивного общественного восприятия ветеранов СВО как ценных членов общества, обладающих уникальным опытом и компетенциями. Осознанное включение их профессионального и жизненного опыта в образовательный процесс может стать дополнительным ресурсом для развития образовательных программ и обогащения учебной среды. Кроме того, привлечение самих ветеранов к наставничеству и консультированию других обучающихся с похожими трудностями позволит создать эффективную систему взаимной поддержки и ускорить процесс адаптации новых участников программы.

Литература:

1. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 нояб. 1995 г. № 181-ФЗ: в ред. от 25 дек. 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 48. — Ст. 4563.

2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ: в ред. от 25 дек. 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 53, ч. I. — Ст. 7598.

3. Алехина, С. В. Кутепова Е. Н., Мельник Ю. В. Создание инклюзивной образовательной среды в образовательных организациях: методические рекомендации для руководящих и педагогических работников общеобразовательных организаций/ под ред. С.В. Алехиной, Е.В. Самсоновой. —М.: МГППУ, 2022. —151с

4. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / Е. А. Климов. — Москва: Издательский центр «Академия», 2004. — 302 с.

5. Незнанов. Н. Г, Васильева А. В., Караваева Т. А. [и др.]. Посттравматическое стрессовое расстройство в парадигме доказательной медицины: патогенез, клиника, диагностика и терапия: методические рекомендации — Санкт-Петербург: НМИЦ ПН им. В. М. Бехтерева, 2022. — 33 с.

6. Реан, А. А. Психология адаптации личности: анализ, теория, практика / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. — Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. — 479 с.

Гергель О.В.кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»

Gergel O.V.Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the English language chair
The Akmullah Bashkir State Pedagogical University

ГЕНДЕРНЫЕ ПАРАДИГМЫ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ АВТОРОВ-ЖЕНЩИН

Аннотация. Статья посвящена анализу устойчивых сравнений, характеризующих женщин и мужчин в текстах современной англоязычной женской прозы, написанных авторами-женщинами. Цель работы – выявить основные образные парадигмы устойчивых сравнений и определить мотивацию выбора образа сравнения в фемининных и маскулинных контекстах. Материалом исследования послужили 1481 сравнительная конструкция, отобранная из произведений современной англоязычной женской прозы, написанными авторами-женщинами; из них 105 единиц относятся к устойчивым (традиционным) сравнениям. Установлено, что устойчивые сравнения уступают по частотности индивидуально-авторским, однако именно они позволяют реконструировать клишированные образные парадигмы, отражающие гендерные стереотипы и национально-культурную специфику.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, образная парадигма, гендер, женская проза, английский язык, фразеология, компаративная конструкция, тематическая группа.

GENDER PARADIGMS OF FIXED SIMILES IN THE MODERN ENGLISH-LANGUAGE WOMEN'S PROSE

Abstract. The article analyses fixed similes characterizing women and men in contemporary English-language women's prose written by female writers. The aim is to identify the main image paradigms of fixed similes and to determine the motivation for choosing an image of comparison in feminine and masculine contexts. The material includes 1481 comparative constructions; 105 of them are fixed or traditional similes. The study shows that fixed similes are less frequent than individual authorial ones, but they reveal clichéd image paradigms reflecting gender stereotypes and cultural specificity.

Keywords: fixed simile, image paradigm, gender, women's prose, the English language, phraseology, comparative construction, thematic group.

Введение

Устойчивое сравнение представляет собой одно из выразительных образных средств языка, аккумулирующее национальный менталитет и культурную специфику народа. В отличие от индивидуально-авторских сравнений, устойчивые сравнения воспроизводятся носителем языка в готовом виде, легко извлекаются из памяти и функционируют как фразеологические единицы. Это делает их ценным материалом для изучения образных парадигм, закреплённых в языковом сознании.

Под устойчивым сравнением в настоящей работе понимается воспроизводимая, структурно фиксированная компаративная единица, закреплённая во фразеологическом фонде языка и обладающая

образной мотивацией. [9] Критериями отнесения сравнения к устойчивым являются: воспроизводимость, фиксированность структуры, идиоматичность, наличие в фразеологических словарях, регулярная употребляемость.

Под образной парадигмой в данном исследовании мы понимаем устойчивую модель, которая объединяет сравнения по общему предмету и основанию сравнения и предполагает определённый тип образа (правого элемента парадигмы). Например, в сравнении *She is as busy as a bee* предметом является женщина, основанием – трудолюбие, образом – пчела; парадигма: Женщина → Фауна. Данное понимание восходит к теории образных парадигм Н. В. Павлович [8] и развивается в работах, посвящённых сравнительным конструкциям [6].

В настоящей работе рассматриваются устойчивые сравнения, характеризующие женщин и мужчин в текстах современной англоязычной женской прозы. Актуальность исследования обусловлена вниманием современной лингвистики к гендерным аспектам языка. Изучение гендерно-маркированных сравнений является активно развивающимся направлением, в рамках которого анализируется, как компаративные конструкции отражают и конструируют культурные установки и социальные ожидания. [1], [2], [3], [4], [5], [7].

Цель статьи – выявить и систематизировать образные парадигмы устойчивых сравнений, используемых для характеристики женщин и мужчин, а также определить мотивацию сравнений в каждой парадигме.

Материал и методы

Материалом исследования послужили тексты современной англоязычной женской прозы (20 произведений британских и американских авторов, опубликованных в 2000–2020-х гг.). Методом сплошной выборки было отобрано 1481 сравнение, из них 998 характеризуют женщин, 483 – мужчин. Преобладание женских образов подтверждает феминистичность женской прозы: авторы-женщины пишут о женщинах и для женщин, поэтому центральными образами произведений становятся женские образы.

Для верификации устойчивых сравнений использовались фразеологические словари: *Oxford Dictionary of Idioms*, *Cambridge International Dictionary of Idioms*, *Longman Dictionary of English Idioms*. Всего выявлено 105 устойчивых сравнений, из которых 68 характеризуют женщин, 37 – мужчин.

Основные методы исследования: лексико-семантический, контекстуальный и количественный анализ. Разграничение устойчивых и индивидуально-авторских сравнений проводилось на основании словарной фиксации и воспроизводимости. В спорных случаях сравнение относилось к авторским, если оно не зафиксировано в словарях и носит окказиональный характер.

Результаты исследования

Женские образы в устойчивых сравнениях представлены более широко (68 из 105; 64,8%). Большинство таких сравнений описывают внешность женщины, черты характера, совершаемые ею действия и трудовую деятельность. В меньшей степени характеризуются голос, эмоциональное и физиологическое состояние, межличностные отношения и физические качества.

1. Внешность (n = 18; 26,5%). Наиболее частотны сравнения, акцентирующие миловидность, удобу, бледность, цвет волос, выражение глаз и состояние кожи: *as cute as a button*; *as skinny as a rail*; *pale as a ghost*; *white as a ghost*; *hair black as ink*; *black as coal*; *dry as dust*; *face like thunder*; *eyes like saucers*; *eyes like daggers*; *cheeks pale as chalk*; *skin like ice*.

2. Черты характера (n = 12; 17,6%). Характер женщины описывается через зооморфные, предметные и природные образы: *as sick as a parrot*; *tough as a boot*; *like a dog with a bone*; *nuttty as a fruitcake*; *crazy as a loon*; *free as a bird*; *quiet as a mouse*; *tough as iron*; *dry as sawdust*.

3. Действия ($n = 14$; 20,6%). В данной группе преобладают сравнения, передающие скорость, внимательность, внезапность или манеру поведения: *watch like a hawk*; *quick as a flash*; *out like a light*; *out of my chair like a shot*; *moved like lightning*; *roared like fury*; *rose like a Phoenix from the ashes*; *gone like the wind*; *ate like a bird*; *eats like a horse*; *breathing like a deer caught between two headlights*.

4. Трудовая деятельность ($n = 8$; 11,8%). Труд женщины чаще всего осмысливается через образы демона, собаки или раба: *work like a demon*; *worked like an absolute demon*; *worked like a dog*; *worked like demons*; *working like a dog*.

5. Голос и издаваемые звуки ($n = 5$; 7,4%). Голос женщины описывается через предметные и природные образы: *voice as hard as steel*; *voice hard as stone*; *voice like ice*; *singing like the proverbial canary*; *clucking like a mother hen*.

6. Физиологическое состояние ($n = 4$; 5,9%). Здесь представлены сравнения, передающие сон, дрожь и слабость: *slept like the dead*; *shaking like a leaf*; *weak as a kitten*.

7. Эмоциональное состояние ($n = 3$; 4,4%). Эмоциональный подъём передаётся сравнением *high as a kite*.

8. Межличностные отношения ($n = 2$; 2,9%). Взаимодействие с другим человеком может описываться через образ мотылька, летящего на огонь: *like a hesitant moth being drawn to a flame*.

9. Физические качества ($n = 2$; 2,9%). Физические характеристики женщины передаются через артефактный образ: *sharp as a tack*.

Таким образом, устойчивые сравнения, характеризующие женщин, распределяются по следующим образным парадигмам:

– Женщина → Фауна. Мотивация: физические действия, трудовая деятельность, черты характера, межличностные отношения, физиологическое состояние.

– Женщина → Артефакты. Мотивация: внешность, голос, черты характера, физические качества.

– Женщина → Погода, природа, природные явления. Мотивация: внешность, физические действия, голос, характер.

– Женщина → Мифологические существа. Мотивация: внешность и трудовая деятельность.

Мужские образы представлены 37 устойчивыми сравнениями (35,2%). Они распределяются по следующим тематическим группам.

1. Внешность ($n = 14$; 37,8%). Мужская внешность описывается через образы камня, кожи, животных, природных явлений, глаз и взгляда: *face carved out of stone*; *made of stone*; *cute as a button*; *tough and sinewy as old leather*; *like a rabbit caught in the headlights*; *eyes as bright as the day*; *eyes as black as coal*; *eyes as black as night*; *eyes like daggers*; *gaze as soft as velvet*; *gaze cold as ice*; *eyes like a hawk's*; *bald as a cue ball*; *face black as thunder*; *face like thunder*.

2. Действия ($n = 6$; 16,2%). Действия мужчины передаются через зооморфные, артефактные и антропонимические образы: *as heightened as a headless chicken*; *watching like a hawk*; *beamed like the Cheshire Cat*; *eats like a horse*; *off like a shot*.

3. Трудовая деятельность ($n = 5$; 13,5%). Труд мужчины чаще всего осмысливается через образы собаки и раба: *works like a dog*; *work like a dog*; *work like a slave*; *worked like a dog*.

4. Голос ($n = 3$; 8,1%). Голос мужчины описывается через природный образ льда: *voice like ice*; *voice cold as ice*.

5. Черты характера ($n = 2$; 5,4%). В качестве примера можно привести сравнение *as mean as a junkyard dog*.

6. Привычки, поведение ($n = 2$; 5,4%). Поведение мужчины может описываться через зооморфный образ: *drinking like a fish*.

7. Эмоции ($n = 2$; 5,4%). Эмоциональное состояние передаётся через природно-цветовой образ: mood as black as ink.

8. Физические качества ($n = 2$; 5,4%). Физическая сила и твёрдость мужчины описываются через образы железа и камня: grip like iron; big and hard as stone.

9. Мышление, интеллект ($n = 1$; 2,7%). Интеллектуальные характеристики передаются через артефактный образ: brain like a sieve.

Устойчивые сравнения, характеризующие мужчин, формируют следующие парадигмы:

- Мужчина → Фауна. Мотивация: внешность, физические действия, черты характера, физические качества, привычки и поведение.
- Мужчина → Артефакты. Мотивация: внешность, физические действия, эмоции, интеллект.
- Мужчина → Погода, природа, природные явления. Мотивация: внешность, голос, физические качества.
- Мужчина → Полезные ископаемые. Мотивация: физические действия.

Анализ показал, что часть устойчивых сравнений является гендерно-нейтральной и употребляется как для женщин, так и для мужчин: eyes like daggers, face like thunder, voice like ice, eats like a horse, work like a dog, watching like a hawk. Такие сравнения не закреплены исключительно за одним полом и не формируют устойчивых гендерных стереотипов.

Гендерно-маркированные сравнения закреплены преимущественно за одним полом. Так, для женщин характерны сравнения as cute as a button, as skinny as a rail, pale as a ghost, clucking like a mother hen, like a hesitant moth being drawn to a flame. Для мужчин — bald as a cue ball, tough and sinewy as old leather, brain like a sieve, big and hard as stone.

Обсуждение результатов

Количественный анализ показал, что в текстах современной англоязычной женской прозы устойчивые сравнения не являются основным средством создания образности. Авторы-женщины значительно чаще прибегают к индивидуально-авторским сравнениям, что свидетельствует об оригинальности видения мира, живости авторского мышления и стремлении создавать яркие, неповторимые образы. Тем не менее устойчивые сравнения позволяют реконструировать клишированные образные парадигмы, которые отражают гендерные стереотипы и культурные установки.

Анализ устойчивых сравнений показал, что в качестве образа авторы-женщины чаще всего используют объекты живой и неживой природы (фауна – 32%, артефакты – 28%, погода и природа – 18%). Мифологические существа (12%) и антропонимы (10%) в функции образа устойчивого сравнения встречаются реже. Это подтверждает, что устойчивые сравнения тяготеют к традиционным, природным и бытовым образам, тогда как индивидуально-авторские сравнения более свободны в выборе образных средств.

Анализ зооморфных парадигм («Женщина → Фауна», «Мужчина → Фауна») перекликается с выводами новейших работ, посвящённых гендерному аспекту зооморфных сравнений, где, в частности, отмечается, что образы крупных и хищных животных чаще используются для конструирования стереотипного портрета мужчины. [5] Полученные данные согласуются с этими наблюдениями: мужские сравнения чаще опираются на образы, подчёркивающие силу, твёрдость, выносливость (tough as old leather, big and hard as stone, grip like iron). [1][2]

Женские сравнения, напротив, чаще акцентируют внешность, эмоциональное состояние и социальные роли (as cute as a button, pale as a ghost, clucking like a mother hen). Это отражает традиционные гендерные стереотипы, в рамках которых женщина осмысливается через призму внешней привлекательности, эмоциональности и заботы, а мужчина – через силу, выносливость и интеллект.

Выводы

Проведённый лексико-семантический и контекстуальный анализ устойчивых сравнений в текстах современной англоязычной женской прозы позволяет сделать следующие выводы.

– особенностью произведений данного жанра является то, что авторы-женщины пишут о женщинах и для женщин. Центральными образами произведений становятся женские образы, что подтверждается количественно: 998 сравнений из 1481 характеризуют женщин;

– устойчивые сравнения используются авторами-женщинами реже, чем индивидуально-авторские. Авторы предпочитают создавать яркие, неповторимые образы посредством авторских сравнений, что свидетельствует об оригинальном видении мира и умелом использовании стилистических средств;

– устойчивые сравнения, характеризующие женщин, представлены следующими основными парадигмами:

- Женщина → Фауна;
- Женщина → Артефакты;
- Женщина → Погода, природа, природные явления;
- Женщина → Мифологические существа;

– устойчивые сравнения, характеризующие мужчин, формируют парадигмы:

- Мужчина → Фауна;
- Мужчина → Артефакты;
- Мужчина → Погода, природа, природные явления;
- Мужчина → Полезные ископаемые;

– в устойчивых сравнениях чаще всего используются образы живой и неживой природы; второе место занимают артефакты; мифологические существа и антропонимы встречаются редко;

– разграничение индивидуально-авторских и устойчивых сравнений позволяет дифференцировать индивидуальные и клишированные парадигмы образов, что важно для дальнейшего изучения гендерной специфики языка, фразеологии, стилистики и перевода.

Литература:

1. Almujaalli H. A., Kayani A. I., Anwar B. Of Stallions, Springs, Squalls, and Swords: A Corpus-Based Study of Gendered Similes in Ali's The Islam Quintet // SAGE Open. 2026. Vol. 16, No. 2. P. 1–15. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/21582440261453424>

2. Anwar B., Kayani A. I., Rasool S. Figurative language and gender construction: A corpus-based analysis of similes in Faruqi's The Mirror of Beauty // Women's Studies International Forum. 2024. Vol. 107. P. 102981. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0277539524001195?via%3Dihub>

3. Kidirbaevna T.F. Gender-marked similes in English: A study of gender representation through comparative expressions // International Journal of Linguistics, Literature and Translation. 2026. Vol. 5, No. 6. P. 45–59. <https://jiujournal.org/index.php/ijlls>

4. Бабаева Г. Г. Гендерные различия во фразеологии английского языка // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4, № 10. С. 24–32.

5. Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю. Стереотипный портрет мужчины в зеркале английской зооморфной метафоры и сравнения // Многоязычие в образовательном пространстве. 2024. Т. 16, вып. 2. С. 178-186. <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2024-16-2-178-186>

6. Крылова М.Н. Парадигма образов человек – животное в сравнительных конструкциях современного русского языка / М.Н. Крылова // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – № 10. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2013/10/26703>

7. Назарова М.Ю. Использование фразеологических единиц, связанных с гендером // Journal of Uzbekistan's Development and Research. 2025. Vol. 3, No. 3. P. 175–182. <https://inlibrary.uz/index.php/journal-science-innovative/article/view/76617#2>

8. Павлович, Н. В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Азбуковник, 2004. – 527 с. – ISBN 5-98455-007-5.

9. Подчаха О.В. Особенности многозначности устойчивых сравнений // Преподаватель XXI век. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mnogoznachnosti-ustoychivyh-sravneniy>

Атаманенко Н.О.

студент

факультет теоретической и прикладной лингвистики.

ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ»

им. Д.Ф. Устинова»

e-mail: natashaatamanenko1@gmail.com

Atamanenko N.O.

Student

Faculty of Theoretical and Applied Linguistics

Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov

КОНЦЕПТ КРАСОТЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ШАРЛОТТЫ БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР»

Аннотация. Статья посвящена исследованию концепта «красота» в английской языковой картине мира и его репрезентации в романе Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». Актуальность темы обусловлена интересом когнитивной лингвистики и лингвокультурологии к проблеме концептуализации действительности, а также отсутствием комплексного описания концепта «beauty» на материале указанного произведения. Объектом исследования является концепт «красота» в английской языковой картине мира, предметом — лексические, словообразовательные и фразеологические средства его репрезентации в английском языке и в тексте романа. Цель работы — выявить и описать языковые средства репрезентации концепта «красота» в английском языке и в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр». В работе использованы методы дефиниционного и компонентного анализа, когнитивной интерпретации, контекстуального анализа, количественных подсчётов и элементы сопоставительного анализа. Установлено, что лексема beauty прошла длительный путь семантического развития от двух значений на начальном этапе до восьми в современном английском языке; лексико-семантическое поле концепта имеет полевую организацию с ядром (beauty, beautiful и их синонимы) и периферией (номинации отдельных признаков красоты). Фразеологический и паремиологический уровни объективации концепта свидетельствуют о недоверии английской лингвокультуры к внешней красоте и о её оценке через призму внутренних качеств человека. Анализ романа показал, что центральной аксиологической оппозицией произведения становится противопоставление внешней и внутренней красоты, в котором приоритет последовательно отдаётся нравственным качествам личности. Полученные результаты вносят вклад в изучение национальной специфики английской эстетической картины мира и индивидуально-авторской интерпретации концепта в художественном тексте.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, красота, beauty, языковая картина мира, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, лексико-семантическое поле, фразеология, паремиология, аксиология, внешняя и внутренняя красота, Шарлотта Бронте, «Джейн Эйр».

THE CONCEPT OF BEAUTY IN THE ENGLISH LANGUAGE BASED ON CHARLOTTE BRONTE'S NOVEL "JANE EYRE"

Abstract. The article studies the concept of beauty in the English linguistic worldview and its representation in Charlotte Brontë's novel Jane Eyre. The relevance of the topic is determined by the growing interest of cognitive linguistics and cultural linguistics in the conceptualization of reality, as well as by the absence

of a comprehensive description of the concept "beauty" based on this literary work. The object of the research is the concept of beauty in the English linguistic worldview; the subject is the lexical, word-formative and phraseological means of its representation in the English language and in the text of the novel. The aim of the work is to identify and describe the linguistic means of representing the concept of beauty in English and in Charlotte Brontë's *Jane Eyre*. The study employs definitional and componential analysis, cognitive interpretation, contextual analysis, quantitative counting, and elements of comparative analysis. It is established that the lexeme beauty has undergone a long semantic development from two meanings at the initial stage to eight in modern English; the lexico-semantic field of the concept has a field structure with a core (beauty, beautiful and their synonyms) and a periphery (nominations of individual features of beauty). The phraseological and paremiological levels of objectification of the concept testify to the English linguistic culture's distrust of external beauty and its evaluation through the prism of a person's inner qualities. The analysis of the novel shows that the central axiological opposition of the work is the contrast between external and inner beauty, in which priority is consistently given to the moral qualities of the individual. The results contribute to the study of the national specificity of the English aesthetic worldview and the author's individual interpretation of the concept in a literary text.

Keywords: concept, concept sphere, beauty, linguistic worldview, cultural linguistics, cognitive linguistics, lexico-semantic field, phraseology, paremiology, axiology, external and inner beauty, Charlotte Brontë, *Jane Eyre*.

Введение

Эстетические ценности народа относятся к числу важнейших факторов, определяющих национальную и языковую картины мира, и находят прямое отражение в языке и лингвокультуре. Одним из ключевых культурно обусловленных понятий является красота: с одной стороны, она связана с интуитивным представлением об идеальном и совершенном, с другой — всегда определяется конкретной культурно-исторической эпохой. Именно поэтому концепт «красота» устойчиво привлекает внимание лингвистов, а его изучение на материале отдельного художественного текста позволяет уточнить как общекультурные, так и индивидуально-авторские черты эстетической картины мира.

Актуальность темы обусловлена растущим интересом когнитивной лингвистики и лингвокультурологии к проблеме концептуализации действительности, а также тем, что концепт «beauty» до сих пор не получил комплексного описания на материале романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». В условиях повышенного интереса к английской классической литературе и к вопросам национальной специфики эстетической оценки обращение к языковым средствам объективации красоты в этом произведении представляется востребованным.

Степень научной разработанности темы. Общие вопросы теории концепта рассматривались в работах Н. Н. Болдырева, Е. С. Кубряковой, Д. С. Лихачёва, В. А. Масловой, З. Д. Поповой и И. А. Стернина. Непосредственно концепт «красота» в английском языке исследовался Н. Ю. Филистовой [8], Н. А. Ляшенко [3], К. М. Шилихиной и И. А. Жилиной [10], К. Г. Голубевой и Т. М. Наумовой [2], М. А. Шардановой и Л. Х. Дзасежевой [9]. Вместе с тем языковая репрезентация красоты в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр» до настоящего времени не становилась предметом самостоятельного анализа.

Объектом исследования является концепт «красота» в английской языковой картине мира. Предметом исследования выступают лексические, словообразовательные и фразеологические средства репрезентации данного концепта в английском языке и в тексте романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр».

Цель работы — выявить и описать языковые средства репрезентации концепта «красота» в английском языке и в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть понятие концепта и концептосферы в современной лингвистике;
- охарактеризовать концепт «красота» как объект лингвокультурных исследований;
- описать семантическую структуру лексемы beauty в диахроническом аспекте и определить ядро и периферию лексико-семантического поля концепта в английском языке;
- проанализировать фразеологический и паремиологический уровни объективации концепта;
- выявить средства репрезентации концепта «красота» в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр».

Методы исследования: дефиниционный и компонентный анализ, метод когнитивной интерпретации, контекстуальный анализ, приём количественных подсчётов, элементы сопоставительного анализа.

Структура работы. Статья состоит из введения, трёх глав, разделённых на разделы, заключения и списка литературы.

1. Теоретические предпосылки исследования концепта «красота»

1.1 Понятие концепта и концептосферы в современной лингвистике

Понятие концепта является центральным для когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Термин «концепт» длительное время используется исследователями, работающими в сфере когнитивной науки, однако содержание и структура концепта до настоящего времени не получают однозначного толкования. Расхождения в понимании концепта объясняются тем, что данный термин рассматривается на стыке ряда дисциплин, каждая из которых использует его для собственных целей [8].

Согласно Е. С. Кубряковой, концепт представляет собой «единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга», «оперативную содержательную единицу мышления или квант структурированного знания». Данный подход разделяет Н. Н. Болдырев, дополняя его указанием на сложную, хотя и не жёсткую структуру концепта как гештальта, элементы которого не могут существовать вне целого [8]. В работах В. А. Масловой и Н. Н. Болдырева средствами объективации концепта признаются лексемы и фразеосочетания, свободные словосочетания, а также тексты и их совокупности.

Входящие в концепт смыслы структурируются в виде фреймов. Теория фреймов, разработанная М. Минским, определяет фрейм как структуру данных, предназначенную для представления стереотипных ситуаций. В дальнейшем теория фреймов получила развитие в трудах отечественных лингвистов — А. П. Бабушкина, Е. Г. Беляевской, Н. Н. Болдырева, А. П. Чудинова [8].

Поворот лингвистики к целостному тексту как объекту исследования поставил перед учёными задачу изучения концептуального смысла текста. Концептуальная информация семантически выводится из всего текста, поэтому нацеленное на её выявление исследование может заключаться в обнаружении и интерпретации базовых концептов того или иного литературного произведения. Совокупность концептов, находящихся во взаимосвязи в художественном тексте, обозначается термином «концептосфера», введённым Д. С. Лихачёвым [8].

Значимым для настоящего исследования является разграничение общекультурных и индивидуально-авторских признаков концепта. Как показывает анализ концептуализации действительности в художественном тексте, формат знания, стоящий за языковыми единицами, имеет многоаспектный характер и может быть описан через набор когнитивных контекстов, которые не предполагают обязательного одновременного иерархического ассоциирования с тем или иным словом или концептом [7]. Именно поэтому изучение концепта на материале отдельного произведения позволяет выявить как универсальные черты национальной концептосферы, так и идиостилевые особенности автора.

Таким образом, концепт понимается в работе как оперативная содержательная единица мышления, обладающая сложной полевой и фреймовой организацией, а концептосфера — как совокупность

взаимосвязанных концептов художественного текста. Данные положения составляют теоретическую основу дальнейшего анализа концепта «красота».

1.2 Концепт «красота» как объект лингвокультурных исследований

Красота относится к числу важнейших культурно обусловленных понятий. С одной стороны, понятие красоты связано с интуитивным, неосознаваемым пониманием красивого как чего-то идеального и совершенного; с другой стороны, красота всегда обусловлена культурой и конкретным историческим пониманием красивого. Конвенциональная красота, таким образом, не является понятием, существующим в вакууме: она имеет вполне конкретные нормы и законы, сложившиеся в определённом обществе в определённую историческую эпоху. Наглядным подтверждением этому служит сравнение стандартов красоты европейцев эпохи Рубенса и современного европейского общества, а также сопоставление европейской, азиатской и африканской эстетических традиций [3].

В связи с этим понятие «красота» как с эстетической, так и с лингвокультурологической точек зрения должно рассматриваться на отдельном временном и лингвокультурном срезе, без попыток прямого диахронного сравнения. Эстетические ценности народа принадлежат к когнитивно-психологическому полю и находят прямое отражение в языке и лингвокультуре, вследствие чего могут рассматриваться как лингвистические и лингвоконцептуальные понятия [3].

Значительный вклад в изучение концепта «красота» внесли работы, выполненные на материале английского языка. Так, В. З. Демьянков отмечал разную степень наполненности понятия «красота» в различных языковых общностях и разграничивал красоту активную, демонстрирующую свои качества, и красоту пассивную, манипулирующую эмоциональными ощущениями и восприятием человека. Ю. В. Мещерякова исследовала концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах, Т. Н. Федотова и А. Л. Леонтьева обращались к его семантическим и функциональным характеристикам [3].

Концепт «красота» является лингвокультурной универсалией и присутствует в языковом сознании любого этноса, однако реализуется в каждом языке по-своему. Содержание понятия красоты социально обусловлено, что объясняется пространственно-этническими особенностями формирования данного концепта: различия в мировидении этносов чаще связаны с расстановкой акцентов, чем с кардинальными расхождениями в мировосприятии. Проведённые исследования показывают, что главным субъектом эстетической оценки, как правило, выступает женщина, а восприятие красоты основывается на гармоничной взаимосвязи красоты внешней и внутренней [9].

Существенным аспектом изучения концепта является его образная составляющая. Наиболее отчётливо культурная специфика концепта проступает в устойчивых сравнениях и метафорах, служащих средством освоения эмпирически познаваемой действительности и одновременно её оценивания в образах-эталонах. Анализ метафор, репрезентирующих концепт «красота» в разных языках, позволяет выявить как универсальные, так и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов [6].

Таким образом, к настоящему времени сложились устойчивые подходы к изучению концепта «красота»: лингвокультурологический, предполагающий описание национальной специфики эстетической оценки, и семантико-когнитивный, ориентированный на моделирование структуры концепта через анализ средств его объективации. Опора на эти подходы определяет логику дальнейшего исследования.

2. Средства репрезентации концепта «beauty» в английском языке

2.1 Семантическая структура лексемы beauty в диахронии

Лексема beauty относится к классу абстрактных имён, значение которых раскрывается через эталонные экземпляры — объекты, наделённые, по представлению носителей языка, внешними признаками, допускающими их оценку как красивых. Дефиниционный анализ составляет необходимый

этап семантико-когнитивного описания абстрактного имени, тогда как диахронический подход обеспечивает возможность реконструкции динамики представлений о красоте [10].

В этимологическом отношении лексическая единица *beauty*, как и значительная часть лексики английского языка, заимствована из французского языка в начале XIV в., куда, в свою очередь, проникла из вульгарной латыни от слова *bellitatem* со значением «состояние, приятное для чувств». В классическом латинском языке функционировала лексема *bellus* — «симпатичный, красивый, очаровательный», послужившая источником указанных форм. Существенно, что слово *bellus* употреблялось преимущественно применительно к женщинам и детям, тогда как в отношении мужчин оно приобретало оскорбительный и насмешливый оттенок. Ряд авторов выдвигает также гипотезу о праиндоевропейском происхождении лексемы *bellus* от корня со значением «делать, исполнять; проявлять благосклонность, почитание» [10].

Наиболее ранние доступные лексикографические источники, фиксирующие лексему *beauty*, датируются XVI—XVII вв. В переводных англо-латинских словарях указанного периода слово истолковывается посредством эквивалентов *forma*, *pulchritudo*, *decus*, *decor*, *venustas*, *species*, а также *splendor*, *nitor*, *flos*, *luculentia*. Следовательно, в данную эпоху лексема *beauty* соотносилась преимущественно со зрительным восприятием (форма, украшение, блеск, чистота, яркость), при этом конкретные эталоны красоты в словарных статьях практически не приводились [10].

В XVIII в. лексикографы придерживались сходных позиций. Значение лексемы раскрывалось через синонимы *comeliness*, *handsomeness*, *curiousness*, *delicacy*, а также через указание на гармоничную форму, приятную для глаза наблюдателя. В ряде источников фиксируется конкретный эталон: *beauty* истолковывается как «красивая, миловидная или очаровательная женщина». Особое место принадлежит словарю С. Джонсона, в котором семантическая структура слова представлена не через синонимический ряд, а посредством развёрнутых толкований: сочетание изящества и пропорций, радующее глаз; особое изящество, особенность или украшение; нечто в высшей степени превосходное; красивый человек [10].

XIX в. ознаменован дальнейшим усложнением семантической структуры лексемы. В словаре *A new English dictionary on historical principles* зафиксированы такие значения, как совершенство формы и очарование окраски, доставляющие наслаждение зрению; качество либо совокупность качеств, доставляющие удовольствие иным органам чувств либо воздействующие на интеллектуальные и нравственные способности; преобладающая мода или стандарт прекрасного; персонифицированное абстрактное качество; красивый человек или предмет, в особенности красивая женщина; красивая черта, украшение, изящество. Наряду с этим в словарях указанного периода выделяется семантический компонент, не соотносимый с внешним обликом объекта.

В XX в. семантическая структура лексемы пополнилась новым значением, соотносимым с индустрией красоты, — «деятельность по приданию людям привлекательного облика посредством макияжа, косметических процедур и т. п.» [10]. Ядерными значениями лексемы *beauty*, выделяемыми всеми исследованными словарями, являются следующие: состояние или качество быть красивым; красивый человек, предмет или вещь; качество, делающее что-либо особенно хорошим или привлекательным; хороший пример своего типа. Тенденция к постоянному усложнению семантической структуры подтверждается количественно: если на начальных этапах вхождения в словарный фонд английского языка слово имело два значения, то в настоящее время лексема *beauty* обладает восемью значениями [10].

Анализ словарных дефиниций современных толковых словарей английского языка подтверждает приведённые наблюдения. В *The American Heritage Dictionary of the English Language* лексема определяется как приятное качество, сопряжённое с гармонией формы или цвета, совершенством исполнения, правдивостью, оригинальностью; как качество или особенность, производящая наиболее

сильное впечатление; как выдающийся пример; а также как beautiful people — состоятельные и влиятельные лица. Словари Collins Cobuild, Macmillan и Merriam Webster дополняют семантическую структуру такими компонентами, как преимущество либо достоинство объекта, а также обозначение привлекательного облика, достигаемого средствами косметики и специальных процедур [8].

Таким образом, диахронический анализ свидетельствует о последовательном расширении семантического объёма лексемы beauty и о закреплении в её структуре как признаков, соотносимых со зрительным восприятием и эталоном женской красоты, так и признаков, отражающих социально-культурные трансформации (индустрия красоты, beautiful people как социальная категория).

2.2 Лексико-семантическое поле концепта: ядро и периферия

Ядро номинативного поля концепта «красота» образовано ключевыми словами-репрезентантами beauty, beautiful и их синонимами. Установление содержания периферийной части поля опирается на контекстуальный анализ, обеспечивающий отбор лексических единиц, которые называют видовые варианты денотата и его отдельные признаки [2].

Синонимический ряд лексем, объединённых общей семей «красота», характеризуется известным коннотативным единством. Интегральным для перечисленных единиц является признак «доставлять удовольствие при созерцании», причём в словарях данному признаку даётся непосредственная оценка: он квалифицируется как эстетическая либо чувственная категория. В числе наиболее частотных единиц, репрезентирующих понятие красоты в английском языке, выделяются следующие: beautiful / beauty, pretty, lovely, handsome, bonny, comely, fair, beauteous, pulchritudinous, good-looking, splendid, resplendent, glorious, sublime [3].

Несмотря на лексико-семантическую близость, указанные единицы разграничиваются по ряду узкопонятийных определений. Лексема beautiful соотносится, с одной стороны, с мысленно опосредованным созерцанием, с другой — с совершенством и соответствием идеалу. Лексема lovely рассматривается в аспекте интенсивного эмоционального восхищения и очарованности, тогда как comely обозначает нечто гармоничное, соразмерное, противопоставленное обыденности. Лексемы pretty и handsome обнаруживают расхождения не только на уровне определения (тонкость и изящество, с одной стороны, рационально осмысляемое удовольствие — с другой), но и в сфере употребления, поскольку pretty традиционно применяется к лицам женского пола, а handsome — мужского [3].

Компонентный анализ лексемы beauty, выполненный на материале словарных дефиниций, позволил выделить как интегральные признаки концепта, образующие его ядро (pleasing and impressive qualities; beautiful person, especially woman; beautiful places; fine example of its kind), так и дифференциальные характеристики, отнесённые к периферии (pleasing personal appearance, формируемая средствами косметики и специальных процедур; beautiful people). Существенным является и то, что в структуре лексемы выделяется 38 семных компонентов, в числе которых 9 архисем, дифференциальные описательные и относительные семы, а также потенциальные и интенсифицирующие семы [8].

Значимую роль в организации лексико-семантического поля выполняют ассоциативные характеристики концепта. В тезаурусе Роже красота соотносится в первую очередь с такими смысловыми областями, как harmony (proportion, symmetry, balance, order, rhythm, euphony), attractiveness (prettiness, loveliness, charm, grace, elegance, exquisiteness, bloom, glow), beautifulness и charmer. Следовательно, поле концепта охватывает не только собственно эстетические характеристики, но и представления о гармонии, привлекательности и обаянии [8].

Самостоятельным уровнем репрезентации концепта выступает словообразовательный. В английском языке выделяются словообразовательные гнёзда beauty — beautiful — beauteous (поэтич.) — the beautiful — beautifulness; beauty — beautydom — beautyship; beauty — beautify — beautifier — beautifician. Грамматический строй английского языка не предполагает обязательного морфологического

показателя рода, вследствие чего категория рода в словообразовательной семантике данных цепочек отсутствует. Средства субъективной оценки в английском языке реализуются не на морфемном, а на лексическом уровне, а категория стилистической окрашенности представлена слабее, нежели, например, в русском языке: в оппозиции *beautiful* — *beauteous* последнее прилагательное функционирует либо в поэтической речи, либо в иронических контекстах [1].

Примечательно, что в английском языке актуализируются категориальные значения, слабо выраженные в словообразовательных системах ряда других языков, а именно собирательность, характеристика деятеля (абстрактного либо конкретного лица) и способ оценки (рациональная или эмоциональная). Так, собирательность передаётся суффиксами *-dom* (*beautydom*) и *-ship* (*beautyship*), общность качеств, формирующих красоту, выражается субстантивированным прилагательным *the beautiful*, а от глагола *to beautify* образованы существительные *beautifier* (обозначение абстрактного деятеля) и *beautifician* (косметолог) [1].

Анализ лексических средств объективации концепта на материале английского художественного текста указывает на то, что ядро номинативного поля формируется не только ключевыми словами-репрезентантами и их синонимами, но и единицами, близкими им по значению (*charm*, *charming*, *sweet*, *enticing*). Периферийную часть поля образуют гипонимы и наименования отдельных признаков концепта, соотносимых с ним контекстуально, — характеристики внешности, эмоции, вызываемые красотой, а также объекты природы, воспринимаемые как эстетически релевантные. Характерно, что количество характеристик, отражающих индивидуально-авторское восприятие красоты, существенно уступает числу общекультурных: индивидуальные черты не преобладают, а лишь дополняют и уточняют общекультурные [2].

Таким образом, лексико-семантическое поле концепта «*beauty*» характеризуется полевой организацией: его ядро образуют ключевые лексемы *beauty* и *beautiful* с их синонимами и производными, тогда как периферию составляют единицы, обозначающие отдельные признаки красоты и сопутствующие ей эмоциональные состояния.

2.3 Фразеологический и паремиологический уровни объективации

Языковое своеобразие английского языка не исчерпывается лексическими единицами в узком смысле слова. Значительный пласт лингвоконцептуальных представлений о красоте сосредоточен в малых жанрах устного народного творчества — пословицах и поговорках, а также в идиоматических конструкциях [4].

Анализ английских пословиц свидетельствует о том, что красота отнюдь не всегда отождествляется с высоким нравственным обликом человека. Среди пословиц, включающих данное понятие, целесообразно разграничить две категории: в одних красота представлена в активном аспекте (*Beauty dies and fades away, but ugly holds its own*; *Beauty is a living thing*), в других человек и красота соотносятся с оценочной точки зрения (*Good fame is better than a good face*; *Handsome is as handsome does*). Отдельную группу образуют пословицы, отражающие представление о красоте как о внешнем, преимущественно эстетическом качестве, которое составляет лишь одну и притом не главенствующую из добродетелей человека: *Beauty is only skin-deep*; *Beauty is in the eye of the beholder*. При этом в ряде пословиц понятия красоты и прекрасного оказываются прямо противопоставленными [4].

Фразеологизмы выступают дополнительным источником изучения лингвоконцепта «красота» в английской лингвокультуре. Именно в идиомах, являющихся экспонентами культурного знания, находят отражение национально-культурные традиции, стереотипы, установки и ценности определённого языкового сообщества [4]. Фразеологизмы, репрезентирующие понятие красоты, представляют её с достаточно полярных позиций. К идиомам, описывающим красивую наружность человека, относятся *pretty as a picture*, *look like a million dollars*, *peaches-and-cream*, *not a hair out of place*, *dressed to kill*, *cut a*

dash. Приведённые примеры позволяют заключить, что преимущественно красота в английских идиомах соотносится не с естественным внешним обликом человека, а с тем впечатлением, которое он производит либо намерен произвести на окружающих.

Показательным в этом отношении является фразеологизм *peaches-and-cream*, которому в русском языке семантически созвучно сочетание «кровь с молоком». Оба выражения обозначают пышное, цветущее, здоровое тело, сопоставляемое с «натуральными» элементами — персиками и сливками в одном случае и кровью и молоком в другом. Тем самым указанное английское идиоматическое словосочетание манифестирует значимость естественной, природной красоты, присущей человеку по праву рождения. При этом фразеологизм *peaches-and-cream* употребляется применительно к лицам женского пола: лингвоконцепт «красота» в английской лингвокультуре первоочередно соотносится с женским началом [4].

Описание фразеологизмов, соотносимых с лингвоконцептом «красота», было бы неполным без обращения к идиомам, обозначающим нечто некрасивое, неопрятное, неприглядное либо уродливое: *all skin and bones*; *down-at-hill*; *face only a mother could love*; *face that would stop a clock*; *mutton dressed as lamb*; *ugly as sin*; *vertically challenged*. Приведённые примеры позволяют судить о характеристиках, которые устойчиво ассоциируются у носителей английского языка с чем-то непривлекательным. Так, сочетание *all skin and bones* («кожа да кости») свидетельствует о том, что чрезмерная худоба оценивается скорее отрицательно; фразеологизм *down-at-hill* иллюстрирует отрицательную оценку неопрятности во внешности; устойчивое выражение *vertically challenged* транслирует представление о соотнесённости красоты с высоким ростом; *mutton dressed as lamb*, в свою очередь, демонстрирует отношение общества к старению, молодости и красоте [4].

Особого внимания заслуживает метафорический уровень репрезентации концепта. Сопоставительный анализ метафор, репрезентирующих концепт «красота» в английском, русском и татарском языках, позволяет выявить как универсальные, так и национально-специфичные параметры образности. Наиболее значительную группу образуют метафоры, образная структура которых при общем денотативном значении совпадает лишь частично. Примерами полного тождества значений эквивалентных метафор служат *angel* / ангел, *madonna* / мадонна, в структуре переносного значения которых присутствует сема «непорочность, чистота», а также сема «красота». Наряду с этим ряд метафор обнаруживает национальное своеобразие: в частности, для номинаций английского языка типична внутренняя форма, в которой мотивирующий признак «красота» соотносится с гастрономическим ощущением (*peach*, *beefcake*, *crumpet*, *cookie*), поскольку сладкий вкус продукта порождает в сознании носителя языка положительные ассоциации [6].

Небезынтересно, что в английской лингвокультуре прослеживается достаточно выраженное и, очевидно, обоснованное недоверие к красоте: *A fair face may hide a foul heart*; *Who hath a fair wife needs more than two eyes*; *The greatest care ought to be in the choice of a wife, and the only danger there is beauty*. Кроме того, в современном английском языке фиксируется значительное число слов и выражений, принадлежащих к так называемой индустрии красоты: *beauty-parlor*, *beauty salon*, *beauty aids*, *beauty box*, *beauty competition*, *beauty consultant*, *beauty cream*, *beauty mask*, *beauty preparations*. Примечательно, что наиболее действенным средством поддержания красоты в английской культуре признаётся *beauty sleep* — ранний сон до полуночи, которому приписывается свойство сохранять красоту [9].

Таким образом, фразеологический и паремиологический уровни объективации концепта «красота» свидетельствуют о том, что данный концепт представляет собой многослойное и многоаспектное образование, насыщенное дополнительными коннотациями и денотативными ответвлениями. Оппозиция «красивое — некрасивое» раскрывает понимание красоты как явления подвижного, изменяемого и в значительной степени ситуативного, а сопоставление идиом и пословиц

показывает, что внешняя красота в английском языковом сознании оценивается прежде всего сквозь призму её согласованности с внутренними качествами человека.

3. Концепт «красота» в романе ш. бронте «Джейн Эйр»

3.1 Номинативное поле концепта в тексте романа

Моделирование содержания художественного концепта начинается с построения его номинативного поля. Ядро поля образуют ключевые слова-репрезентанты и их синонимы, а периферия выявляется методом контекстуального анализа, позволяющего отобрать лексические единицы, называющие видовые варианты денотата и его отдельные признаки [2]. Применительно к роману Ш. Бронте «Джейн Эйр» такая процедура даёт возможность описать, какими языковыми средствами объективируется концепт «красота» в тексте, построенном на напряжённом противопоставлении внешнего и внутреннего.

В концептосфере романа концепт «красота» занимает одно из центральных мест, поскольку с ним непосредственно связаны и характеристика персонажей, и авторская оценка, и развитие главной темы произведения — темы достоинства личности, не сводимого к внешней привлекательности. Как и в других художественных текстах, концептосфера романа исключительно богата и включает такие взаимосвязанные концепты, как добро и зло, любовь, свобода, творчество, моральный долг; однако именно концепт «красота» выполняет роль смыслового ядра, организующего оценку персонажей [8].

Ядро номинативного поля концепта в тексте романа образуют ключевые лексемы *beauty* и *beautiful*, а также их синонимы и близкие по значению единицы, выделенные на основе словарных данных английского языка: *pretty*, *handsome*, *lovely*, *attractive*, *charming*, *sweet*, *comely*, *fair*. Согласно лексикографическому анализу, общим для этих единиц является качество «доставлять удовольствие при созерцании», при этом каждая из них обладает собственной понятийной спецификой: *beautiful* соотносится с совершенством и соответствием идеалу, *pretty* — с тонкостью и изяществом, *handsome* — с рационально оцениваемой привлекательностью и традиционно применяется к лицам мужского пола, *lovely* — с интенсивным эмоциональным восхищением [3].

Периферийную часть номинативного поля концепта в романе составляют лексемы, обозначающие отдельные признаки внешности и внутренних качеств. Вслед за исследованием лексических средств объективации концепта в английском художественном тексте, к периферии могут быть отнесены номинации, описывающие лицо, фигуру, цвет волос и глаз, а также черты характера, воспринимаемые как эстетически значимые [2]. Существенно, что в романе такие номинации регулярно сопровождаются оценочными определениями, которые формируют и корректируют представление читателя о персонаже.

Особенностью романа является то, что ключевые лексемы ядра номинативного поля используются не только для положительной, но и для отрицательной характеристики. Главная героиня описывается через лексемы, традиционно относящиеся к периферии антонимического ряда: в английском мироощущении концепт «красота» подразумевает оппозицию «красивое — некрасивое», а лексемы, обозначающие некрасивое, объединены признаками наличия внешнего недостатка (*ugly*), отсутствия ярких особенностей (*plain-featured*), чего-то жалкого или болезненного [3]. Именно к этой группе принадлежат определения, которыми героиня характеризует собственную внешность, — что принципиально важно для дальнейшего развёртывания концепта.

Средствами объективации концепта выступают не только лексемы, но и фразеосочетания и свободные словосочетания, а также совокупности текстов [8]. В романе такими средствами являются устойчивые характеристики персонажей, повторяющиеся на протяжении повествования и образующие своего рода «формулы» внешности: представление героини как невзрачной особы с правильными, но не примечательными чертами, противопоставленное образу блистательной светской красавицы.

Повторяемость этих характеристик обеспечивает устойчивость соответствующих когнитивных признаков в структуре концепта.

Таким образом, номинативное поле концепта «красота» в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр» имеет полевую организацию: ядро образуют ключевые лексемы *beauty* и *beautiful* с их синонимами, а периферию — многочисленные номинации отдельных признаков внешности и внутренних качеств персонажей. Однако специфика романа состоит в том, что антонимические единицы, обозначающие некрасивое, занимают в тексте не маргинальное, а концептуально значимое положение, становясь средством характеристики главной героини.

3.2 Портретная лексика и контраст как средства объективации

Портретная лексика занимает особое место среди средств объективации концепта «красота» в художественном тексте. Анализ английских художественных произведений показывает, что красота персонажа раскрывается преимущественно через оценочные прилагательные, эпитеты и сравнения, а также через прилагательные в сравнительной и превосходной степени и интенсифицирующие элементы [8]. В романе Ш. Бронте «Джейн Эйр» эти средства образуют развёрнутую систему, в основе которой лежит контраст.

Контраст как приём организации портретных характеристик опирается на противопоставление двух типов внешности. С одной стороны, в романе представлен образ блистательной светской красавицы, наделённой всеми признаками, которые английское языковое сознание связывает с красотой: правильные черты лица, выразительные глаза, изящная фигура, белая кожа, богатый наряд. Такой образ соответствует традиционному эталону, зафиксированному в лексикографических источниках, где *beauty* определяется прежде всего как «красивая женщина» и как качество, доставляющее удовольствие при созерцании [10].

С другой стороны, главная героиня последовательно описывается через лексемы, которые в системе английского языка относятся к отрицательной части оппозиции «красивое — некрасивое»: она не отличается яркой внешностью, лишена броской привлекательности, её черты определяются как заурядные. Существенно, что в английском языковом сознании антонимы к словам, обозначающим красоту, трактуются как нечто противоположное, однако лишь по признаку интенсивности, а лексемы со значением «некрасивое» объединены признаками отсутствия ярких особенностей (*plain-featured*) и врождённого физического недостатка (*ugly*) [3]. Таким образом, характеристика героини строится на сознательном отказе автора от ядерной лексики концепта.

Портретная лексика романа организована по принципу градуальности. При описании внешности используется широкий набор оценочных определений, среди которых присутствуют как единицы ядра (*beautiful, pretty, lovely, handsome, charming*), так и единицы периферии, обозначающие отдельные признаки (определения цвета, формы, размера, качества кожи, волос, глаз). Подобная многоуровневость свойственна английскому художественному тексту в целом: анализ показывает, что номинативное поле концепта включает как прямые номинации, так и наименования ситуативно-контекстуальных характеристик, раскрывающих его содержание [2].

Особая роль в портретной характеристике принадлежит интенсификаторам и средствам усиления оценки. Аксиологический анализ английских оценочных высказываний о внешности демонстрирует, что наиболее распространённым способом выражения оценки является структура «наречие + прилагательное», причём наречия-интенсификаторы сами содержат гипероценочную семантику и ещё более усиливают значимость внешних данных. В число прилагательных, регулярно участвующих в такой оценке, входят *beautiful, pretty, charming, attractive, lovely, sweet, good-looking* [5]. В романе Ш. Бронте этот механизм реализуется в характеристиках, которые персонажи дают друг другу: оценка внешности становится способом выразить отношение к человеку и его месту в системе ценностей произведения.

Показательно, что в романе оценка внешности регулярно сопровождается указанием на внутренние качества персонажа. Это соответствует наблюдению о том, что в английской лингвокультуре внешняя и внутренняя красота мыслятся как неразрывные: англичане считают, что внешняя красота должна свидетельствовать о внутренней красоте, но при этом признают, что внешность может быть обманчива [8]. Именно эта двойственность и определяет логику контраста в романе: блестящая внешность одного персонажа не подкрепляется соответствующими нравственными качествами, тогда как внешняя невзрачность другого соединяется с душевной чистотой и твёрдостью характера.

Помимо прилагательных, средством объективации концепта в портретных описаниях выступают сравнения и метафоры. Анализ английского метафорического материала свидетельствует о том, что красота регулярно осмысливается через природные образы и через эталоны, связанные с блеском, светом и белизной (жемчужный, звездистый, лилейно-белый), причём часть таких образов является универсальной, а часть — национально специфичной [6]. В романе природные образы используются для характеристики как привлекательных, так и непривлекательных персонажей, что позволяет автору не просто противопоставить типы внешности, но и переосмыслить саму связь между внешней формой и внутренним содержанием.

Таким образом, портретная лексика и контраст являются ведущими средствами объективации концепта «красота» в романе. Через последовательное сопоставление двух типов внешности автор включает концепт в систему эстетических и этических оценок, а сам концепт обнаруживает подвижность: его ядерные признаки связываются не только с положительной, но и с отрицательной характеристикой, что готовит его аксиологическое переосмысление в финале произведения.

3.3 Внешняя и внутренняя красота в аксиологической системе романа

Аксиологический аспект концепта «красота» является одним из наиболее значимых для его описания, поскольку оценка представляет собой имманентное свойство концепта. Аксиологический подход к языковым явлениям позволяет установить основания оценки объектов действительности и выявить специфику ценностного подхода культуры, а человек, будучи одновременно субъектом и объектом оценки, выражает своё ценностное отношение к миру посредством совокупности оценочных языковых средств [5].

В романе Ш. Бронте «Джейн Эйр» оппозиция внешней и внутренней красоты становится основой всей аксиологической системы произведения. Данная оппозиция опирается на устойчивое представление английской лингвокультуры: с одной стороны, внешняя красота рассматривается как свидетельство красоты внутренней, с другой — признаётся, что внешность может быть обманчива и что красота является лишь одной из добродетелей человека, причём далеко не главной. Как показывают пословицы, красота далеко не всегда отождествляется с высоким моральным обликом: *A fair face may hide a foul heart; Beauty is only skin-deep; Handsome is as handsome does* [4].

Показательно, что английская лингвокультура обнаруживает достаточно серьёзное и обоснованное недоверие к красоте. Пословицы предупреждают об опасности, связанной с внешней привлекательностью: тому, у кого красивая жена, нужно больше, чем два глаза; наибольшую осторожность следует проявлять при выборе жены, и единственная опасность при этом — красота. Именно это недоверие определяет логику романа, в котором блистательная внешность одного персонажа оказывается не соединённой с нравственным совершенством, а скромная внешность другого — подкреплённой душевной чистотой и силой характера [9].

Существенно, что в английском языковом сознании внешняя красота должна свидетельствовать о внутренней красоте, но внешняя и внутренняя красота не всегда совпадают. На материале английских художественных текстов установлено, что красота героя может быть представлена как нечто разрушающее, способное при определённых условиях привести к моральному распаду личности, тогда

как утрата внешней привлекательности сопровождается обретением подлинных нравственных ценностей [8]. Тем самым концепт приобретает отчётливо аксиологическую природу: он подразумевает не только констатацию эстетических свойств, но и их оценку в системе этических координат.

Аксиологическая структура концепта «красота» в романе может быть описана через несколько взаимосвязанных признаков. Первый из них — признак «красота как свойство внешности», охватывающий многочисленные оценочные определения, которыми наделяются персонажи. Второй — «восприятие красоты доставляет удовольствие», реализующийся в описаниях восхищения внешностью и в высказываниях, содержащих прямую положительную оценку. Третий — «красота как проявление внутренних качеств», представленный через лексику, обозначающую благородство, чистоту, достоинство, верность и силу духа. Как показывают исследования номинативного поля концепта в английском художественном тексте, именно эти признаки формируют ядро полевой структуры концепта [2].

Особую роль в аксиологической системе романа играет сравнение красоты с другими ценностями. Анализ английских пословиц показывает, что красота рассматривается как одна из добродетелей человека и далеко не главенствующая, а в ряде случаев понятия красоты и прекрасного буквально противопоставляются друг другу [4]. В романе это противопоставление реализуется через последовательную иерархию ценностей: внешняя привлекательность уступает место нравственному достоинству, честности, способности к верности и состраданию. Именно эти качества и составляют, по замыслу автора, подлинную красоту человека.

Важным средством выражения аксиологического содержания концепта являются оценочные высказывания персонажей. Аксиологический анализ английского комплимента внешности показывает, что оценка внешности осуществляется при участии лексических, грамматических и стилистических оценочных средств, а наиболее распространённой моделью является сочетание наречия-интенсификатора с прилагательным (*madly attractive, astonishingly beautiful, wonderfully expensive*). Совокупность таких средств маркирует определённые ценности английской культуры и реализует эмоционально-модальную функцию речи [5]. В романе оценочные высказывания о внешности распределены между персонажами таким образом, что одни из них оценивают красоту как безусловную ценность, а другие — как качество, не имеющее решающего значения перед лицом нравственных требований.

Наконец, аксиологическое переосмысление концепта в романе отчётливо проявляется в финале произведения, когда утрата внешней привлекательности прямо связывается с обретением подлинного нравственного величия. Именно так реализуется отмеченное исследователями свойство английского концепта «красота»: этическая оценка человека оказывается столь же, а подчас и более релевантной, чем оценка эстетическая, поскольку красота без внутреннего содержания является пустой [9]. Тем самым концепт «красота» в романе Ш. Бронте оказывается не замкнутым эстетическим понятием, а ценностной категорией, организующей всю систему образов произведения.

Таким образом, внешняя и внутренняя красота образуют в романе центральную аксиологическую оппозицию. Анализ средств её языкового выражения показывает, что концепт «красота» реализуется в тексте не только через ядерную лексику, но и через оценочные высказывания, интенсификаторы, сравнения и метафоры, а его содержание раскрывается в последовательном утверждении приоритета внутренних качеств человека над внешней привлекательностью.

Заключение

В результате проведённого исследования была достигнута поставленная цель — выявлены и описаны языковые средства репрезентации концепта «красота» в английском языке и в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр».

В ходе решения первой задачи установлено, что концепт представляет собой оперативную содержательную единицу мышления, обладающую сложной полевой и фреймовой организацией, а совокупность взаимосвязанных концептов художественного текста образует концептосферу. Средствами объективации концепта признаются лексемы, фразеосочетания, свободные словосочетания и совокупности текстов, что позволяет рассматривать концепт как на системно-языковом, так и на текстовом уровне.

При решении второй задачи показано, что концепт «красота» является лингвокультурной универсалией, содержание которой социально и исторически обусловлено. Сложившиеся в лингвистике подходы к его изучению — лингвокультурологический и семантико-когнитивный — позволяют описать как национальную специфику эстетической оценки, так и структуру концепта через анализ средств его языковой репрезентации.

Решение третьей задачи позволило проследить диахроническую динамику семантики лексемы *beauty*. Установлено, что слово заимствовано из французского языка в начале XIV в. и восходит к латинскому *bellitatem*; семантическая структура лексемы демонстрирует тенденцию к постоянному усложнению — от двух значений на начальном этапе до восьми в современном английском языке. Ядерными значениями являются «состояние или качество быть красивым», «красивый человек, предмет или вещь», «качество, делающее что-либо особенно хорошим», «хороший пример своего типа».

При решении четвёртой задачи определено, что лексико-семантическое поле концепта имеет полевую организацию: его ядро образуют ключевые лексемы *beauty* и *beautiful* с их синонимами (*pretty*, *handsome*, *lovely*, *attractive*, *charming*), а периферию — единицы, обозначающие отдельные признаки красоты и сопутствующие ей эмоции. Анализ словообразовательных гнёзд показал наличие категориальных значений, отсутствующих в ряде других языков, — собирательности (*beautydom*, *beautyship*), общности качеств (*the beautiful*) и характеристики деятеля (*beautifier*, *beautifician*).

Решение пятой задачи показало, что фразеологический и паремиологический уровни объективации концепта образуют многослойное образование, насыщенное дополнительными коннотациями. Анализ идиом и пословиц свидетельствует о том, что в английском языковом сознании красота оценивается преимущественно через призму её гармонии с внутренними качествами человека, а оппозиция «красивое — некрасивое» раскрывает понимание красоты как понятия изменяемого и глубоко ситуативного.

Анализ языкового материала романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» позволил выявить специфику художественной репрезентации концепта. Номинативное поле концепта имеет полевую организацию, однако антонимические единицы, обозначающие некрасивое, занимают в тексте концептуально значимое положение и используются для характеристики главной героини. Портретная лексика и контраст выступают ведущими средствами объективации концепта, а центральной аксиологической оппозицией романа становится противопоставление внешней и внутренней красоты, в котором приоритет последовательно отдаётся нравственным качествам личности.

Подводя итог, следует отметить, что концепт «красота» в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр» представляет собой не замкнутое эстетическое понятие, а ценностную категорию, организующую систему образов произведения. Его изучение вносит вклад в исследование как национальной специфики английской эстетической картины мира, так и индивидуально-авторской интерпретации концепта в художественном тексте. Перспективой дальнейшей работы может стать сопоставительный анализ репрезентации концепта «красота» в произведениях английских писателей XIX в.

Литература:

1. Алтаева У.А. Словообразовательные гнёзда и семантика производных слов концепта «красота» в английском, казахском и русском языках // Филологические науки. — 2016.
2. Голубева К.Г., Наумова Т.М. Лексические средства объективации концепта «красота» в романе Дж. Голсуорси «Собственник» // Филологические науки. — 2017. — С. 366–369.
3. Ляшенко Н.А. К вопросу о понятии «красота» в английской лингвокультуре // Гуманитарные и социальные науки. — 2022. — №5. — С. 74–78.
4. Ляшенко Н.А. К вопросу о фразеологизмах как средствах репрезентации концепта «красота» в английском языке // Гуманитарные и социальные науки. — 2023. — №6. — С. 104–108.
5. Путилина Л.В., Агаркова О.А. Аксиологические аспекты комплимента внешности в английском языке // Филологические науки. — 2022.
6. Садриева Г.А. Метафорическая репрезентация концепта «красота» в английском, русском и татарском языках // Филологические науки. — 2013.
7. Ткаченко А.В. Форматирование знаний об английских атрибутивных словосочетаниях (на примере построения когнитивной матрицы HAIR BEAUTY) // Неофилология. — 2020. — Т. 6, №22. — С. 318–327.
8. Филистова Н.Ю. Лингвистическое исследование концепта «Beauty» в английском художественном тексте // Litera. — 2019. — №3.
9. Шарданова М.А., Дзасежева Л.Х. Вербализация концепта «красота» в английской и адыгской языковых картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — №5 (59). — Ч. 2. — С. 161–164.
10. Шилихина К.М., Жилина И.А. Семантическая структура лексемы «beauty» в диахроническом аспекте (на материале словарей XVI–XX веков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2024. — №2. — С. 98–107.

Базиль Д.В.

преподаватель

кафедра теории и методики истории и обществознания,

аспирант

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»

Киенко В.Р.

ассистент

кафедра теории и методики истории и обществознания,

аспирант

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»

Bazil D.V.

Lecturer

Department of Theory and Methodology of History and Social Studies,

Postgraduate Student

Stavropol State Pedagogical Institute

Kiyenko V.R.

Assistant

Department of Theory and Methodology of History and Social Studies,

Postgraduate Student

Stavropol State Pedagogical Institute

ПРИХОДСКИЕ БИБЛИОТЕКИ КАК ПРОСТРАНСТВО РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СТАВРОПОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. На материалах комплектов «Ставропольских епархиальных ведомостей» за 1891-1917 гг. рассматривается формирование приходской библиотеки как места религиозного просвещения. Прослежены переход от ученических собраний при церковно-приходских школах к публичным библиотекам-читальням, порядок их финансирования, комплектования и надзора, связь книжной выдачи с внебогослужебными беседами и миссионерской работой. Установлено, что регламент 1906 г. закрепил допустимые расходы церквей и персональную ответственность приходских настоятелей и благочинных, одновременно ограничив фонд религиозно-нравственной литературой и духовной периодикой. В 1914-1917 гг. библиотечные практики включались в трезвенное и противосектантское просвещение, а проекты приходского устройства 1917 г. передавали заведование библиотеками выборным лицам и комитетам при сохранении конфессионального отбора литературы.

Ключевые слова: Ставропольская епархия, приходская библиотека, библиотека-читальня, религиозное просвещение, церковно-приходская школа, миссионерство, Андреевско-Владимирское братство.

PARISH LIBRARIES AS A SPACE OF RELIGIOUS EDUCATION IN THE STAVROPOL DIOCESE AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. Drawing on a systematic review of the Stavropol Diocesan Gazette for 1891–1907 and 1914–1917, the article examines how parish libraries developed into local venues for religious education. It traces the transition from pupils' collections at parish schools to public library-reading rooms and reconstructs their funding,

acquisition, supervision, lending, and connection with extra-liturgical talks. The diocesan regulation of 1906 authorized church expenditure and assigned responsibility to parish priests and deans while restricting holdings to religious and moral books and church periodicals. During 1914–1917, libraries became part of temperance and anti-sectarian instruction. Parish governance projects published in 1917 proposed entrusting libraries and reading rooms to elected persons or committees, although confessional control over reading matter remained in place.

Keywords: Stavropol Diocese, parish library, library-reading room, religious education, parish school, missionary work, St Andrew and St Vladimir Brotherhood.

История библиотечного дела Ставрополя изучалась преимущественно в масштабе губернской сети. А. Е. Боровцова определила круг региональных источников, в который вошли: отчеты, периодическую печать, каталоги и документы просветительных обществ, а также обратила внимание на материалы Андреевско-Владимирского братства [13, 118]. Т. А. Красницкая показала церковную школу как местный культурный центр, где проходило обучение детей, проводились воскресные занятия и народные чтения для взрослых, которые не владеют грамотой [14, 99]. Роль приходской библиотеки в Ставропольской епархии проявлялась внутри этих более широких сюжетов. Между тем ее работа обеспечивала школьные чтения, внебогослужебную беседу, выдачу книг на дом и распространение миссионерской литературы. Цель статьи установить, как складывалась эта связь, какими средствами содержались библиотеки, кто контролировал их фонды и как менялись читательские практики к 1917 г.

17–20 февраля 1893 г. епархиальная власть разрешила духовенству 5-го благочиннического округа Кубанской области расходовать из церковных сумм 160 руб. единовременно на первоначальное устройство библиотек при церковно-приходских школах и по 30 руб. ежегодно на их пополнение. [1, 98]. В отчете за следующий год учебные библиотеки значились при всех церковно-приходских школах епархии, тогда как собрания для внеклассного чтения лишь создавались. Достаточно укомплектованными считались фонды ставропольских школ, школ 5-го и 18-го округов Кубанской области и нескольких училищ в других округах. Нехватка книг прямо называлась причиной, по которой за пределами Ставрополя не удавалось наладить регулярные воскресные и праздничные чтения [1, 46].

К 1896 г. достаточные собрания имелись во всех церковных школах 8-го и 2-го кубанских округов, в школах Майкопа и ряда крупных станиц. Комплектование уже включало периодику. Новотитаровская школа выписывала «Церковно-приходскую школу», «Паломник», «Вестник Красного Креста», «Кормчий» и детский журнал «Родник»; Платнировская школа выписывала четыре издания, среди которых были «Задушевное слово» и «Детский отдых» [1, 132]. В 1897 г. псаломщик И. Мусиенко внес 4 руб. на выписку периодических изданий для майкопской Покровской школы, а общество села Привольного построило отдельные здания для церковно-приходской школы стоимостью до 5000 руб. и публичной читальни стоимостью до 4000 руб. [1, 264].

Священник Митрофан Иванов в 1898 г. предложил открыть публичную библиотеку при каждой церковно-приходской школе. Школьное или приходское помещение снимало расходы на отдельное здание, а сельскому обществу предлагалось отпускать на книги 50–100 руб. в год. В состав фонда он включал религиозно-нравственные сочинения, русскую историю и литературу по сельскому хозяйству, гигиене, садоводству и пчеловодству. Периодика должна была поддерживать интерес после окончания школы [2, 246].

В Ставрополе такую модель развивало Андреевско-Владимирское братство. В Доме помощи грамотным подопечным выдавали книги братской библиотеки, а М. Н. Мищенко читал вслух тексты религиозно-нравственного содержания [3, 101]. По отчету братства, содержание библиотекаря обходилось в 120 руб. в год, а выписка газет и журналов в 104 руб. 30 коп. [3, 161]. В 1901 г. в помещении детского приюта провели более тридцати воскресных чтений, которые проходили с 18 до 20 часов. Священник Константин Надежин руководил чтениями при участии диаконов и псаломщика. Еще

двадцать четыре занятия прошли в мужской школе при Доме помощи. Там читали Евангелие и Апостол, объясняли молитвы и Символы веры, обращались к житиям святых и церковной истории, а также использовали журналы «Душеполезное чтение», «Народное образование» и «Читальня народной школы» [3, 899].

Братская читальня работала ежедневно с 9 до 20 часов и бесплатно выдавала книги на дом. За отчетный год ею воспользовались 252 мужчины, 162 женщины и 94 учащихся, всего читателям выдали 8249 книг и 646 газетных номеров [3, 900]. Братство одновременно передавало собственные религиозно-полемические брошюры миссионерам, снабжало бедные школы и публичные библиотеки, а также выделило 10 руб. библиотеке ставропольского арестного дома. Стоимость розданных книг, брошюр и учебных пособий составила 638 руб. 10 коп. [3, 903].

Отчеты о внебогослужебных беседах за 1903–1904 гг. показывают обращение книг в сельском приходе. Священники читали статьи из духовных журналов, добавляя доступные материалы по земледелию и охране здоровья. У священника Лотоцкого прихожане просили взять домой тексты, прочитанные во время беседы, и пользовались приходской библиотекой. Благочинный 21-го округа Кубанской области отмечал спрос на религиозные книги, их аккуратный возврат и пожертвования на новые брошюры. В ст. Донской за год провели 97 бесед, в Албашской 92, в Новонижестеблиевской 80 [4, 1403].

Размер фонда зависел от типа учреждения. Образцовая одноклассная женская школа при Екатеринодарском епархиальном женском училище располагала к 1903/04 учебному году 278 названиями в 297 томах. За год в библиотеку школы приобрели еще 123 названия в 123 томах. На шесть периодических изданий израсходовали 15 руб. 50 коп., а общую стоимость библиотеки оценивали примерно в 365 руб. [5, 39].

17-20 января 1906 г. епархиальное начальство рассмотрело ходатайство духовенства станицы Сергиевской и разрешило открывать при церквях публичные библиотеки-читальни там, где это позволяли местные условия. В них передавались пригодные книги из церковных собраний. На первоначальное устройство разрешалось израсходовать до 100 руб., а на ежегодное пополнение до 50 руб. Библиотекарь должен был получать 30 руб. в год. Фонд ограничивался книгами религиозно-нравственного содержания и духовной периодикой. Настоятель отвечал за работу читальни, а благочинный осматривал ее дважды в год и включал сведения в годовой отчет [6, 122].

Пожертвования сохраняли большое значение для пополнения библиотек после принятия регламента. В 1906 г. псаломщик Федор Волхонский передал 50 руб. школе грамоты в селе Арзгир на библиотеку [6, 267–268]. В 1907 г. атаман Майкопского отдела генерал-майор Кияшко и житель села Вольного Захарий Антонов внесли по 5 руб. на пополнение бедной библиотеки церковно-приходской школы села Мостового [7, 1215].

В 1914 г. библиотека вошла в программу приходских обществ трезвости. Духовенству предлагалось расходовать из церковных средств от 10 до 50 руб. в год на противоалкогольную литературу и выписывать журналы «Трезвая жизнь», «Вестник трезвости» и «Трезвые всходы» [8, 18]. Война не прекратила местное комплектование библиотек. В апреле 1915 г. Кавказское отделение епархиального училищного совета поблагодарило попечителя Саламатина, пожертвовавшего 50 руб. на ученическую библиотеку церковно-приходской школы станицы Сенгилеевской [8, 539].

Противосектантская миссия создала собственную сеть снабжения приходов. В станице Куцевской районный миссионер хранил собрание богословских и полемических изданий. В 1915 г. оно было пополнено 62 экземплярами, а его общая стоимость достигла 175 руб. 18 коп., при этом составитель отчета продолжал считать фонд недостаточным [9, 22]. На снабжение епархиальной миссионерской библиотеки в Екатеринодаре было заложено в 1910 г. ассигнование 150 руб. и ежегодные 25 руб. на

пополнение. В 1914 г. архиепископ Агафодор разрешил израсходовать 1000 руб. на специальную епархиальную миссионерскую библиотеку, а к началу 1916 г. миссионеру 1-го района Ставропольской губернии выделили 150 руб. на книги [9, 84]. Эти собрания обслуживали священников и книгонош, которые переносили литературу из епархиального центра в сектантские поселения и отдельные дворы.

В приходах, где действовали кружки ревнителей православия, на церковные и приходские средства покупали Священное Писание, полемические пособия, листки и брошюры. Епархиальное духовенство отпускало Миссионерскому совету по 100 руб. на каждого миссионера для бесплатной раздачи печатных материалов и по 50 руб. на пособия [9, 73–82]. Правила, утвержденные 20 января 1917 г., обязывали миссионерского книгоношу по указанию миссионера покупать и продавать книги Священного Писания, духовно-нравственные и полемические издания. Светские книги допускалась лишь по особому решению. Книгоноша должен был беседовать с сектантами в домах и следить за распространением учений на ярмарках и базарах [11, 135].

Школьные комиссии 1916-1917 гг. фиксировали целый ряд проблем. В одной из сельских школ, размещенной в церковной сторожке, при 55 учащихся библиотека для внеклассного чтения была «очень скудна» [10, 40]. В Невинномысских церковно-приходских школах проверяющий также требовал пополнить учительское собрание и книги для внеклассного чтения [10, 140].

Опубликованный в 1917 г. проект приходского устройства связывал дальнейшее развитие библиотек с выборным приходским советом. Параграфы 42–44 возлагали на совет заботу о религиозно-нравственном обучении в школах, позволяли избирать отдельных заведующих или комитеты для библиотек и читален [12, 960]. В другом проектном изложении совету предписывалось открывать проводить народные чтения и рекомендовать к продаже через книжную лавку подходящие книги и периодику. Одновременно ставилась задача противодействовать безнравственной и противощерковной печати [11, 1041].

В 1890-е гг. основой приходской библиотечной работы служило ученическое собрание при церковно-приходской школе. Окружные съезды назначали единовременные взносы от церквей и небольшие ежегодные отчисления, а епархиальный училищный совет контролировал закупку. Воскресные чтения и выдача книг на дом придали библиотеке публичный характер. Опыт Андреевско-Владимирского братства закрепил порядок её работы. Читатели имели ежедневный доступ к большой библиотеке книг, которые они получали при оформлении абонемента. Распоряжение января 1906 г. признало библиотеку-читальню допустимой при храме, ограничило расходы и установило надзор, где всё зависело от церковной кассы и пожертвований. Отчеты 1917 при этом фиксируют, что книг скудное количество. Регламент допускал к размещению в приходских библиотеках в основном религиозно-нравственные книги и духовную периодику, а позднее к ним добавились трезвенные и противосектантские издания. Сведения о земледелии и здоровье попадали к слушателям через внебогослужебные беседы. Приходские советы расширяли участие мирян в заведовании библиотеками и читальнями, но конфессиональный отбор литературы сохранялся. В изученных материалах библиотека являлась рабочим звеном приходского просвещения и общим печатным ресурсом для школы и миссионерской деятельности.

Литература:

1. Материалы об устройстве и состоянии библиотек церковно-приходских школ Ставропольской епархии // Ставропольские епархиальные ведомости. 1893. С. 97–264.
2. Иванов М., свящ. По поводу всенародного образования // Ставропольские епархиальные ведомости. — 1898. — № 5. — С. 243–246.

3. Отчеты о деятельности Ставропольского Андреевско-Владимирского братства за 1898 и 1900 годы // Ставропольские епархиальные ведомости. 1900. С. 101–161.
4. Сперанский Я. Отчет о внебогослужебных собеседованиях, веденных духовенством Ставропольской епархии в 1902–1903 г. // Ставропольские епархиальные ведомости. 1904. С. 1393–1403.
5. Отчет о состоянии образцовой одноклассной женской церковно-приходской школы при Екатеринодарском епархиальном женском училище за 1903/04 учебный год // Ставропольские епархиальные ведомости. 1905. № 6 (прил.). С. 37–39.
6. Материалы об учреждении и пополнении библиотек при церквях и церковных школах Ставропольской епархии // Ставропольские епархиальные ведомости. 1906. С. 121–268.
7. О пожертвованиях на библиотеку церковно-приходской школы села Мостового // Ставропольские епархиальные ведомости. 1907. С. 1214–1215.
8. Материалы о комплектовании приходских и ученических библиотек в 1914–1915 гг. // Ставропольские епархиальные ведомости. 1914. С. 17–18;
9. Отчеты о деятельности миссионеров Ставропольской епархии за 1915 год // Ставропольские епархиальные ведомости. 1916. С. 21–84.
10. Отчет о посещении Преосвященным Михаилом, епископом Александровским, 2-м викарием Ставропольской епархии, приходов и церквей 1-го, 9-го, 10-го и 11-го благочиннических округов Кубанской области в октябре 1915 года // Ставропольские епархиальные ведомости. 1917. С. 40–140.
11. [Материалы о деятельности миссионерских книгонош и реорганизации миссионерского дела] // Ставропольские епархиальные ведомости. 1917. С. 134–135.
12. Постановления о приходе, принятые Общеeparхиальным съездом духовенства и мирян Ставропольской губернии и Кубанской области 22 июня 1917 года: Временный устав прихода // Ставропольские епархиальные ведомости. 1917. С. 960.
13. Боровцова А. Е. Источники для изучения истории библиотечного дела Ставропольской губернии второй половины XIX — начала XX века // Библиотековедение. 2014. С. 111–118. DOI: 10.25281/0869-608X-2014-0-2-111-118.
14. Красницкая Т. А. Церковная школа как образовательный и культурный центр российской провинции в конце XIX — начале XX века // Культурное наследие России. — 2021. С. 93–99. DOI: 10.34685/NI.2021.34.3.013.

Курбанова М.Г.

независимый исследователь

Kurbanova M.G.

Independent Researcher

ИНТЕГРАТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ БАЗИС ДЛЯ НОВЫХ ЭМПИРИЧЕСКИХ ОБОБЩЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируются теоретические и методологические тенденции на современном этапе развития научного знания, связанного с переходом к постнеклассической рациональности и антропологическим поворотом в познании. Этот сдвиг обуславливает растущий запрос на трансдисциплинарные подходы, способные интегрировать знания из различных областей и преодолеть разрыв между академической и прикладной психологией, между рациональными и иррациональными аспектами познания. Показано, что прирост научного знания в психологии становится возможным благодаря синтезу рациональных методов с иррациональными аспектами познания, включая авторские эмпирические обобщения. Цифровые технологии открывают новые возможности для верификации эмпирических обобщений и их интеграции в научный дискурс.

Ключевые слова: методология, общая психология, психология познания, философия познания, рациональность, рациональное, иррациональное, интегративная психология

INTEGRATIVE PSYCHOLOGY AS A TRANSDISCIPLINARY BASIS FOR NEW EMPIRICAL GENERALIZATIONS

Abstract. The article analyzes theoretical and methodological trends at the current stage of scientific knowledge development, which is characterized by the transition to post-non-classical rationality and the anthropological turn in cognition. This shift drives a growing demand for transdisciplinary approaches capable of integrating knowledge from various fields and bridging the gap between academic and applied psychology, as well as between rational and irrational aspects of cognition. It is demonstrated that the growth of scientific knowledge in psychology becomes possible due to the synthesis of rational methods with irrational aspects of cognition, including the authors' own empirical generalizations. Digital technologies open up new opportunities for verifying empirical generalizations and integrating them into scientific discourse.

Keywords: methodology, general psychology, psychology of cognition, epistemology, rationality, the rational, the irrational, integrative psychology

Введение

Современный этап развития научного знания характеризуется радикальным изменением оснований теории познания. Постнеклассическая рациональность совершает исторический антропологический поворот.

Классическая рациональность характерна для науки XVII–XIX веков. Ее ключевая особенность — центрирование внимания на объекте познания. Неклассическая рациональность рассматривает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности как условие получения объективно-истинного описания и объяснения мира. Постнеклассическая рациональность учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте как с особенностями средств и операций деятельности,

так и с ценностно-целевыми структурами. При этом рассматривается связь внутринаучных целей с внеаучными, социальными ценностями и целями.

Необходимость исследований альтернативных методов познания в эпоху постнеклассической рациональности автор показал в отдельной статье, аргументируя такую необходимость с позиций междисциплинарной проблематики и философской теории познания. В ответ на масштабные вызовы современному человечеству автором предлагается рассмотреть возможность разработки трансдисциплинарной исследовательской программы [5].

Проблема исследования связана с поиском методологического основания, позволяющего объединить рациональные и иррациональные аспекты познания и сократить разрыв между академической и прикладной психологией. Цель исследования — рассмотреть возможности интегративной психологии как трансдисциплинарного базиса для формирования и верификации новых эмпирических обобщений.

Материалы и методы

Материал исследования составили монографии и научные статьи, посвященные проблемам общей психологии, психологии познания, постнеклассической рациональности, психической саморегуляции, исследованию индивидуальных различий и принципов интегративного подхода. В работе применены теоретический анализ, сопоставление и систематизация представленных в научной литературе подходов, а также методологическая интерпретация их возможностей в контексте интегративной психологии.

Результаты

В настоящее время тема рационального и иррационального аспектов познания активно развивается в рамках общей психологии и нейронаук.

1. Взаимодействие рационального и иррационального аспектов познания. В монографии А. В. Нарышкина психика человека представлена с позиций уровневой теории организации. Психика рассматривается как объективная и в определенной степени независимая от мозга реальность. Последовательно описываются девять уровней организации психики и роль каждого из них. Теория А. В. Нарышкина опирается главным образом на материалы отечественной психологии и русско-немецкой психиатрической школы, избирательно учитывает опыт англо-, франко- и немецкоязычной психологии и психиатрии. Автором исследуются материалы христианской, оккультно-экстрасенсорной, традиционных индийских и китайских практик [7].

М. С. Гусельцева фокусирует внимание на факторе устойчивости личности в современном мире. Автор отмечает, что социокультурная реальность и способы ее концептуализации в настоящее время многократно трансформируются в течение жизни одного поколения. Характерно, что изменения в мире и представления о них не во всём происходят синхронно, создавая разрыв между объективной реальностью и ее субъективными интерпретациями. Осознанность рассматривается как культурная практика, ставшая ответом на данные вызовы современному человеку. В методологическом плане осознанность относится автором к категориям трансдисциплинарного подхода и задачам интеграции психологического знания. Важно отметить, что интеграция, по мнению автора, происходит и на междисциплинарном уровне, и в сфере общей психологии, объединяя современные практики для преодоления разрыва между академическими и прикладными сферами деятельности [2]. В монографии «Метапознание и психическая саморегуляция: системный подход» представлен ряд статей по итогам исследования саморегуляции у студентов в рамках психологии метапознания и системного подхода, рассматриваются вопросы метапознания в связи со способностью человека к осознанию изменений [1]. В работе Е. Е. Сапоговой «Иррациональность как ресурс совладания с неопределенностью» излагается положение об иррациональной установке человека во взаимодействии с реальностью на основе сравнительного анализа отличительных особенностей рационального и иррационального поведения в

ситуациях дефицита опыта для принятия решения, избежать которого не представляется возможным [8]. Устойчивые индивидуальные различия в организации деятельности человека стали предметом исследования А. Д. Ишкова. Он представляет вниманию научного сообщества бимодальную классификацию природных специализаций, основанную на нейрофизиологических принципах альтернативной парной регуляции деятельности [3].

II. Запрос на новую методологию в современных междисциплинарных исследованиях. Анализ современных тенденций в науке указывает на устойчивый запрос на новую методологию, способную выступить трансдисциплинарным базисом для решения масштабных задач в теоретических исследованиях и социальной практике. Требуется трансдисциплинарная методологическая платформа, способная синтезировать разрозненные теоретические концепты и создавать условия для верификации новых эмпирических обобщений. В научных исследованиях сформировался запрос на принципиально новую методологию, способную преодолеть дисциплинарную разобщенность и раскрыть неразрывную связь между многомерной организацией психики субъекта и структурой создаваемого им научного знания.

В таких условиях в качестве трансдисциплинарного базиса может выступить подход, развиваемый в контексте интегративной психологии В. В. Козлова [4]. Интегративная психология позволяет преодолеть методологический кризис, рассматривая человека как сложную, открытую, многоуровневую систему, существующую в континууме «материя — сознание — дух». В этой системе субъективные когнитивные стили, ценностно-смысловые ориентации, уровни интеграции сознания и внешние проявления реальности, эмпирические факты, социальные институты, технологические практики представлены как единая развивающаяся целостность.

Особое место в системе интегративной психологии занимает проблема структурирования психических процессов научно-практической деятельности. Традиционные попытки классификации субъектов познания зачастую носили статичный характер.

Выдающимся примером эмпирического обобщения является типология Карла Густава Юнга, представляющая фундаментальные психические функции и установки [10]. Развитие данная типология получила в методике MBTI [6]. С позиций интегративной психологии юнгианская типология имеет потенциал к переосмыслению и динамическому расширению через развитие тезисов о многомерности сознания. Психотипы могут быть представлены не как фиксированные индивидуально-психологические свойства, а как стадии развертывания потенциала «Я» в научно-практической деятельности и в выборе антикризисных стратегий в обычной жизни людей. Процесс может быть представлен как движение от базового эмпирического созерцания и прагматического действия на персональном уровне через системный анализ и ценностное осмысление к финальному интегративно-синергетическому синтезу на трансперсональном уровне. Новые результаты в этом направлении могут быть достигнуты на основе данных, полученных при использовании иррациональных аспектов авторских методов познания. Новые результаты эмпирических обобщений, благодаря цифровым технологиям, могут обеспечить прирост научного знания при интеграции с рациональными методами общей психологии. Запрос на формирование принципиально иного способа понимания мира необходимо сочетать с этическими принципами создания и применения авторских методов в психологической практике [9].

Обсуждение

В статье проанализированы теоретические и методологические тенденции современного этапа развития научного знания, связанные с переходом к постнеклассической рациональности и антропологическим поворотом в познании. Этот сдвиг обуславливает растущий запрос на трансдисциплинарные подходы, способные интегрировать знания из различных областей и преодолеть разрыв между академической и прикладной психологией, рациональным и иррациональным аспектами

познания. Цель исследования достигнута, так как анализ актуальных источников по проблеме исследования показал возможности интегративной психологии как трансдисциплинарного базиса для новых эмпирических обобщений. Материал исследования составили современные работы по общей психологии, психологии познания, философии познания и интегративной психологии. Использованы теоретический анализ, сопоставление и систематизация научных подходов. В результате исследования показано, что прирост научного знания в психологии может быть связан с синтезом рационального и иррационального аспектов познания в инновационных авторских эмпирических обобщениях. Интегративная психология позволяет рассматривать человека как сложную, открытую и многоуровневую систему и создает основания для переосмысления существующих типологий и методологических моделей. Важным результатом исследования является уточнение вопросов, связанных с цифровой трансформацией общества: цифровые технологии открывают дополнительные возможности для верификации новых эмпирических обобщений и их включения в научный дискурс при соблюдении этических принципов разработки и использования авторских методик в сфере психологии.

Заключение

Постнеклассическая рациональность формирует новый тип междисциплинарного взаимодействия естественно-научных, технических и социально-гуманитарных дисциплин.

Постнеклассическая рациональность акцентирует внимание исследователей на ценностно-рациональных стратегиях деятельности, учитывает логико-методологические стандарты, анализирует целесообразные действия человека, его цели и ценности.

Связь внутринаучных целей с вненаучными и социальными особенно важна при работе с человекообразными объектами.

Прирост научного знания в общей психологии возможен на основе результатов новых эмпирических обобщений, которые при использовании цифровых технологий могут быть интегрированы с рациональными методами познания.

Полученные результаты позволяют рассматривать интегративную психологию как методологическое основание для объединения разнородных подходов к изучению психики и для последующей верификации новых эмпирических обобщений. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка способов такой верификации с использованием цифровых технологий при соблюдении этических принципов создания и применения авторских методов в психологической практике.

Литература:

1. Виноградова, Я. Е. Метапознание и психическая саморегуляция: системный подход. — Санкт-Петербург: Скифия-Принт, 2026. — 112 с. — ISBN 978-5-98620-825-1.
2. Гусельцева, М. С. Осознанность как фактор устойчивости личности в меняющемся мире. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. — 2024. — Т. 14, № 3. — С. 414–433.
3. Ишков, А. Д. Бимодальная классификация природных специализаций и дихотомические модели индивидуальных различий. // Вестник Академии знаний. — 2026. — № 1(72). — С. 784–793.
4. Козлов, В. В. Интегративная психология. — Изд. четвертое, дополненное и исправленное. — Москва: Международная академия психологических наук, 2026. — 628 с.
5. Курбанова, М. Г. Постнеклассическая рациональность и альтернативные методы познания: к формированию интегральной эпистемологии. // Международный научно-исследовательский журнал. — 2026. — № 5 (167). — С. 116. — DOI: 10.60797/IRJ.2026.167.116.
6. Майерс, И. Б. MBTI. Определение типов. У каждого свой дар; перевод с английского. — Москва: Бизнес Психология, 2010. — 320 с.

7. Нарышкин, А. В. Теория психики. — Москва: Издательство Триумф, 2026. — 613 с. — ISBN 978-5-94472-322-2. — DOI: 10.29039/978-5-94472-322-2-01-2026.

8. Сапогова, Е. Е. Иррациональность как ресурс совладания с неопределенностью. // Научно-педагогическое обозрение. — 2024. — Вып. 3 (55). — С. 90–99. — DOI: 10.23951/2307-6127-2024-3-90-99.

9. Тюлин, А. С. Этические принципы создания и применения авторского метода в психологии и психотерапии // Материалы XI Международного научно-практического конгресса психологов-консультантов, психотерапевтов и представителей помогающих профессий (Москва, 2025). — Москва: ОППЛ, 2025. — С. 126–127.

10. Юнг, К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг; перевод с немецкого под редакцией В. Зеленского. — Москва: Академический Проект, 2020. — 538 с.

Аленькин В.И.

студент

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

e-mail: vlad_alenkin@mail.ru

научный руководитель – доктор политических наук, профессор

С.А. Нефёдов

Alenkin V.I.

Student

Pyatigorsk State University

scientific director – Doctor of Political Science, Professor

S.A. Nefedov

ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА И МЕДИЙНЫЕ НАРРАТИВЫ КАК ФАКТОР ОТНОШЕНИЯ ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА К МИГРАНТАМ

Аннотация. В статье рассматривается влияние информационной среды и медийных нарративов на формирование отношения принимающего сообщества к мигрантам. Анализируются механизмы установления повестки, фрейминга миграционной проблематики, стереотипизации и этнизации социальных конфликтов. Особое внимание уделяется цифровым платформам и социальным сетям, ускоряющим распространение эмоционально насыщенного контента. Показана взаимосвязь между медийным образом мигранта, социальной дистанцией принимающего населения и возможностями реализации интеграционной стратегии аккультурации. Обосновывается двойственная роль информационной среды: она способна как усиливать межэтническую напряженность, так и создавать условия для более рационального восприятия миграции, адаптации и интеграции мигрантов.

Ключевые слова: миграция, мигранты, аккультурация, информационная среда, медийные нарративы, принимающее сообщество, межэтнические отношения, социальные сети, интеграция.

THE INFORMATION ENVIRONMENT AND MEDIA NARRATIVES AS FACTORS INFLUENCING THE HOST COMMUNITY'S ATTITUDE TOWARD MIGRANTS

Abstract. The article examines the influence of the information environment and media narratives on the host community's attitudes toward migrants. It analyzes agenda-setting, framing of migration issues, stereotyping and the ethnicization of social conflicts. Particular attention is paid to digital platforms and social media that accelerate the dissemination of emotionally charged content. The relationship between the media image of migrants, social distance within the host population and the possibilities for an integration-oriented acculturation strategy is examined. The article argues that the information environment plays a dual role: it can intensify interethnic tensions, but it can also contribute to a more rational perception of migration and create conditions for adaptation and integration.

Keywords: migration, migrants, acculturation, information environment, media narratives, host community, interethnic relations, social media, integration.

Введение

Миграционные процессы оказывают заметное влияние на социально-экономическое и политическое развитие современных государств, затрагивая рынок труда, демографическую ситуацию,

социальную инфраструктуру, общественную безопасность и межэтнические отношения. Для многонационального общества особое значение приобретает характер взаимодействия мигрантов и принимающего населения, поскольку от него зависят не только темпы адаптации приезжих, но и уровень общественной стабильности.

Аккультурация не сводится к одностороннему приспособлению мигранта. Ее результат определяется готовностью приезжего осваивать язык, соблюдать законодательство и принимать основные нормы принимающего общества, а также готовностью самого общества допускать его включение в социальные отношения. При высокой социальной дистанции даже выраженная ориентация мигранта на интеграцию может сталкиваться с внешними ограничениями. Поэтому отношение принимающего населения следует рассматривать как самостоятельный фактор аккультурационных процессов.

Одним из ключевых источников формирования такого отношения является информационная среда. Представления граждан о миграции складываются не только на основе непосредственного общения с приезжими, но и под воздействием СМИ, социальных сетей, мессенджеров и иных цифровых каналов. В результате между объективными характеристиками миграции и их общественным восприятием возникает информационно-коммуникационное пространство, в котором формируются устойчивые образы мигрантов.

Цель исследования состоит в определении влияния информационной среды и медийных нарративов на отношение принимающего сообщества к мигрантам и выявлении значения данного фактора для аккультурации и предупреждения межэтнических конфликтов. Методологическую основу составили системный, институциональный и конструктивистский подходы, элементы дискурсивного анализа, концепция установления повестки дня М. Маккомбса и Д. Шоу, теория фрейминга Р. Энтмана, теория межгруппового контакта Г. Олпорта и модель аккультурационных стратегий Дж. Берри.

1. Информационное конструирование миграционной проблематики

Информационная среда представляет собой не только совокупность каналов передачи сведений, но и пространство интерпретации социальной действительности. Значение имеют как факты, получающие публичное освещение, так и способы их представления. Согласно концепции установления повестки дня, интенсивность присутствия определенной проблемы в массовой коммуникации способна влиять на ее субъективную значимость для аудитории [1]. Применительно к миграции это означает, что частое присутствие миграционных сюжетов может усиливать представление граждан о масштабности соответствующей проблематики независимо от личного опыта.

Не менее важна интерпретационная рамка сообщения. Р. Энтман связывает фрейминг с выделением отдельных аспектов социальной реальности и приданием им повышенной значимости [2]. Миграция может освещаться через экономическую, культурную, социальную или правоохранительную рамку. В одном случае внимание концентрируется на потребностях рынка труда, в другом — на культурных различиях, нагрузке на инфраструктуру либо вопросах безопасности. Выбор доминирующей рамки способен существенно изменять оценку одного и того же явления.

Особенно значим данный механизм для людей, имеющих ограниченный опыт непосредственного общения с мигрантами. Информационный образ в этом случае частично замещает межличностный опыт. При этом категория «мигранты» объединяет группы, различающиеся по правовому статусу, происхождению, продолжительности проживания, образованию, занятости и степени культурной адаптации. Сведение этого разнообразия к единому образу способствует стереотипизации. Следовательно, медиасреда не просто отражает миграционную ситуацию, а участвует в формировании ее общественного значения.

2. Медийные нарративы и социальный образ мигранта

Медийный нарратив можно определить как устойчивую смысловую конструкцию, связывающую отдельные события в общую объяснительную модель. В миграционной тематике условно выделяются конфликтогенный, прагматический и интеграционный нарративы. Конфликтогенный строится на противопоставлении мигрантов и принимающего населения и акцентирует потенциальные экономические, культурные или криминальные угрозы. Прагматический рассматривает миграцию преимущественно как социально-экономический процесс, связанный с рынком труда, демографией и государственным управлением. Интеграционный исходит из возможности включения мигранта в принимающее общество при соблюдении законодательства, владении языком, уважении общественных норм и готовности к взаимодействию.

Подобный механизм создает предпосылки для этнизации социальных конфликтов. Бытовой спор, трудовое противоречие или преступление с участием представителей разных этнических групп может интерпретироваться как проявление межэтнического противостояния, хотя первоначальные причины события могли не иметь этнического содержания. Информационная интерпретация тем самым способна изменить масштаб конфликта и символически вовлечь в него более широкие группы.

С точки зрения профилактики межэтнической напряженности необходимо разграничивать индивидуальное противоправное поведение и групповые характеристики. Однако противоположная крайность — замалчивание реальных проблем — также непродуктивна. Расхождение между непосредственным опытом граждан и официальной информационной картиной способно снижать доверие к институтам. Конструктивная модель должна основываться не на искусственном создании положительного образа миграции, а на ее дифференцированном и фактически обоснованном представлении.

3. Цифровая среда и распространение конфликтных интерпретаций

Социальные сети и мессенджеры существенно изменили механизм формирования миграционной повестки. В традиционной медиасистеме между событием и массовой аудиторией находилась профессиональная редакция, тогда как цифровые платформы позволяют очевидцу практически мгновенно публиковать фото, видео и собственную интерпретацию. Первоначальная эмоциональная версия происшествия может получить широкое распространение еще до появления подтвержденных сведений.

Конфликтный контент обладает высоким потенциалом пользовательской реакции. Материалы, вызывающие страх, возмущение или тревогу, активно комментируются и пересылаются, получая дополнительную видимость. Один эпизод одновременно распространяется через новостные сайты, социальные сети, мессенджеры и видеосервисы. Многократное столкновение с сообщениями об одном событии способно субъективно увеличивать его значение и создавать ощущение высокой распространенности соответствующего явления.

Особенно опасна подобная динамика после резонансных происшествий с участием представителей различных этнических групп. Недостаток подтвержденной информации создает пространство для слухов и коллективных обвинений. Поэтому оперативная коммуникация государственных и общественных институтов имеет непосредственное значение для профилактики межэтнической напряженности. Чем быстрее аудитория получает проверяемые сведения, тем меньше пространство для спекулятивных интерпретаций.

4. Информационный образ мигранта и процессы аккультурации

Аккультурация представляет собой изменения, возникающие вследствие продолжительного взаимодействия представителей различных культур. Дж. Берри выделяет стратегии интеграции, ассимиляции, сепарации и маргинализации [3]. Для настоящего исследования принципиально, что выбор и реализация стратегии происходят не изолированно от принимающей среды. Возможность интеграции

зависит как от готовности мигранта участвовать в жизни нового общества, так и от характера отношения этого общества к его присутствию.

Интеграционная стратегия предполагает включение мигранта в социальную систему принимающей страны при возможности сохранения части исходной культурной идентичности. Если человек владеет языком, соблюдает законодательство, легально работает и принимает основные общественные нормы, но продолжает восприниматься исключительно как представитель внешней группы, возникает противоречие между требованиями интеграции и возможностями ее практического достижения.

Информационная среда участвует в формировании подобных социальных границ. Медийный образ создает предварительные ожидания еще до непосредственного контакта. Негативный образ способен увеличивать социальную дистанцию и снижать интенсивность межгрупповых взаимодействий. В свою очередь, отсутствие контактов затрудняет корректировку уже сформировавшихся стереотипов. Данный вывод соотносится с теорией межгруппового контакта Г. Олпорта, согласно которой взаимодействие представителей различных групп при определенных условиях способно снижать предубеждения [4].

5. Информационная политика как элемент предупреждения межэтнических конфликтов

Государственное регулирование миграции включает не только контроль въезда и пребывания иностранных граждан, но и управление социальными последствиями миграционных процессов. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы связывает миграционную сферу с вопросами безопасности, социально-экономического развития и адаптации иностранных граждан [5]. В данном контексте информационная политика может рассматриваться как один из инструментов профилактики межэтнических конфликтов.

Первым принципом такой политики должна быть достоверность. Замалчивание проблем способно снижать общественное доверие, а чрезмерная генерализация — усиливать негативные групповые стереотипы. Необходима модель, позволяющая открыто говорить о нарушениях и одновременно отделять их от характеристик мигрантов как социальной группы. Второй принцип — индивидуализация ответственности: противоправные действия должны оцениваться применительно к конкретному субъекту, а происхождение не должно автоматически становиться объяснением поведения.

Третьим направлением является предотвращение необоснованной этнизации конфликтов. Акцентирование происхождения участников оправданно тогда, когда этнический фактор непосредственно связан с причинами события. В иных обстоятельствах оно способно искусственно переводить социальное противоречие в межэтническую плоскость. Четвертое направление связано с прозрачностью миграционного регулирования. Информирование населения о требованиях к иностранным гражданам, мерах ответственности и адаптационных программах формирует представление о миграции как об управляемом процессе.

Не менее важно публично определять критерии успешной интеграции. Если от мигранта требуется знание русского языка, соблюдение законодательства, легальная занятость и уважение норм принимающего общества, выполнение этих требований должно создавать реальные возможности для сокращения социальной дистанции. Таким образом, целесообразна двусторонняя модель аккультурационной политики. Первое направление обращено к мигранту и предполагает языковую, правовую, социальную и культурную адаптацию. Второе обращено к принимающему сообществу и предполагает формирование объективных представлений о миграционных процессах и признание возможности интеграции лиц, выполняющих установленные государством и обществом требования. Информационная среда связывает эти направления, поскольку посредством массовой коммуникации формируются взаимные ожидания сторон.

Заключение

Проведенный анализ показывает существенное влияние информационной среды на отношение принимающего сообщества к мигрантам. Между объективными характеристиками миграционных процессов и их общественным восприятием действует система информационных посредников, определяющих, какие события становятся значимыми и каким образом они интерпретируются.

Одновременно информационная среда обладает интеграционным потенциалом. Фактически обоснованное освещение миграции, разграничение индивидуального поведения и групповых характеристик, прозрачность регулирования и понятные критерии успешной адаптации способны формировать более рациональное отношение к миграционным процессам.

Установленная взаимосвязь между медийным образом мигранта и условиями его аккультурации позволяет рассматривать информационно-коммуникационное направление как элемент политики предупреждения межэтнических конфликтов. Его задача состоит не в формировании безусловно положительного отношения к миграции, а в создании информационной среды, позволяющей объективно оценивать существующие проблемы, не допуская их необоснованного переноса на целые этнические и социальные группы.

Литература:

1. McCombs M. E., Shaw D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36. № 2. P. 176–187.
2. Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43. № 4. P. 51–58.
3. Berry J. W. Immigration, Acculturation, and Adaptation // *Applied Psychology*. 1997. Vol. 46. № 1. P. 5–34.
4. Allport G. W. *The Nature of Prejudice*. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954.
5. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738.

Макеев В.А.

кандидат философских наук, доцент

Сахалинский институт железнодорожного транспорта - филиал
ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»

Сугита В.А.

старший преподаватель кафедры психологии и спорта

Сахалинский институт железнодорожного транспорта - филиал
ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»

Makeev V.A.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Sakhalin Institute of Railway Transport – a branch of the Far Eastern State Transport University

Sugita V.A.

Senior Lecturer, Department of Psychology and Sports

Sakhalin Institute of Railway Transport – a branch of
Far Eastern State Transport University

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ РАБОТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Аннотация. Статья анализирует современные подходы к развитию профессиональной компетентности сотрудников железнодорожного транспорта с акцентом на технологическую трансформацию отрасли и требования безопасности. Предложены теоретико-методологические основания формирования адаптивных компетенций, рассмотрены диагностические процедуры и практические модели обучения, а также описаны организационные условия, способствующие устойчивому росту квалификации. Сформулирована интегративная модель развития, ориентированная на сочетание иммерсивных тренингов, наставничества и предиктивной аналитики.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, профессиональная адаптивность, развитие компетенций, непрерывное обучение, организационная культура.

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL CAPABILITIES AMONG RAILWAY TRANSPORT WORKERS

Abstract. The article analyzes modern approaches to developing the professional competence of railway transport personnel, focusing on the industry's technological transformation and safety requirements. It proposes theoretical and methodological foundations for fostering adaptive competencies, examines diagnostic procedures and practical training models, and outlines organizational conditions that facilitate sustained professional growth. An integrative development model is formulated, combining immersive training, mentoring, and predictive analytics.

Keywords: railway transport, professional adaptability, competence development, continuous learning, organizational culture.

В условиях конкурентной борьбы на рынке грузовых и пассажирских перевозок, эффективная деятельность железной дороги невозможна без внедрения передовых цифровых технологий и эффективного использования трудовых ресурсов. В связи с этим надо понимать, что железнодорожная

отрасль находится на стыке сложных трансформаций: внедряются цифровые системы управления, автоматизация меняет характер рабочих операций, ужесточаются нормативные требования. Одновременно возрастает роль способности сотрудников к быстрому формированию навыков, критическому мышлению и управлению рисками [1].

Таким образом, профессиональная готовность сотрудников больше не ограничивается лишь механическим выполнением должностных обязанностей. Поэтому необходим переход от разовых курсов повышения квалификации к системам непрерывного развития, включающим оперативную диагностику и целенаправленное формирование компетенций. Это означает, что понимание путей развития профессиональных навыков железнодорожного персонала должно опираться на концепции компетентностного подхода и теорию когнитивной гибкости.

Так, компетентностный подход смещает фокус с усвоения теоретических знаний на умение применять их в практической деятельности, а теория когнитивной гибкости, предложенная Рэндом Спиро, Полом Фелдтовичем и Ричардом Казинсом в 1988 году, подчеркивает необходимость владения несколькими вариантами действий и способности быстро переключаться между ними при изменении условий. Совместное использование этих концепций формирует базу современных образовательных программ, направленных на развитие практических компетенций, ситуационной осведомленности и эмоциональной стабильности [2].

Железнодорожная отрасль представляет собой сложную высокотехнологичную систему, где отказ одного элемента способен спровоцировать формирование цепочки сбоев, задержки движения или угрозу безопасности людей. Поэтому для сотрудников железнодорожной отрасли особенно важно умение сочетать технические навыки с прогнозированием и управлением отклонениями. Другим словами, требуется прогностическое мышление (оценка рисков до наступления события), кризисное реагирование и быстрое принятие решений в стрессовых условиях, а также грамотное применение инструментов анализа данных для выявления аномалий в работе [3]. Таким образом, сотруднику железнодорожной сферы необходимо развивать следующие компетенции: техническую (знание систем сигнализации, диагностику оборудования, межсубъектное взаимодействие при ремонте и обслуживании); ситуационную (способность быстро оценить аварийную ситуацию, принять корректирующее решение и координировать действия других участников); коммуникативную (эффективная передача критической информации и поддержание рабочих процедур); эмоциональную (выдерживать стрессовые нагрузки и сохранять внимание при длительной работе). В данном контексте следует подчеркнуть важность института наставничества, который ускоряет передачу знаний и формирование навыков, обучая действиям в нетипичных рабочих ситуациях, которые редко фиксируются в официальных инструкциях [4].

В процессе закрепления навыков отдельно следует отметить роль диагностических процедур, которые должны выходить за пределы тестовой проверки знаний и включать симуляционные оценки, анализ выполнения рабочих операций и показатели безопасности. Следовательно, количественные метрики, такие как время реагирования и число ошибок в смоделированных сценариях, должны дополняться качественными оценками преподавателей (наставников), а также самооценкой. Также полезно использование аналитической платформы, объединяющей данные обучения, операционной эффективности и инцидентных отчетов, что дает возможность раннего выявления потребностей в тренингах и прогнозирует риски.

Известно, что корпоративная культура в целом и отдельно фигуры лидеров, усиливают или, наоборот, подрывают потенциал развития сотрудников. Так, лидеры, демонстрирующие готовность к собственному обучению, стимулируют экспериментирование и открытость к ошибкам как к источнику

обучения, а различные стимулы и прозрачные карьерные траектории (корпоративная культура) усиливают стремления сотрудников к овладению требуемыми компетенциями [5].

Всеобщая цифровизация постоянно открывает новые возможности. Сегодня модели машинного обучения прогнозируют состояние транспортных средств и указывают на области, где особенно важно участие человека. В контексте развития профессиональных навыков сотрудников технологии дополненной и виртуальной реальности упрощают доступ к контекстно-зависимой информации, снижая тем самым риск ошибок. Виртуальная и дополненная реальность помогают развивать пространственное мышление и планировать действия непосредственно в инфраструктуре.

Так, виртуальная реальность (с помощью шлема и контроллеров) полностью погружает пользователя в синтезированное цифровое пространство, где воссоздается точная копия железнодорожного вокзала, модели путей или транспортного средства. Взаимодействие с данной технологией крайне важно при подготовке составителей составов (бригадиров маневренных бригад), которым необходимо тщательно отработать процедуры сцепки и расцепки вагонов, установки и снятия тормозных колодок, а также проведения проверки видимости. Кроме того, виртуальная реальность позволяет моделировать работы в сложных и опасных условиях (ночью, в тумане, под дождем) не подвергая риску жизнь и здоровье сотрудников. Моделирование также эффективно для отработки действий в чрезвычайных ситуациях (например, при эвакуации, пожаре или аварии), а также улучшает психофизиологические характеристики, такие как скорость реакции и стрессоустойчивость [6].

Таким образом, программы развития профессиональных способностей сотрудников должны строиться в виде непрерывных циклов: диагностика – целевая тренировка – оценка эффективности – коррекция траектории. Так же полезно интегрировать в программы обучения психологическую подготовку, направленную на развитие устойчивости и управление вниманием, поскольку многие ошибки в работе происходят из-за когнитивных перегрузок. Важно подчеркнуть, что для оптимизации обучения следует применять модульные программы с возможностью гибкой адаптации под индивидуальные дефициты компетенций сотрудника. Ниже кратко рассмотрим пример такой программы.

Первичная диагностика. Определение текущего уровня ключевых компетенций с помощью компьютеризированных тестов знаний, имитационной оценки критических сценариев, наблюдения на рабочем месте, интервью с наставником и самооценки. Результатом диагностик станет создание индивидуальной карты дефицита. Затем базовый курс (интерактивные лекции, краткие практические занятия в реальных условиях, контрольные задания) + адаптивные модули. Примерный выбор опций для адаптивных модулей.

1. Техническая диагностика и ремонт оборудования (устранение пробелов в диагностике и ремонте неисправностей). Формат: учебные тренажеры, анализ конкретных случаев на основе реальных происшествий, работа под наблюдением.

2. Принятие оперативных решений и управление инцидентами (развитие способности быстро анализировать ситуации в условиях неопределенности). Формат: сценарии погружения в виртуальную реальность, командно-ролевые игры, анализ инцидентов.

3. Цифровая грамотность и анализ данных (опыт работы с диагностическими досками, простыми аналитическими инструментами и отчетами). Формат: стажировки с реальными наборами данных, интерактивные модули. Важно отметить, что модуль может быть составлен преимущественно в базовой, расширенной или концентрированной формах (интенсивность выбирается в соответствии с картой дефицитов).

Итак, резюмируем вышесказанное. Развитие профессиональных способностей в железнодорожной отрасли – это процесс формирования адаптивной «экосистемы компетенций», где ключевым интегральным показателем эффективности выступает профессиональная адаптивность, определяемая

скоростью и качеством освоения новых навыков в условиях сохранения ключевых показателей безопасности. Для создания такой экосистемы требуется сочетание нескольких ключевых элементов: реалистичное обучение, непрерывная система наставничества и аналитическая платформа для предиктивной диагностики потребностей. Внедрение этой модели требует скоординированных инвестиций в образовательную инфраструктуру, пересмотра управленческих практик и включения научных методов оценки эффективности.

Дальнейшая эволюция предложенной экосистемы откроет возможности не только для повышения профессионализма кадров, но и обеспечит новый уровень надежности, эффективности и конкурентоспособности железнодорожного транспорта. Что непременно скажется на качестве обслуживания.

Литература:

1. Круглов Д.В., & Гуляева О.А. (2024). Развитие кадров в сфере железнодорожного транспорта. Вестник Академии знаний, (5 (64)), 625-628
2. Chuikova Z, Izmalkova A, Myachykov A, Liashenko A, Shtyrov Y, Arsalidou M. Interplay between switching, inhibition, and mental attention: An exploratory eye-tracking study. Psychol Res. 2026 Jan 13;90(1):19. doi: 10.1007/s00426-025-02229-7. PMID: 41528515
3. Федченко, А. Д. Средства формирования профессиональных компетенций наемных работников железнодорожного транспорта / А. Д. Федченко // Образование в современном мире: ключевые тренды трансформации: сб. науч. трудов Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием (Самара, 25 февр. 2022 года) / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева (Самар. ун-т); отв. ред. Т. И. Руднева. - Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2022. – С. 222-226
4. Васильев А.С., Мельникова М.А., Минеев Н.В. Сила наставничества: развитие профессиональных навыков в железнодорожной отрасли. Техник транспорта: образование и практика. 2024;5(2):130-136. <https://doi.org/10.46684/2687-1033.2024.2.130-136>
5. Люханова С.В., & Солохина А.И. (2024). Стратегия развития кадрового потенциала открытого акционерного общества «Российские железные дороги». Вестник университета, (4), 89-99. doi: 10.26425/1816-4277-2024-4-89-99
6. Билько М.Н. Современные компьютерные технологии для обучения персонала службы движения ж.д. транспортом // Международный студенческий научный вестник. 2025. № 6

Костюченко А.Б.

студент

факультет транспортных систем и безопасности

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени

Главного маршала авиации А. А. Новикова»

e-mail: andrejv0000@gmail.com

Kostyuchenko A.B.

Student

Faculty of Transport Systems and Safety

Saint-Petersburg State University of Civil Aviation named in honor of Air Chief

Marshal A. A. Novikov

ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ВОСПРИНИМАЕМЫЙ СТРЕСС У СТУДЕНТОВ

Аннотация. Цель исследования — сопоставить результаты работ о физической активности и воспринимаемом стрессе студентов и определить границы их применения в физическом воспитании. Методы и организация исследования. Выполнен целевой аналитический обзор семи эмпирических публикаций 2021–2025 годов и одной методической работы. Для каждой публикации сопоставлялись дизайн, выборка, программа занятий, показатель стресса и ограничения. Наблюдательные данные анализировались отдельно от экспериментальных, разовая нагрузка — отдельно от регулярных программ. Собственные экспериментальные данные не собирались. Результаты исследования и их обсуждение. В исследованиях регулярных программ йоги и круговой тренировки сообщалось о снижении самооценки стресса. Однако показатели разных шкал и периодов оценки не являются взаимозаменяемыми. В наблюдательных работах результаты варьировали от слабой обратной связи до отсутствия статистически значимой связи. Однократная аэробная нагрузка не обеспечила значимого ослабления физиологической реакции на лабораторный стрессор. Составлена сравнительная таблица, разграничивающая тип данных, измеряемый результат и допустимый вывод. Предложены критерии оценки применимости исследования по дизайну, нагрузке, показателю стресса и контексту участия. Эти критерии помогают избежать переноса корреляций в причинные рекомендации и отождествления субъективного стресса с физиологической реакцией. Заключение. Регулярные упражнения могут рассматриваться как компонент управления стрессом в студенческой среде. Обзор не устанавливает оптимальную дозировку или гарантированный эффект. Практические решения требуют учёта переносимости нагрузки и условий обучения. Целевой подбор источников, малые выборки и отсутствие полного текста одной публикации ограничивают полноту выводов. Применение предложенных критериев в конкретном вузе требует самостоятельной проверки.

Ключевые слова: физическая активность, физическая культура, студенты, воспринимаемый стресс, психологическое восстановление, групповые занятия, регулярность, аналитический обзор.

PHYSICAL ACTIVITY AND PERCEIVED STRESS AMONG UNIVERSITY STUDENTS

Abstract. Objective. To compare research on physical activity and perceived stress among university students and identify limits to its application in physical education. Methods and organization. A targeted narrative review included seven empirical publications from 2021 to 2025 and one methodological paper. Study design, sample, exercise program, stress outcome, and limitations were compared for each publication. Observational evidence was considered separately from experimental findings, and single exercise sessions were distinguished from regular programs. No original experimental data were collected. Results and discussion. Studies of regular yoga and circuit training programs reported reductions in self-reported stress. However, scores obtained with different scales and assessment periods are not interchangeable. Observational findings ranged from a weak inverse association to no statistically significant association. A single aerobic exercise session did not significantly attenuate physiological responses to a laboratory stressor. A comparative table separates the type of evidence, measured outcome, and permissible inference. Four criteria are proposed to assess applicability: study design, exercise exposure, stress measurement, and participation context. They help prevent causal recommendations based on correlations and the conflation of perceived stress with physiological responses. Conclusion. Regular exercise may be considered a component of stress management among university students. This review establishes neither an optimal exercise dose nor a guaranteed effect. Decisions require consideration of exercise tolerability and learning conditions. Targeted source selection, small samples, and an unavailable full text limit the conclusions. The proposed criteria require evaluation in the intended university setting.

Keywords: physical activity, physical education, university students, perceived stress, psychological recovery, group exercise, regular participation, narrative review.

Введение

Психологическое восстановление может рассматриваться как одно из направлений физического воспитания студентов. Для обоснования программы занятий необходимо различать воспринимаемый стресс и физиологическую реакцию на стрессор. Шкала воспринимаемого стресса (Perceived Stress Scale, PSS) оценивает субъективную напряжённость жизненных обстоятельств [1]; её показатели нельзя отождествлять с уровнем кортизола или артериальным давлением.

Цель обзора — сопоставить данные о физической активности и стрессе студентов и определить границы практического использования. Задачи: сравнить дизайны и показатели, разграничить разовую и регулярную нагрузку, сформулировать критерии применимости. Авторский результат — критическое сопоставление публикаций и критерии интерпретации для физического воспитания; первичные данные студентов нашего вуза не собирались.

Методы и организация исследования

Выполнен целевой аналитический обзор. Источники подбирались и проверялись 30 сентября 2026 года по сочетаниям university students, college students, physical activity, exercise, perceived stress, randomized trial. Использованы PubMed, PubMed Central и сайты журналов. Включались эмпирические работы о студентах или молодых взрослых с описанием физической активности и оценки стресса. Работа [1] включена как методический источник. Подбор не являлся исчерпывающим систематическим поиском.

Для семи эмпирических работ [2; 3; 4–8] сопоставлялись выборка, контрольные условия, нагрузка, период оценки и исход. Шесть полных текстов проверены; для [4] использовано только авторское резюме. Числа включённых и анализируемых участников учитывались отдельно. По опубликованным средним и стандартным отклонениям [3] построен график (рисунок 1). Метаанализ не выполнялся: дизайны, шкалы и временные интервалы неоднородны. Формальная оценка риска систематической ошибки стандартизированным инструментом не проводилась.

Результаты исследования и их обсуждение

Наблюдательные данные. В опросе 796 студентов одного медицинского вуза выявлена слабая обратная связь активности с воспринимаемым стрессом: коэффициент Спирмена $-0,250$, $p < 0,001$ [8]. В исходных данных 405 студентов с избыточной массой тела или ожирением значимого различия стресса между группами выполнения рекомендаций по активности не выявлено ($p = 0,136$), хотя использование физически активных способов управления стрессом было связано с меньшим показателем ($p = 0,003$) [5]. Опрос 254 студентов не выявил значимых корреляций активности ни с общим, ни с пандемическим стрессом [7]. Эти дизайны не устанавливают причинность.

Наблюдаемая связь допускает обратное направление: менее напряжённые студенты могут чаще заниматься. Сон, учебная нагрузка и исходное состояние могут быть смешивающими факторами. Их вклад в данном обзоре не рассчитывался.

Регулярные программы. В исследовании йоги [3] рандомизированы 130 студентов, в таблицах анализируются 129: 65 в экспериментальной группе и 64 в контроле. Программа длилась 12 недель, по два занятия по 60 минут в неделю. Средние значения PSS-14 изменились с 25,82 до 22,77 и с 24,83 до 25,09 соответственно. Программа сочетала упражнения, дыхание и расслабление; вклад двигательной нагрузки отдельно не установлен.

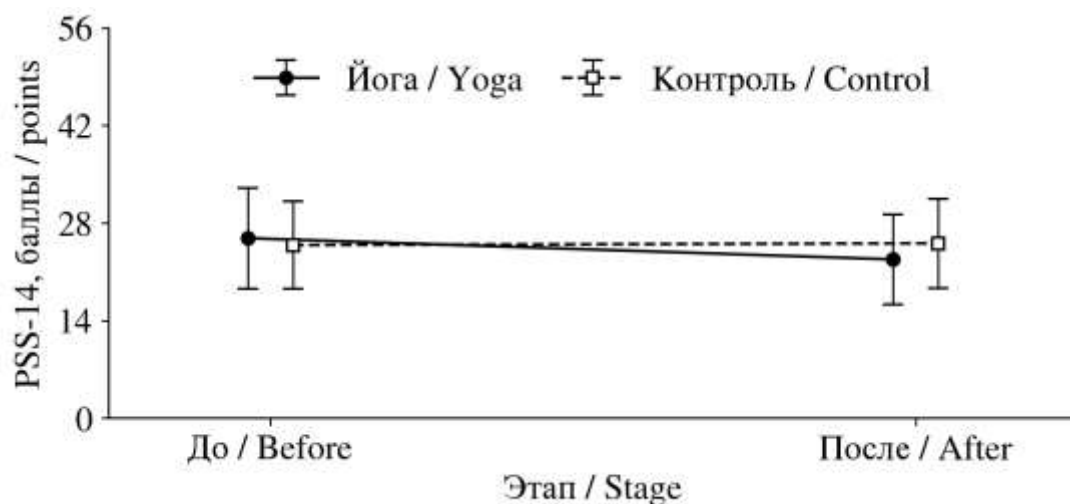

Рисунок 1. Стресс до и после 12 недель: йога ($n = 65$) и контроль ($n = 64$). PSS-14 — шкала воспринимаемого стресса, 0–56 баллов. Точки — средние, отрезки — ± 1 стандартное отклонение. Построено по данным Castellote-Caballero и соавт. [3], таблица 2.

Figure 1. Stress before and after 12 weeks: yoga ($n = 65$) and control ($n = 64$). PSS-14 — Perceived Stress Scale, 0–56 points. Markers are means; error bars are ± 1 standard deviation. Author's plot of data from Castellote-Caballero et al. [3], Table 2.

В резюме восьминедельного исследования 158 студентов [4] сообщено о внутригрупповом снижении самооценки стресса при круговой тренировке и йоге; статистически значимое снижение кортизола сыворотки выявлено только в группе йоги. Эти сравнения не доказывают превосходство одной программы над другой. В четырёхнедельном пилотном сравнении занятий в помещении и на открытом воздухе [2] из 13 включённых анализировались восемь. Авторы сообщили о снижении адаптированной PSS-4 для текущего состояния, более выраженном на открытом воздухе. Контроля без занятий не было; малая выборка и неодинаковая посещаемость ограничивают вывод. Для оценки программы важен выбор контрольного условия. При отсутствии группы без вмешательства нельзя отделить результат упражнений от изменения учебной ситуации или повторного измерения. При сравнении двух активных программ

общие компоненты, включая участие в группе и внимание преподавателя, могут затруднять выделение вклада выбранного вида нагрузки. Это возможные объяснения, а не установленные в обзоре механизмы. Кроме того, выводы по завершившим программу требуют учитывать выбывших участников: условия их участия могли отличаться от условий оставшихся.

Разовая нагрузка. У 40 молодых взрослых сравнивали 30-минутную сессию на беговой дорожке и отдых [6]. Интенсивная часть занимала 25 минут, остальное — разминка и заминка. Значимого ослабления последующей стрессовой реакции артериального давления и кортизола не выявлено; для кортизола анализ включал 38 участников. Такой результат нельзя переносить на длительные программы. Типы данных и границы вывода сопоставлены в таблице 1. Разовый протокол отвечает на вопрос о реакции после одной сессии в заданных лабораторных условиях. Он не оценивает накопленный результат нескольких недель занятий или поведение в период учебных испытаний. Следовательно, отрицательный результат этого сравнения не опровергает все возможные способы использования упражнений для восстановления.

Таблица 1. Типы данных и границы вывода

Table 1. Types of evidence and limits of inference

Тип данных Type of evidence	Результат Finding	Граница вывода Limit of inference
Наблюдение Observation [5; 7; 8]	Связь активности со стрессом неоднородна. Associations with stress are inconsistent.	Причинность не установлена. Causality is not established.
Регулярные занятия Regular exercise [2; 3; 4]	Сообщено о снижении самооценки стресса. Reduced self-reported stress was reported.	Контроль и шкалы различаются. Controls and scales differ.
Разовая нагрузка Single session [6]	Ослабление физиологической реакции не выявлено. Physiological attenuation was not detected.	Длительный эффект не оценён. Long-term effects were not assessed.

Составлено автором по [2; 3; 4–8].

Compiled by the author from [2; 3; 4–8].

Обсуждение. Совместное рассмотрение работ не позволяет считать разные шкалы и периоды одним результатом: в [2] измерялось текущее состояние, в [3] — стресс за месяц, в [5] — за неделю. Опрос [7] использовал другие инструменты. Поэтому сравнение величин баллов или объединение их без обоснования некорректно. Предложены четыре критерия применимости: дизайн, нагрузка, показатель стресса и контекст участия. Они структурируют сопоставление, но не образуют проверенную модель прогноза. График иллюстрирует данные одной программы [3]; он не обобщает эффекты всех видов физической активности. Каждый критерий уточняет отдельную границу вывода. Дизайн показывает, идёт ли речь о связи или вмешательстве; нагрузка определяет содержание и продолжительность воздействия; показатель стресса задаёт оцениваемый результат; контекст ограничивает круг участников и условия переноса. Применение этих критериев сохраняет различия между исследованиями вместо их сведения к единому положительному или отрицательному ответу. Число публикаций, сообщивших об улучшении, само по себе не заменяет оценки контроля и ограничений каждой работы.

Практическая применимость состоит в выборе достижимого режима занятий и сопоставимого показателя до и после программы с учётом учебной нагрузки. Для проверки эффекта необходимы контрольные условия и учёт сна, посещаемости и иных факторов. Целевой поиск, небольшие выборки

отдельных работ, самоотчёты и недоступный полный текст [4] ограничивают обзор. Перед применением результатов следует определить, какой именно вопрос требуется решить: удобство регулярного участия, изменение субъективного стресса или физиологическую реакцию. При последующей проверке программы целесообразно заранее выбрать один основной показатель, одинаковые сроки измерения и способ регистрации посещаемости. Если контрольная группа отсутствует, изменение до и после занятий следует описывать как наблюдаемую динамику, сохраняя неопределённость причин. Предлагаемые действия относятся к планированию будущего исследования, а не к проверенной эффективности программы нашего вуза.

Полнота обзора ограничена способом отбора публикаций: целевой поиск мог оставить вне анализа работы с другими результатами или менее доступными полными текстами. Для статьи [4] резюме позволяет передать заявленные результаты, но не заменить подробную проверку всех процедур и сравнений. Эти ограничения препятствуют формулированию универсальных рекомендаций и оценке сравнительного преимущества конкретных видов занятий.

Заключение

Рассмотренные работы поддерживают возможность включения регулярных упражнений в управление стрессом студентов, но не дают основания обещать одинаковый результат всем участникам. Установлены ключевые ограничения переноса данных: дизайн, временной масштаб, способ измерения и контекст. Предложенные критерии могут использоваться при планировании исследования в вузе. Единая оптимальная дозировка и эффективность конкретной программы данным обзором не установлены.

Литература:

1. Cohen, S. A global measure of perceived stress / S. Cohen, T. Kamarck, R. Mermelstein // *Journal of Health and Social Behavior*. — 1983. — Vol. 24, no. 4. — P. 385–396. — DOI: 10.2307/2136404.
2. Bramwell, R. C. The Effect of Outdoor and Indoor Group Exercise Classes on Psychological Stress in College Students: A Pilot Study with Randomization / R. C. Bramwell, A. E. Streetman, G. M. Besenyi // *International Journal of Exercise Science*. — 2023. — Vol. 16, no. 5. — P. 1012–1024. — DOI: 10.70252/EERP4920.
3. Castellote-Caballero, Y. Yoga as a therapeutic approach to mental health in university students: a randomized controlled trial / Y. Castellote-Caballero [et al.] // *Frontiers in Public Health*. — 2024. — Vol. 12. — Art. 1406937. — DOI: 10.3389/fpubh.2024.1406937.
4. Haag, F. B. Effects of circuit training and Yoga on biochemical and psychological responses to stress and cardiovascular markers: A randomized clinical trial with nursing and medical students in Southern Brazil / F. B. Haag [et al.] // *Psychoneuroendocrinology*. — 2024. — Vol. 167. — Art. 107110. — DOI: 10.1016/j.psyneuen.2024.107110.
5. Lepping, K. M. Physical Activity, Stress, and Physically Active Stress Management Behaviors Among University Students With Overweight/Obesity / K. M. Lepping [et al.] // *American Journal of Lifestyle Medicine*. — 2023. — Vol. 17, no. 4. — P. 601–606. — DOI: 10.1177/15598276211020688. — Опубликовано онлайн 02.06.2021.
6. Morava, A. The effects of a single bout of high intensity exercise on stress reactivity, mind wandering, and lecture comprehension in young adults / A. Morava [et al.] // *PLOS ONE*. — 2025. — Vol. 20, no. 1. — Art. e0318222. — DOI: 10.1371/journal.pone.0318222.
7. Rahe, M. Understanding the relationship between perceived stress, academic motivation, and physical activity in college students during the coronavirus pandemic / M. Rahe, P. Jansen // *Frontiers in Education*. — 2022. — Vol. 7. — Art. 943091. — DOI: 10.3389/feduc.2022.943091.

8. Wang, H. Sleep quality and stress as influences on college students' physical activity participation: a cross-sectional study / H. Wang [et al.] // *Frontiers in Public Health*. — 2025. — Vol. 13. — Art. 1640974. — DOI: 10.3389/fpubh.2025.1640974.

Пантелеев Н.В.

Соискатель ученой степени DS (DBA) Академии цифровых технологий и инноваций,
учредитель ООО «Парадайз Сمارт Бьюти Клиник»
e-mail: art_fasol@mail.ru

Panteleev N.V.

Candidate for the DS (DBA) degree, Academy of Digital Technologies and Innovation,
Founder, Paradise Smart Beauty Clinic LLC

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В БЬЮТИ-СЕРВИСЕ: МЕТОДОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТОРОВ ПО СИСТЕМЕ НИКОЛАЯ ПАНТЕЛЕЕВА

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития человеческого капитала в индустрии бьюти-сервиса через формирование внутренней системы подготовки административного персонала. Обосновывается положение о том, что администратор в современной сервисной организации выполняет не только операционную, но и стратегическую функцию, поскольку обеспечивает управляемость клиентского пути, устойчивость коммуникаций, качество первичного контакта, снижение сервисных потерь и воспроизводимость стандартов обслуживания. Предлагается авторская методология обучения администраторов, определяемая как система Николая Пантелеева. Данная система основана на интеграции модульного обучения, регламентированной сервисной коммуникации, наставничества, сценарного тренинга, аналитики показателей и принципов развивающего управления. Показано, что инвестиции в подготовку администраторов следует рассматривать как форму капитализации организационных компетенций и как условие долгосрочной конкурентоспособности предприятий сферы красоты. Научная новизна работы состоит в концептуализации администратора как носителя критически значимого сервисного капитала и в описании прикладной модели его профессионального развития в логике управляемой сервисной экосистемы.

Ключевые слова: человеческий капитал, бьюти-сервис, администратор, сервисная модель, клиентский путь, обучение персонала, стандарты сервиса, наставничество, организационные компетенции, конкурентоспособность.

HUMAN CAPITAL IN BEAUTY SERVICE: METHODOLOGY FOR TRAINING ADMINISTRATORS ACCORDING TO THE NIKOLAY PANTELEEV SYSTEM

Abstract. The article examines the development of human capital in the beauty service industry through the formation of an internal training system for administrative staff. It substantiates the proposition that an administrator in a modern service organization performs not only an operational but also a strategic function, since they ensure the manageability of the customer journey, communication stability, quality of first contact, reduction of service losses, and reproducibility of service standards. The author proposes a proprietary methodology for training administrators referred to as the Nikolay Panteleev system. This system is based on the integration of modular training, regulated service communication, mentoring, scenario-based training, performance analytics, and principles of developmental management. It is shown that investments in administrator training should be considered as a form of capitalization of organizational competencies and as a condition for the long-term competitiveness of beauty service enterprises. The scientific novelty of the work lies in the conceptualization of the administrator as a carrier of critically significant service capital and in the description of an applied model for professional development within the logic of a managed service ecosystem.

Keywords: human capital, beauty service, administrator, service model, customer journey, personnel training, service standards, mentoring, organizational competencies, competitiveness.

В условиях экономики впечатлений и сервиса человеческий капитал приобретает статус не вспомогательного, а системообразующего ресурса организации. Для предприятий индустрии красоты это положение особенно значимо, поскольку итоговое восприятие качества услуги формируется не только на основе профессионализма профильного специалиста, но и в результате совокупного клиентского опыта, включающего первичную коммуникацию, логику записи, сопровождение, соблюдение стандартов внимания, предсказуемость сервиса и постконтактное взаимодействие. Иначе говоря, ценность в бьюти-сервисе создается не исключительно в процедурном кабинете, а на всем протяжении клиентского маршрута.

В этой связи необходимо пересмотреть традиционно упрощенное представление об администраторе как о техническом исполнителе функций ресепшена. Подобная трактовка не соответствует современной практике управления сервисом. Администратор выступает оператором точки входа в систему отношений между клиентом и организацией. Именно он обеспечивает первое впечатление, регулирует скорость и качество обратной связи, координирует запись, снижает вероятность неявок, участвует в обработке сомнений, сопровождает нестандартные случаи и во многом влияет на решение клиента о повторном обращении. Следовательно, администратор должен рассматриваться как носитель значимого сегмента человеческого капитала организации, а его подготовка – как объект системного управленческого проектирования [1, 29; 2, 41].

Актуальность данной проблематики усиливается спецификой рынка beauty-услуг. На современном этапе конкурентные различия между студиями и клиниками красоты становятся менее очевидными на уровне базового продуктового предложения. Ассортимент услуг, интерьерные решения, digital-продвижение и ценовые механизмы могут быть сравнительно быстро воспроизведены конкурентами. Однако значительно сложнее воспроизводится внутренняя архитектура сервиса, основанная на стандартизированной коммуникации, профессиональном поведении персонала и управляемой культуре клиентского взаимодействия. Именно поэтому инвестиции в административную команду следует рассматривать как вложения в устойчивые организационные преимущества [2, 37-39; 4, 18-22].

Теоретически данная позиция соотносится с классическими представлениями о человеческом капитале как о совокупности знаний, навыков, умений и поведенческих установок, способных генерировать добавленную стоимость [3, 15-17]. При этом в сервисных отраслях человеческий капитал имеет выраженную коммуникативную и эмоционально-организационную природу. Он проявляется не только в профессиональной квалификации, но и в способности сотрудника поддерживать доверие, структурировать взаимодействие, снижать тревожность клиента и трансформировать разрозненные контакты в устойчивые отношения. В логике сервисного менеджмента это означает, что качество персонала следует оценивать через его вклад в целостность клиентского пути и воспроизводимость стандартов обслуживания [2, 41-44; 4, 26-31].

Проблема заключается в том, что в значительной части предприятий бьюти-сферы обучение администраторов по-прежнему строится стихийно. Новый сотрудник включается в работу через наблюдение за более опытным коллегой, а профессиональные ожидания формируются на основе ситуативных указаний руководителя. Такая модель адаптации порождает несколько негативных эффектов. Во-первых, происходит передача не стандарта, а индивидуальных привычек. Во-вторых, отсутствует единый критерий качества коммуникации. В-третьих, руководитель не получает инструмента сопоставления результатов разных сотрудников. В-четвертых, организация становится

зависимой от личных качеств отдельных администраторов, а не от устойчиво работающей системы [1, 63-68; 5, 94-101].

В ответ на данную проблему в рамках практики управления сервисными процессами и обучения персонала была сформирована прикладная модель, обозначаемая в настоящей статье как система Николая Пантелеева. Ее сущность состоит в переводе обучения администраторов из режима интуитивной адаптации в режим управляемого развития компетенций. Данная методология опирается на несколько базовых принципов [1, 71-73; 5, 118-121].

Первый принцип – системность. Администратор должен осваивать не набор разрозненных действий, а профессиональную роль в общей архитектуре сервиса. Это означает понимание взаимосвязи между качеством первичной коммуникации, загрузкой специалистов, уровнем удержания клиентов и репутационным капиталом организации.

Второй принцип – модульность. Профессиональная подготовка строится поэтапно, что позволяет последовательно формировать сложные компетенции: от понимания клиентского пути до управления конфликтными ситуациями и аналитики сервисных показателей.

Третий принцип – практико-ориентированность. В сервисной деятельности невозможно ограничиться декларативным знанием. Навыки должны формироваться через ролевые сценарии, разбор реальных звонков, стажировку, моделирование нестандартных ситуаций и регулярную обратную связь.

Четвертый принцип – измеримость. Обучение признается результативным не по субъективному впечатлению о «приятности» сотрудника, а по конкретным прикладным индикаторам: конверсии обращения в запись, числу потерянных контактов, частоте повторных визитов, качеству обработки жалоб, соблюдению стандартов ответа.

Пятый принцип – развивающее управление. Внутренняя школа сервиса не может строиться исключительно на санкционном подходе. Требовательность должна сочетаться с наставничеством, психологически корректной обратной связью и последовательным усложнением профессиональных задач [1, 523-527; 6, 214-219].

Структурно система Николая Пантелеева включает шесть взаимосвязанных модулей. Первый модуль посвящен клиентскому пути. Его задача состоит в том, чтобы администратор воспринимал каждый контакт не изолированно, а как часть единой логики сервиса: первое обращение, консультация, запись, подтверждение, визит, сопровождение, повторное обращение. На данном этапе сотрудник учится видеть точки потери клиента и точки формирования доверия.

Второй модуль связан со стандартами коммуникации. Он включает телефонный диалог, переписку в цифровых каналах, очное приветствие, выявление запроса, структурирование ответа, завершение контакта. Важно подчеркнуть, что речь не идет о механическом заучивании скриптов. Напротив, скрипт в предлагаемой системе интерпретируется как матрица логики общения, позволяющая сочетать регламент и индивидуализацию ответа.

Третий модуль направлен на освоение управления записью и расписанием. В сервисной экономике грамотная работа со слотами представляет собой не только операционную, но и экономическую задачу. Администратор должен уметь предлагать альтернативные временные окна, минимизировать пустоты в расписании, корректно сопровождать переносы, снижать вероятность неявки и обеспечивать предсказуемую загрузку специалистов.

Четвертый модуль посвящен сервисным продажам и рекомендациям. В отличие от агрессивных коммерческих техник, в данной модели продажа понимается как форма квалифицированного сопровождения клиента. Администратор предлагает не услугу как таковую, а логически обоснованное решение, встроенное в потребность, контекст визита и последующую траекторию обслуживания.

Пятый модуль охватывает работу с претензиями и напряженными коммуникациями. Для бьюти-сервиса это критически важный блок, поскольку эмоциональная составляющая потребления здесь особенно выражена. Администратор должен владеть алгоритмом принятия жалобы, фиксации сути обращения, демонстрации эмпатии, перехода от эмоции к решению, а также правилами эскалации вопроса на уровень руководителя.

Шестой модуль касается отчетности и дисциплины сервиса. Любая сервисная система становится управляемой лишь тогда, когда ее процессы поддаются фиксации и анализу. Поэтому администратор обучается корректному отражению обращений, отказов, переносов, повторных записей и конфликтных случаев. Данный модуль обеспечивает переход от интуитивного управления к управлению на основе данных [5, 305-309].

Особое значение в предлагаемой методологии имеют инструменты реализации. К ним относятся сценарный тренинг, теневая стажировка, чек-листы, микроаттестации, аудиты коммуникаций и наставничество. Сценарный тренинг позволяет моделировать реальные сервисные ситуации: запрос цены, сомнение клиента, просьбу о скидке, конфликт из-за переноса записи, длительное колебание при выборе услуги. Теневая стажировка обеспечивает плавный переход от наблюдения к самостоятельной деятельности. Чек-листы и микроаттестации делают обучение воспроизводимым. Аудиты звонков и переписок позволяют переводить оценку качества из субъективной плоскости в аналитическую. Наставничество же выполняет функцию передачи профессиональной культуры, но не заменяет систему, а выступает ее встроенным элементом [1, 483-487; 6, 198-201].

С научно-прикладной точки зрения важнейшим аспектом является оценка эффективности обучения. Если организация не связывает образовательный процесс с измеряемыми результатами, обучение превращается в символическую активность. В рамках предлагаемой модели оценка строится по группе параметров: скорость ответа на обращение, полнота первичной консультации, конверсия диалога в запись, стабильность явки, доля повторных обращений, качество урегулирования претензий. Каждый из указанных параметров позволяет выявлять не только индивидуальную результативность сотрудника, но и зрелость самой сервисной системы. Тем самым обучение администратора становится частью управленческого контура организации, а не только функцией отдела персонала [1, 241-246; 5, 328-334].

В более широком контексте система Николая Пантелеева может быть интерпретирована как модель капитализации сервисных компетенций. Ее стратегическая ценность состоит в том, что организация перестает зависеть от случайного уровня подготовленности конкретного администратора и получает воспроизводимый механизм формирования профессионального поведения [2, 52-54; 5, 118-121]. Это особенно важно для студий и клиник, ориентированных на рост, открытие дополнительных площадок, стандартизацию качества и формирование устойчивого бренда.

Принципиально важно и то, что в условиях цифровизации экономики роль администратора не уменьшается, а трансформируется. Часть рутинных операций действительно может быть автоматизирована за счет CRM-систем, онлайн-записи, чат-ботов и алгоритмов напоминания. Однако именно по мере цифровизации повышается значение человеческой компетенции в зонах, где требуется эмпатия, смысловая гибкость, решение нестандартных ситуаций и персонализированное сопровождение. Следовательно, администратор будущего – это не менее, а более квалифицированный субъект сервисной экосистемы, сочетающий коммуникативную культуру, цифровую грамотность и управленческую дисциплину [4, 307-312; 7, 9-13].

Таким образом, развитие человеческого капитала в бьюти-сервисе требует перехода от локального обучения отдельных работников к проектированию внутренних образовательных систем. Администратор в данной логике выступает не вспомогательной единицей, а носителем критически значимого сервисного капитала. Система Николая Пантелеева предлагает прикладной инструментарий для такого перехода,

объединяя модульную подготовку, стандартизацию коммуникации, наставничество, аналитику показателей и принципы развивающего управления.

Заключая, следует отметить, что конкурентоспособность предприятий индустрии красоты в долгосрочной перспективе определяется не только широтой ассортимента услуг, уровнем оборудования или маркетинговой активностью, но и способностью организации воспроизводить высокое качество сервиса через подготовленный персонал. Именно поэтому обучение администраторов должно рассматриваться как стратегическая инвестиция в человеческий капитал, институциональную устойчивость и масштабируемость бизнеса [1, 29-31; 3, 17-19].

Литература:

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2023.
2. Гренроос К. Сервис-менеджмент и маркетинг: управление логикой сервиса. М.: Альпина Паблишер, 2022.
3. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
4. Lovelock C., Wirtz J. Services Marketing: People, Technology, Strategy. Singapore: World Scientific, 2016.
5. Кибанов А. Я. Управление персоналом организации. М.: ИНФРА-М, 2023.
6. Зеер Э. Ф. Профессиональное образование: современные вызовы и перспективы развития. М.: Академия, 2022.
7. ГОСТ Р 52113-2021. Услуги населению. Номенклатура показателей качества услуг.
8. ГОСТ Р ИСО 10002-2020. Менеджмент качества. Удовлетворенность потребителей. Руководящие указания по управлению претензиями в организациях.
9. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
10. Davenport T. H., Kirby J. Only Humans Need Apply: Winners and Losers in the Age of Smart Machines. New York: Harper Business, 2016.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Пузин И.Н.

профессор,

президент Международного Агентства Высшего образования

e-mail: int.agcy.he@gmail.com

Шестов А.В.

кандидат экономических наук, доктор технических наук,

профессор кафедры экономики дорожного хозяйства

ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет

(МАДИ)»

e-mail: av2018@mail.ru

Мнацаканян Г.Н.

магистр

кафедра экономики дорожного хозяйства

ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет

(МАДИ)»

e-mail: grachonline@gmail.com

Латария И.С.

студент

кафедра экономики дорожного хозяйства

ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет

(МАДИ)»

e-mail: 23Imedi@gmail.com

Puzin I.N.

professor,

President of the International Agency for Higher Education

Shestov A.V.

Candidate of Economic Sciences, Doctor of Technical Sciences,

Professor of the Department of Road Economics

Moscow Automobile and Highway State Technical University (MADI)

Mnatsakanyan G.N.

Master's degree

Department of Road Economics

Moscow Automobile and Highway State Technical University (MADI)

Lataria I.S.

student

Department of Road Economics

Moscow Automobile and Highway State Technical University (MADI)

УЧЕТ, СТАТИСТИКА И АУДИТ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕБЕСТОИЧНОСТИ В ЭКОНОМИКЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты трансформации себестоимости строительной продукции в условиях беспрецедентного санкционного давления на экономику Российской Федерации. На стыке учетно-аналитических, статистических и аудиторских методов исследуются структурные сдвиги в затратах строительных предприятий в период 2023–2026 гг. Особое внимание уделено деформациям логистических цепочек, удорожанию импортных компонентов и росту транзакционных издержек параллельного импорта. Авторами предложена комплексная модель интеграции управленческого учета, макроэкономической статистики и стратегического аудита снабжения, направленная на минимизацию инфляционных рисков и обеспечение финансовой устойчивости инвестиционно-строительных проектов.

Ключевые слова: экономика строительства, бухгалтерский учет, отраслевая статистика, внутренний аудит, себестоимость строительных материалов, санкционные ограничения, параллельный импорт, логистические издержки.

ACCOUNTING, STATISTICS AND AUDIT OF COST TRANSFORMATION IN THE CONSTRUCTION ECONOMY UNDER THE INFLUENCE OF SANCTIONS RESTRICTIONS

Abstract. The article examines theoretical and practical aspects of the transformation of the cost of construction products under unprecedented sanctions pressure on the economy of the Russian Federation. At the intersection of accounting-analytical, statistical and audit methods, structural shifts in the costs of construction enterprises in the period 2023–2026 are investigated. Particular attention is paid to deformations of logistics chains, the rise in cost of imported components and the growth of transaction costs of parallel imports. The authors propose a comprehensive model for integrating management accounting, macroeconomic statistics and strategic supply audit, aimed at minimizing inflation risks and ensuring the financial stability of investment and construction projects.

Keywords: construction economics, accounting, industry statistics, internal audit, cost of building materials, sanctions restrictions, parallel imports, logistics costs.

Себестоимость строительной продукции представляет собой сложную экономическую категорию, интегрирующую затраты живого и овеществленного труда на всех стадиях инвестиционно-строительного цикла. В классической структуре себестоимости строительно-монтажных работ доминируют материальные затраты (55–70%), за которыми следуют расходы на оплату труда (15–20%), эксплуатацию машин и механизмов (5–10%) и накладные расходы (10–15%) [3, 11]. Такая структура исторически сложилась под влиянием технологических особенностей отрасли — высокой материалоемкости, сезонности, длительности производственного цикла и территориальной закреплённости объектов. Однако санкционные ограничения, введенные в 2022 году и последовательно расширявшиеся в 2023–2026 годах, нарушили устоявшиеся пропорции и вызвали глубокие структурные сдвиги, требующие адекватного учетно-аналитического и аудиторского осмысления [1, 16]. Эти сдвиги носят не временный, а системный характер, поскольку затронули сами базовые принципы ценообразования, снабжения и финансового планирования в отрасли.

Ключевой особенностью текущего периода является не просто номинальный рост себестоимости, а ее качественная трансформация. Изменилось не только абсолютное значение затрат, но и их внутренняя структура, соотношение постоянных и переменных издержек, доля прямых и косвенных расходов, уровень транзакционных издержек [5, 11]. Если ранее строительные компании могли с достаточной степенью точности прогнозировать бюджет проекта на длительный горизонт, то теперь волатильность цен на ресурсы и логистические услуги делает такой прогноз крайне затруднительным. Так, доля

логистических затрат в себестоимости, традиционно составлявшая 8–12%, по многим проектам выросла до 18–25%, а по объектам в удаленных регионах — до 30% и более [8, 12]. Затраты на финансовое обслуживание закупок (банковские гарантии, аккредитивы, конвертация валют) увеличились в 1,5–2 раза из-за усложнения трансграничных платежей и роста стоимости заемного капитала [21]. Административно-управленческие расходы возросли за счет необходимости содержания дополнительного персонала, занимающегося поиском новых поставщиков, логистическим планированием и таможенным оформлением в условиях усложнившихся процедур [4, 19]. Причем эти дополнительные управленческие расходы становятся постоянной статьей бюджета, а не разовым антикризисным мероприятием.

Наиболее значимым драйвером трансформации себестоимости стало удорожание материальных ресурсов, причем характер этого удорожания неоднороден. По данным мониторинга НОСТРОЙ, цены на отечественные базовые материалы (цемент, щебень, песок, рядовой металлопрокат) выросли в 2022–2025 годах на 25–40%, что в целом коррелирует с общим уровнем инфляции и ростом затрат производителей на энергию, топливо и оплату труда [1]. Однако рост цен на импортные материалы, комплектующие и оборудование носил взрывной характер: стоимость европейской строительной химии, инженерных систем, специальных сталей и лакокрасочных покрытий, поступающих по каналам параллельного импорта, увеличилась в 2–3 раза по сравнению с уровнем 2021 года [8, 20]. При этом в ряде случаев наблюдался не только ценовой, но и качественный сдвиг: замещение европейской продукции азиатскими аналогами, имеющими иные технические характеристики, потребовало дополнительных затрат на перепроектирование, адаптацию технологических решений и проведение повторных испытаний [2, 21]. Такая ситуация порождает эффект «двойного удара»: компания платит больше за сам материал, а затем несет дополнительные расходы на его интеграцию в существующие технологические цепочки.

Логистическая составляющая себестоимости претерпела, пожалуй, наиболее радикальные изменения. Если до 2022 года логистика воспринималась как относительно стабильный и предсказуемый элемент затрат, то в условиях санкций она превратилась в источник постоянных рисков и непрогнозируемых расходов [7, 12]. Транспортное плечо для импортных материалов увеличилось в среднем в 1,8–2,5 раза за счет переориентации с европейского на азиатское направление и необходимости обходных маршрутов через третьи страны [8, 25]. Стоимость морского фрахта на отдельных направлениях выросла в 2–3 раза, железнодорожные тарифы — на 15–25% на фоне дефицита провозных мощностей, автоперевозки подорожали на 20–30% из-за роста цен на топливо и нехватки водителей [8, 12]. Дополнительным фактором стало увеличение времени доставки: если раньше средний срок поставки импортного оборудования составлял 4–8 недель, то сейчас он растянулся до 12–20 недель, а в отдельных случаях — до полугода [25]. Это привело к необходимости создания увеличенных страховых запасов, замораживанию оборотных средств и, как следствие, росту затрат на хранение и обслуживание кредитов [5, 21]. В итоге логистика из вспомогательной функции превратилась в одну из главных статей затрат, требующую отдельного стратегического управления и постоянного мониторинга.

Транзакционные издержки, связанные с параллельным импортом, представляют собой малоизученный, но крайне значимый компонент трансформации себестоимости [8, 14]. В классической экономической теории под транзакционными издержками понимаются затраты на поиск информации, ведение переговоров, заключение контрактов, контроль их исполнения и защиту прав собственности. В условиях санкций все эти компоненты резко возросли [14]. Поиск надежного поставщика в третьей стране, способного обеспечить стабильные поставки санкционной продукции, превратился в длительный и дорогостоящий процесс, требующий командировок, юридической экспертизы, проверки контрагентов [21]. Заключение контрактов потребовало использования сложных финансовых инструментов — аккредитивов, банковских гарантий, валютных оговорок, страхования политических рисков, — что

добавило к цене сделки 2–5% [4, 14]. Кроме того, возросли затраты на мониторинг исполнения обязательств, поскольку сбои в поставках стали нормой, а не исключением. Все это делает транзакционные издержки не просто техническим дополнением к основной цене, а самостоятельным ценообразующим фактором, который необходимо учитывать при формировании бюджета каждого проекта.

Перед лицом этих вызовов учетная система строительной организации должна быть способна не только фиксировать сложившуюся себестоимость, но и предоставлять аналитическую информацию, необходимую для управления ею в режиме реального времени. Традиционный бухгалтерский учет, построенный на принципе исторической стоимости, не справляется с этой задачей [4, 10, 11]. Во-первых, он не позволяет выделить вклад каждого из перечисленных факторов в общее удорожание. Во-вторых, информация о затратах поступает с задержкой, обусловленной циклом закрытия периода и формирования отчетности. В-третьих, бухгалтерская классификация затрат (по элементам и статьям калькуляции) не совпадает с управленческой потребностью в анализе по центрам ответственности, логистическим маршрутам и поставщикам [5, 13]. Более того, бухгалтерский учет ориентирован на внешнюю отчетность и налоговые органы, тогда как менеджменту требуются данные для принятия оперативных решений, которые часто не вписываются в жесткие регламенты РСБУ или МСФО.

Выходом из этой ситуации является развитие управленческого учета как самостоятельной подсистемы, ориентированной на внутренних пользователей и свободной от жестких регламентов бухгалтерского учета [4, 5, 11]. Управленческий учет должен строиться по модульному принципу, включая модули учета материальных затрат в разрезе поставщиков и маршрутов, логистических издержек с детализацией по видам транспорта и этапам перевозки, транзакционных расходов, связанных с параллельным импортом, и валютных разниц, возникающих при пересчете обязательств. Такая детализация дает возможность не только констатировать рост затрат, но и выявлять его причины, оценивать эффективность альтернативных решений и прогнозировать будущие расходы [9, 19]. Например, модуль логистики позволяет сравнить стоимость доставки одной и той же партии материалов морским, железнодорожным и автомобильным транспортом с учетом всех сопутствующих сборов и рисков задержек, что дает объективную основу для выбора оптимального варианта.

Необходимым условием функционирования такой системы является ее цифровизация. Современные ERP-решения для строительства должны обеспечивать интеграцию с внешними источниками данных — биржевыми площадками, транспортными биржами, таможенными информационными системами, базами данных о поставщиках [9, 19]. Это позволяет автоматизировать сбор информации о ценах и тарифах, исключая влияние человеческого фактора и сокращая время на обработку данных. Например, система может в автоматическом режиме запрашивать у нескольких перевозчиков ставки на доставку конкретной партии груза, сравнивать их и предлагать оптимальный вариант с учетом цены, срока и надежности перевозчика [7, 12]. Кроме того, цифровая платформа способна отслеживать динамику цен на ключевые материалы в режиме близком к реальному времени, что дает возможность корректировать бюджет проекта не постфактум, а по мере появления новых рыночных сигналов. Без такой автоматизации управленческий учет рискует превратиться в еще один громоздкий и малополезный отчетный массив.

Отраслевая статистика себестоимости строительства должна развиваться в направлении большей оперативности, детализации и доступности [3, 7, 13]. В настоящее время официальная статистическая отчетность (форма № 5-С «Сведения о затратах на производство и продажу продукции, товаров, работ, услуг») собирается ежеквартально и агрегирует данные по укрупненным видам экономической деятельности, что не позволяет отследить структурные сдвиги в себестоимости строительства на уровне конкретных материалов и регионов [3]. Индексы изменения сметной стоимости, публикуемые

Минстроем России, хотя и дают более детализированную картину, но также обновляются с задержкой и не всегда успевают за рыночной динамикой [2, 15]. В результате строительные компании вынуждены полагаться на собственные, разрозненные источники информации, что снижает сопоставимость данных и затрудняет бенчмаркинг. Кроме того, отсутствие единых стандартов сбора и представления статистики в условиях санкций усугубляет информационную асимметрию между участниками рынка.

Перспективным направлением является создание отраслевой цифровой платформы мониторинга себестоимости, объединяющей данные строительных компаний, производителей материалов, транспортных организаций и органов государственной статистики [1, 9, 22]. Такая платформа могла бы функционировать на принципах добровольного участия и обезличивания первичных данных, обеспечивая при этом возможность формирования оперативных аналитических отчетов по запросам участников. В частности, компания-участник могла бы получить сравнительные данные о средних затратах на логистику в своем регионе, о ценах на конкретные виды материалов у различных поставщиков, о доле транзакционных издержек в себестоимости [7, 13, 22]. Более того, платформа могла бы аккумулировать информацию о фактических сроках поставки, надежности контрагентов и частоте сбоев, что позволило бы перейти от ценового бенчмаркинга к комплексной оценке поставщиков по критериям стоимость–срок–качество. Такой подход кардинально повышает качество управленческих решений в условиях турбулентности.

Стратегический аудит снабжения, как третий элемент предлагаемой модели, представляет собой систематическую и независимую оценку эффективности закупочной деятельности строительной организации на всех этапах — от планирования потребности в материалах до контроля исполнения договоров поставки [6, 18]. Его отличием от традиционного внутреннего аудита является стратегическая направленность: он не ограничивается проверкой отдельных операций, а анализирует закупочную политику в целом, оценивает ее соответствие долгосрочным целям компании и способность адаптироваться к изменениям внешней среды [6]. В условиях санкций такой аудит становится инструментом не столько контроля, сколько стратегического планирования, позволяя заранее идентифицировать узкие места в цепочке поставок и разрабатывать альтернативные сценарии.

Методический инструментарий стратегического аудита снабжения включает несколько взаимосвязанных процедур. Первая — анализ структуры поставщиков: оценивается степень диверсификации, зависимость от отдельных контрагентов, географическая концентрация поставок, наличие альтернативных каналов снабжения [6, 18]. В условиях санкций чрезмерная зависимость от одного поставщика или региона становится критическим риском, поэтому аудит должен выявлять такие зоны уязвимости. Вторая процедура — бенчмаркинг закупочных цен, при котором средние цены компании сравниваются с отраслевыми индикаторами, ценами конкурентов и биржевыми котировками [1, 15]. Это позволяет объективно оценить, насколько эффективно работает закупочная служба. Третья — оценка логистической эффективности: анализируются сроки и стоимость доставки по различным маршрутам, уровень потерь при транспортировке и хранении, оптимальность складских запасов [8, 12]. Четвертая — аудит контрактной базы на предмет наличия защитных оговорок (валютных, ценовых, форс-мажорных), обеспечивающих гибкость в условиях нестабильности [4, 14, 21]. В совокупности эти процедуры дают целостную картину эффективности всей закупочной деятельности.

Результаты стратегического аудита снабжения должны оформляться в виде отчета, содержащего не только констатацию выявленных проблем, но и конкретные рекомендации, адресованные конкретным подразделениям и должностным лицам [6, 18]. Важно, чтобы эти рекомендации имели количественную оценку потенциального эффекта — например, «переход на закупку арматуры у альтернативного поставщика позволит снизить затраты на 8% или 12 млн рублей в год». Это обеспечивает прослеживаемость выполнения рекомендаций и позволяет оценить вклад аудиторской функции в

финансовый результат [6]. Без такой количественной привязки рекомендации аудита остаются декларативными и не воспринимаются операционными подразделениями как руководство к действию. Кроме того, отчет должен содержать дорожную карту реализации предложенных мер с указанием сроков и ответственных лиц.

Интеграция трех описанных компонентов — управленческого учета, отраслевой статистики и стратегического аудита снабжения — образует замкнутый цикл управления себестоимостью [9, 11, 13, 18]. Учет поставляет первичные данные, статистика обеспечивает внешний контекст и ориентиры для сравнения, аудит выявляет отклонения и предлагает корректирующие меры. Результаты аудита, в свою очередь, становятся основой для совершенствования учетных процедур и расширения статистических наблюдений. Этот цикл не является разовым мероприятием, а функционирует непрерывно, обеспечивая постоянное повышение эффективности управления затратами [19, 22]. Важно подчеркнуть, что интеграция предполагает не просто механическое соединение трех функций, а их органическое взаимодействие: учет должен быть настроен на те параметры, которые значимы для аудита, а статистика — формироваться с учетом потребностей обеих подсистем.

Комплексное внедрение предлагаемой модели способно обеспечить снижение себестоимости строительства на 7–10% без ущерба для качества и сроков, что подтверждается результатами пилотных проектов в дорожно-строительном комплексе [1, 5, 23]. Основными источниками экономии являются: снижение закупочных цен за счет диверсификации поставщиков и бенчмаркинга, оптимизация логистических маршрутов и сокращение непроизводительных транспортных расходов, уменьшение транзакционных издержек благодаря стандартизации закупочных процедур и использованию электронных торговых площадок, а также сокращение потерь материалов при транспортировке и хранении [7, 8, 24]. В масштабах российского строительного комплекса ежегодный экономический эффект может составить от 300 до 500 млрд рублей [1, 23]. Причем этот эффект носит кумулятивный характер: чем раньше компания внедряет модель, тем больше выгоду она получает от каждого последующего цикла управления затратами.

Вместе с тем необходимо отметить, что реализация модели сопряжена с определенными трудностями. Основной из них является нехватка квалифицированных кадров, способных работать с современными цифровыми инструментами и применять аналитические методы [4, 11, 19]. Решением может стать целевая подготовка специалистов по программам дополнительного профессионального образования, реализуемым отраслевыми вузами во взаимодействии с объединениями работодателей [2, 20]. Еще одним барьером является консерватизм руководства многих строительных компаний, привыкших работать «по старинке». Здесь важную роль могут сыграть профессиональные сообщества и саморегулируемые организации, демонстрирующие успешные кейсы внедрения современных методов управления затратами [2, 16]. Кроме того, требует решения проблема совместимости различных цифровых платформ и систем, что особенно актуально для крупных холдингов с разрозненным ИТ-ландшафтом.

Заключение

Проведённое исследование убедительно доказывает, что трансформация себестоимости в строительной отрасли под влиянием санкционных ограничений носит не конъюнктурный, а структурный характер [1, 5, 16]. Изменения затронули не только абсолютные величины затрат, но и фундаментальные пропорции между их элементами, что требует от управленческого учёта, отраслевой статистики и аудита перехода на качественно иной уровень аналитической зрелости [4, 11, 22]. Прежние методы управления затратами, основанные на относительно стабильных внешних условиях, оказались непригодными в новой реальности.

Прежде всего, санкционное давление окончательно развеяло иллюзию о возможности эффективного управления современным строительным предприятием на основе устаревших учётных парадигм [10, 19]. Традиционный бухгалтерский учёт, фиксирующий свершившиеся факты хозяйственной жизни, оказался неспособен ни предупредить менеджмент о надвигающемся ценовом шоке, ни оперативно оценить его последствия для конкретного проекта. Это обнажило системный разрыв между информационными потребностями управления и возможностями существующих учётных систем. Переход к динамическому управленческому учёту, интегрированному с внешними источниками рыночных данных, становится не вопросом выбора, а императивом выживания в турбулентной экономической среде [4, 5, 11]. Без такой системы компания действует практически вслепую, что в условиях высокой волатильности равносильно стратегическому риску.

Во-вторых, опыт 2023–2026 годов показал, что отраслевая статистика себестоимости должна трансформироваться из пассивного регистратора прошлых тенденций в активный инструмент прогнозирования и предупреждения рисков [3, 7, 13]. Ежеквартальные индексы с лагом публикации в 1–2 месяца, агрегированные до уровня федеральных округов, безнадёжно устарели. Отрасли жизненно необходима цифровая платформа ценового мониторинга, функционирующая в режиме реального времени и обеспечивающая детализацию до конкретных материалов и регионов [9, 22, 25]. Создание такой платформы потребует координации усилий Минстроя, Росстата, НОСТРОЙ и самих строительных компаний, но эффект от её внедрения — снижение сметных рисков и повышение прозрачности рынка — многократно окупит затраты [1, 2, 20]. При этом важно, чтобы платформа была не просто хранилищем данных, а предоставляла аналитические инструменты для сценарного моделирования и прогнозирования.

В-третьих, стратегический аудит снабжения, выходящий за рамки формальной проверки документов и нацеленный на превентивное выявление ценовых аномалий, неэффективных логистических схем и коррупционных рисков, становится ключевым звеном в системе управления себестоимостью [6, 18]. Его внедрение позволяет не только фиксировать уже понесённые потери, но и предотвращать их, что особенно важно в условиях, когда параллельный импорт порождает множество новых, зачастую непрозрачных посреднических структур [8, 14, 21]. Такой аудит должен проводиться на регулярной основе, а его результаты должны быть интегрированы в процесс стратегического планирования закупок.

В-четвёртых, санкционные ограничения, вызвавшие беспрецедентный шок в строительной отрасли, одновременно обнажили глубокие институциональные проблемы и создали уникальное окно возможностей для модернизации [2, 5, 16]. Строительные компании, которые первыми инвестируют в цифровизацию учёта, подключение к отраслевым статистическим платформам и развитие внутреннего аудита, получают долгосрочное конкурентное преимущество, выражающееся в способности точно прогнозировать и эффективно контролировать затраты даже в условиях экстремальной макроэкономической нестабильности [4, 6, 19, 23]. Те же, кто предпочтёт тактику выжидания, рискуют столкнуться с последовательным вымыванием рентабельности и потерей рыночных позиций [1, 24]. Исторический опыт показывает, что кризисные периоды часто становятся точками бифуркации, где лидеры отрасли определяются именно способностью к быстрой и глубокой адаптации.

Наконец, долгосрочный прогноз до 2030 года позволяет утверждать, что роль качественной учётно-статистической и аудиторской информации будет только возрастать [7, 22, 25]. Глобальные вызовы — климатические изменения, энергопереход, геополитическая фрагментация — продолжают оказывать давление на стоимость строительных ресурсов [8, 23]. Единственным надёжным иммунитетом против этих шоков станет интегрированная система управления себестоимостью, построенная на принципах проактивности, цифровизации и непрерывного совершенствования [9, 19, 24]. В этом смысле текущий кризис следует рассматривать не как катастрофу, а как жёсткий, но необходимый катализатор давно назревших реформ в экономике строительства [5, 16]. Именно такой взгляд позволяет перейти от

реактивного антикризисного управления к стратегическому развитию отрасли на новой технологической и методологической основе.

Таким образом, предложенная в статье модель интеграции управленческого учёта, отраслевой статистики и стратегического аудита снабжения не является абстрактной теоретической конструкцией. Это практический инструмент, способный уже в среднесрочной перспективе обеспечить снижение себестоимости на 7–10%, сократить сметные риски и вернуть строительной отрасли финансовую устойчивость, подорванную санкционными шоками [1, 6, 23, 24]. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на детальную проработку цифровых платформенных решений, методик оценки эффективности аудита снабжения и механизмов государственного стимулирования внедрения современных методов управления затратами в строительстве [2, 9, 20, 22]. Особого внимания заслуживает разработка отраслевых стандартов для управленческого учета в условиях санкций, а также создание системы сертификации специалистов по управлению себестоимостью в строительстве.

Литература:

1. НОСТРОЙ. Структура себестоимости строительной продукции в условиях санкций: аналитический доклад. — М., 2025. — 44 с.
2. Минстрой России. О развитии системы ценообразования в строительстве: Приказ № 415/пр от 20.06.2024. — М., 2024.
3. Росстат. Затраты на производство и реализацию продукции в строительстве: статистический бюллетень. — М., 2024. — 36 с.
4. Крылов Э.И., Власова В.М. Управление себестоимостью в строительстве: учет, анализ, аудит. — М.: Финансы и статистика, 2024. — 240 с.
5. Федеральная служба государственной статистики. Методология учета затрат в строительных организациях. — М., 2023. — 32 с.
6. Карпова Т.П., Вахрушина М.А. Управленческий учет в строительстве: современные концепции и цифровые технологии. — М.: ИНФРА-М, 2024. — 412 с.
7. Дыбская В.В., Сергеев В.И. Логистика строительного комплекса: вызовы санкционного периода. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2024. — 256 с.
8. Минпромторг России. Доклад о состоянии импортозамещения в промышленности строительных материалов и перспективах развития отрасли. — М., 2025. — 54 с.
9. ВТБ Капитал. Обзор рынка строительных материалов и логистики: влияние параллельного импорта на транзакционные издержки. — М., 2025. — 32 с.
10. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). Аналитический доклад о ценовой конъюнктуре и логистике

Пузин И.Н.

профессор,
президент Международного Агентства Высшего образования
e-mail: int.agcy.he@gmail.com

Шестов А.В.

кандидат экономических наук, доктор технических наук,
профессор кафедры экономики дорожного хозяйства
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет
(МАДИ)»
e-mail: av2018@mail.ru

Латария И.С.

студент
кафедра экономики дорожного хозяйства
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет
(МАДИ)»
e-mail: 23Imedi@gmail.com

Кокорев Б.С.

кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры информационных систем и технологий
АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
e-mail: 29388290@s.mfua.ru

Puzin I.N.

professor,
President of the International Agency for Higher Education

Shestov A.V.

Candidate of Economic Sciences, Doctor of Technical Sciences,
Professor of the Department of Road Economics
Moscow Automobile and Highway State Technical University (MADI)

Lataria I.S.

student
Department of Road Economics
Moscow Automobile and Highway State Technical University (MADI)

Kokorev B.S.

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Information Systems and Technologies
Moscow University of Finance and Law MFUA

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ УЧЕТА, СТАТИСТИКИ И АУДИТА МАТЕРИАЛЬНЫХ ЗАТРАТ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ СТРОИТЕЛЬСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ САНКЦИЙ

Аннотация. В статье определены ключевые направления модернизации учетно-статистического и аудиторского инструментария управления материальными затратами в инвестиционно-строительной сфере, рассматриваемые как единый комплекс взаимоувязанных мер, нацеленных на адаптацию отрасли к работе в условиях разрушенных хозяйственных связей. В обстановке беспрецедентного санкционного

давления и масштабных структурных трансформаций периода 2023–2026 годов оптимизация материальных расходов, составляющих основную долю себестоимости строительной продукции, выступает главным, а зачастую и безальтернативным условием стабилизации экономики строительного производства и сохранения рентабельности подрядного бизнеса. На основе анализа макроэкономических и отраслевых данных оцифрованы масштабы удорожания сырья и усложнения логистических цепочек, показан кумулятивный эффект от одновременного действия валютных шоков, инфляции и сбоя в цепях поставок. Предложен комплекс организационно-методических рекомендаций по развитию динамического управленческого учета, ценового бенчмаркинга и риск-ориентированного внутреннего аудита издержек, системное внедрение которых позволяет минимизировать сметные риски, повысить прозрачность закупочных процедур и в конечном счете укрепить рентабельность строительного бизнеса в турбулентной экономической среде.

Ключевые слова: экономика строительства, материальные затраты, управленческий учет, отраслевая статистика, внутренний аудит, санкционные ограничения, оптимизация издержек, параллельный импорт.

DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF ACCOUNTING, STATISTICS AND AUDIT OF MATERIAL COSTS FOR OPTIMIZING THE CONSTRUCTION ECONOMY UNDER THE INFLUENCE OF SANCTIONS

Abstract. The article identifies key directions for modernizing accounting, statistical and audit tools for managing material costs in the investment and construction sector, regarded as an integrated set of interrelated measures aimed at adapting the industry to work under disrupted economic ties. Under unprecedented sanctions pressure and large-scale structural transformations of the period 2023–2026, optimization of material costs, which constitute the bulk of construction product costs, is the main, and often the only, condition for stabilizing the economics of construction production and maintaining the profitability of the contracting business. Based on the analysis of macroeconomic and industry data, the scale of the rise in the cost of raw materials and the complication of logistics chains are digitized, showing the cumulative effect of simultaneous currency shocks, inflation and supply chain disruptions. A set of organizational and methodological recommendations for the development of dynamic management accounting, price benchmarking and risk-oriented internal cost audit is proposed, the implementation of which allows minimizing estimated risks, increasing the transparency of procurement procedures and ultimately strengthening the profitability of the construction business in a turbulent economic environment.

Keywords: construction economics, material costs, management accounting, industry statistics, internal audit, sanctions restrictions, cost optimization, parallel imports.

Строительный сектор традиционно выступает одним из ключевых драйверов национальной экономики, аккумулируя значительные объемы материальных ресурсов и определяя динамику развития смежных отраслей — от производства стройматериалов до транспортной логистики и машиностроения [3, 4]. Его мультипликативный эффект проявляется в том, что каждое рабочее место в строительстве создает несколько рабочих мест в сопряженных секторах, а рост инвестиций в инфраструктуру непосредственно стимулирует внутренний спрос на продукцию металлургии, химической промышленности и энергетики [12]. Именно материальные затраты составляют фундамент себестоимости строительной продукции, и их доля в структуре расходов стабильно занимает от 55 до 70%, а в таких материалоемких подотраслях, как инфраструктурное и дорожное строительство, может достигать 80% и даже выше [6, 22]. В дорожном хозяйстве ключевыми статьями выступают инертные

материалы, битум и металлоконструкции, и любое, даже кажущееся незначительным, колебание цен на них немедленно отражается на итоговой смете, а при каскадном росте способно обрушить экономику проекта [21]. Именно поэтому любые макроэкономические шоки, затрагивающие рынки сырья и логистику, немедленно транслируются в резкое удорожание строительства, срыв календарных графиков производства работ и падение рентабельности подрядных организаций до критического уровня, за которым следует волна банкротств [18]. Санкционные ограничения 2022–2026 годов создали беспрецедентную по масштабу и глубине воздействия ситуацию, когда одновременный разрыв традиционных, десятилетиями складывавшихся цепочек поставок импортных материалов, технологического оборудования и комплектующих совпал по времени с резкой волатильностью валютного курса и сильным инфляционным давлением на внутренние ресурсы, включая топливо, энергию и оплату труда [2, 12]. К этому добавились нарушения в работе финансовых институтов, усложнившие проведение трансграничных платежей и аккредитивов, что еще больше удлинило сроки и повысило стоимость закупок [11, 12]. Строительная отрасль, в наибольшей степени зависящая от стабильности материальных потоков и непрерывности финансирования, столкнулась с острейшей необходимостью оперативно перестраивать не только систему закупок и логистики, но и всю методологию управления затратами — от первичного учета до стратегического аудита эффективности использования ресурсов [5, 7]. Задержки в такой перестройке оборачивались немедленными финансовыми потерями, срывами обязательств перед заказчиками, судебными исками и утратой конкурентных позиций, что особенно болезненно для средних компаний, не имеющих запаса финансовой прочности [18, 22].

В этих условиях особую актуальность приобретает комплексная модернизация учетно-аналитического инструментария, которая должна охватывать все этапы движения материальных ценностей — от планирования потребности и бюджетирования до анализа фактического расхода на объектах и закрытия периода [6, 25]. Традиционные подходы, базировавшиеся на стабильных сметных нормативах, предсказуемой динамике цен и устоявшихся, часто многолетних, взаимоотношениях с постоянными поставщиками, перестали соответствовать реальности, где ценовые индексы могут меняться на десятки процентов в течение одного квартала, а условия поставок пересматриваются в одностороннем порядке [2, 4]. Строительным компаниям требуется срочный переход к динамическому управленческому учету, способному в режиме, близком к реальному времени, отслеживать колебания стоимости материалов, выявлять ценовые аномалии и предлагать обоснованные альтернативные решения — будь то замена импортного материала на отечественный аналог с сопоставимыми техническими характеристиками, смена логистического маршрута на более надежный или оперативное перераспределение заказов между несколькими поставщиками для диверсификации рисков [5, 13, 25]. Параллельно должна столь же глубоко трансформироваться отраслевая статистика, которая на сегодняшний день не дает адекватной информационной базы для принятия оперативных решений ни на уровне государства при корректировке нормативной базы, ни на уровне бизнеса при формировании тендерных предложений [9, 15, 24]. Наконец, внутренний аудит издержек должен решительно сместить фокус с формальной проверки первичных документов и подтверждения уже понесенных расходов на риск-ориентированный анализ эффективности использования каждого рубля материальных затрат, профилактику потерь на ранних стадиях и системное выявление резервов экономии, скрытых в неоптимальных процессах [7, 16, 23]. Эти три направления — учет, статистика и аудит — сегодня должны рассматриваться не как разрозненные, автономные функции, подчиненные разным руководителям, а как единая информационно-аналитическая экосистема, обеспечивающая непрерывное поступление достоверных, непротиворечивых и своевременных данных для принятия взвешенных управленческих решений по управлению материальными расходами на всех уровнях компании [5, 7, 19].

Санкционное давление на российскую экономику привело к радикальному изменению не только уровня, но и самой структуры стоимости материальных ресурсов в строительстве, нарушив привычные, заложенные в сметные нормативы соотношения между отечественными и импортными составляющими [2, 10]. За период 2022–2025 годов цены на базовые строительные материалы демонстрировали разнонаправленную, но в целом устойчиво повышательную динамику, причем амплитуда колебаний по отдельным позициям была аномально высокой, достигая десятков процентов в месяц [15]. Металлопрокат, по данным Росстата, подорожал в пиковые моменты на 40–60% относительно условно стабильного уровня 2021 года, цемент — на 25–35%, битум — на 50–70%, а импортные отделочные материалы и инженерное оборудование, попавшие под прямые ограничения и эмбарго, — в 1,5–2,5 раза, причем рост носил скачкообразный характер с непредсказуемыми интервалами, что делало практически невозможным точное бюджетное планирование и резервирование средств [2, 4, 15]. Параллельный импорт, ставший основным, а для многих позиций безальтернативным каналом поставок санкционной продукции, привел к существенному удлинению логистических цепочек и росту транспортных расходов в среднем на 20–30%, а с учетом необходимости оплаты услуг многочисленных посредников в третьих странах, страхования грузов с повышенными рисками и дополнительного, часто дублирующегося таможенного оформления совокупное удорожание логистической составляющей могло достигать 50% и более, что дополнительно мультипликативно нагроулило себестоимость конечной строительной продукции [10, 21]. По оценкам Национального объединения строителей (НОСТРОЙ), совокупное удорожание материальных ресурсов за три года составило не менее 35%, а по отдельным позициям, критически важным для соблюдения технологии производства работ и обеспечения безопасности объектов, достигло 80% [2]. Особенно болезненно эти изменения ударили по регионам, удаленным от основных логистических центров и портов: в Сибири, на Дальнем Востоке и в Крыму транспортная составляющая в конечной цене материалов и без того достигает 40–50%, а с учетом усложнения маршрутов параллельного импорта, многозвенных перевалок и сезонных ограничений становится зачастую экономически нецелесообразной, заставляя искать местные, не всегда полноценные по качеству аналоги и иницируя дополнительные затраты на адаптацию проектных решений и повторное прохождение экспертизы [10, 21].

Эти макроэкономические сдвиги сделали неэффективными прежние, десятилетиями применявшиеся методы планирования и контроля затрат, основанные на принципе стабильности внешней среды и предсказуемости ценовых трендов [6, 22]. До санкционного периода типовая строительная организация использовала сметные нормативы, актуализируемые не чаще одного раза в квартал, и в значительной степени полагалась на стабильные долгосрочные отношения с проверенными поставщиками, выстроенные еще в условиях открытой экономики и низкой инфляции, часто без формализованных процедур регулярного пересмотра контрактных условий [6, 13]. Сегодня такой подход неизбежно ведет к систематическому превышению бюджетов, образованию кассовых разрывов, задержкам расчетов с субподрядчиками и острыми конфликтам с заказчиками, которые не готовы принимать на себя резко возросшие и непрогнозируемые риски [18, 25]. Требуется безотлагательное внедрение динамического управленческого учета материальных затрат, основанного на ежедневном автоматизированном мониторинге рыночных котировок по широкой номенклатуре ресурсов, оперативном сопоставлении плановых и фактических цен с анализом отклонений и их причин, и быстром переключении между альтернативными поставщиками при появлении ценовых сигналов, а также при ухудшении условий поставок [5, 19]. Цифровые платформы, агрегирующие данные о ценах на строительные материалы из множества источников — от биржевых сводок и прайс-листов до коммерческих предложений, данных таможенной статистики и отраслевых мониторингов, — становятся не просто конкурентным преимуществом, а необходимым условием выживания строительного бизнеса,

позволяя формировать оптимальную корзину закупок в режиме реального времени [8, 14, 19]. Компании, уже внедрившие такие системы, отмечают снижение средних закупочных цен на 5–8% исключительно за счет более точного выбора момента закупки с учетом сезонных и конъюнктурных колебаний, расширения круга добросовестных поставщиков и отказа от необоснованных посреднических наценок, которые ранее оставались незамеченными [5, 8, 20].

Первым ключевым направлением совершенствования учета выступает переход от укрупненного котлового метода распределения материальных затрат, при котором обезличенные расходы списываются на объект в целом без должной аналитики, к попроцессному и позаказному учету с детализацией до конкретного объекта, технологического этапа и даже вида работ [6, 22]. Такой подход позволяет не просто констатировать свершившийся перерасход по итогам месяца или квартала, но и оперативно, по горячим следам, выявлять его коренные причины — будь то ошибка в проектной спецификации, неоптимальный выбор поставщика с завышенными ценами, неэффективно выстроенная логистика или нарушения норм списания на площадке [22, 25]. Современные ERP-системы, специально адаптированные под строительную отрасль и учитывающие такие ее специфические черты, как мобильный характер производства, длительный производственный цикл и привязка к конкретному объекту, должны обеспечивать бесшовную интеграцию данных бухгалтерского, складского и сметного учета в единый информационный контур, исключая дублирование ввода и искажение информации при передаче между подразделениями [5, 13, 14]. Это дает возможность в реальном времени сопоставлять плановую потребность в материалах, вытекающую из утвержденного графика производства работ и уточненную по рабочим чертежам, с фактическими остатками на приобъектных складах и с актуальными рыночными ценами, формируя оптимальные по объему и срокам заявки на закупку, не допуская как дефицита, так и избыточного затоваривания [25]. Особенно важно, чтобы такая система позволяла корректно учитывать всю специфику параллельного импорта, включая дополнительные, нередко меняющиеся логистические плечи, резкие колебания валютных курсов, влияющие на рублевую стоимость уже заключенных, но не оплаченных контрактов, и различные схемы таможенного оформления, которые могут существенно, порой непредсказуемо, влиять на конечную цену материала, поступающего на стройплощадку, и на сроки его прибытия [10, 21, 23].

Вторым направлением является широкое развитие ценового бенчмаркинга как инструмента постоянного контроля обоснованности закупочных процедур и сдерживания необоснованного роста цен [8, 19]. В условиях высокой волатильности и значительной информационной асимметрии, когда поставщики могут пользоваться ситуацией для спекулятивного завышения цен, строительные компании остро нуждаются в постоянном сравнении собственных закупочных цен со среднерыночными индикаторами, рассчитанными по региону и по конкретному виду материалов с обязательным учетом их качественных характеристик, сортамента и условий поставки [8, 20]. Создание отраслевых цифровых платформ, объединяющих обезличенные, но верифицированные и подтвержденные реальными сделками данные о ценах, позволит на системной основе выявлять необоснованно завышенные цены конкретных поставщиков и своевременно, не дожидаясь закрытия отчетного периода, принимать меры по их замене или пересмотру условий контрактов в сторону снижения [8, 19]. Подобные системы уже начинают внедряться в дорожном строительстве, где государственные заказчики совместно с подрядными организациями формируют региональные реестры средневзвешенных цен на инертные материалы, битум и металлоконструкции, и в контракты жизненного цикла все чаще включается условие о возможности симметричной корректировки стоимости при отклонении рыночных цен от заложенных в смету более чем на 5%, что распределяет ценовые риски между сторонами [2, 11, 12]. Распространение этой практики на коммерческое и жилищное строительство способно дать существенный экономический эффект, особенно в сегменте массового жилья, где маржинальность проектов наиболее чувствительна к

внезапным скачкам цен на основные биржевые материалы, такие как бетон, арматура и стеновые блоки, и где даже 2–3% экономии на материалах могут определять прибыльность всего проекта [5, 19, 25].

Третьим направлением выступает глубокая трансформация отраслевой статистики материальных затрат, которая из пассивного регистратора прошлых периодов должна превратиться в систему раннего предупреждения и прогнозирования дисбалансов [9, 15, 24]. Существующая система государственного статистического наблюдения (форма № П-1, форма № 5-С) фиксирует преимущественно агрегированные стоимостные показатели, часто публикуемые с ощутимым временным лагом, но практически не отражает изменения физических объемов потребления материалов в разрезе видов и регионов, что не позволяет уловить момент начала структурных сдвигов в потреблении и вовремя просигнализировать о надвигающемся дефиците [4, 9, 24]. В санкционный период критически важно отслеживать не только динамику цен, но и глубокие структурные сдвиги: масштабы и скорость замещения импортных материалов отечественными в различных сегментах [20], изменение соотношения между первичными и вторичными ресурсами, а также региональные диспропорции в физической доступности ключевых видов сырья, вызванные логистическими ограничениями [24]. Росстату совместно с Минстроем России и отраслевыми объединениями целесообразно внедрить ежеквартальный, а по наиболее волатильным и стратегически значимым позициям — ежемесячный мониторинг физических объемов потребления ключевых строительных материалов (цемента, щебня, металлопроката, битума, стеновых и теплоизоляционных материалов) в разрезе субъектов Федерации, с выделением доли импорта [3, 4, 15]. Эта информация станет надежной основой для обоснованного прогнозирования спроса и своевременного наращивания производственных мощностей именно в тех регионах, где прогнозируется дефицит, позволяя избежать ценовых шоков [15, 24]. Кроме того, отраслевая статистика должна обязательно фиксировать долю материалов, поступивших по каналам параллельного импорта, в общем объеме потребления, чтобы можно было адекватно оценивать масштаб сохраняющейся критической зависимости от этого канала и реальную эффективность государственных программ импортозамещения в строительном секторе [10, 20, 21].

Четвертое направление — кардинальная модернизация внутреннего аудита материальных издержек с переносом акцента с констатации нарушений на их предупреждение [7, 16, 23]. Традиционный аудит в строительстве преимущественно ориентирован на ретроспективную проверку соответствия первичных документов формальным требованиям и выявление уже свершившихся, необратимых нарушений, когда средства уже потрачены и вернуть их невозможно [7, 23]. В новых условиях этого катастрофически недостаточно, так как скорость изменений требует превентивных действий [16, 17]. Риск-ориентированный внутренний аудит должен быть нацелен на превентивное выявление зон потенциальных потерь еще на стадии планирования закупок и заключения договоров: анализ обоснованности выбора конкретного поставщика по неценовым критериям, проверка строгого соответствия фактически использованных материалов утвержденной проектной спецификации и требованиям технического надзора, контроль логистических издержек на всех этапах транспортировки и хранения, а также непрерывный мониторинг рыночной конъюнктуры для оценки адекватности закупочных цен среднерыночному уровню [7, 17, 23]. Инструментарий современного аудита должен включать не только традиционные документальные проверки, но и продвинутые методы анализа больших данных и интеллектуального анализа процессов (process mining), позволяющие выявлять скрытые аномалии и неочевидные закономерности в закупочных процедурах [16, 17]. Например, алгоритмы машинного обучения могут в фоновом режиме анализировать всю историю закупок и сигнализировать о нетипичных скачках цен по отдельным контрагентам, превышающих средний рыночный тренд, или о подозрительных совпадениях — таких как регулярное участие одних и тех же аффилированных поставщиков в торгах по разным объектам, что может косвенно указывать на ценовой

сговор или коррупционные схемы [7, 17, 23]. Периодичность аудиторских процедур также должна быть решительно пересмотрена: вместо полугодовых и годовых проверок, результаты которых становятся известны тогда, когда исправить уже ничего нельзя и управленческие решения принимаются на основе устаревших данных, целесообразно внедрить непрерывный мониторинг критических индикаторов с ежемесячной отчетностью перед руководством компании и немедленной эскалацией проблем [7, 16, 23].

Пятое направление связано с ускоренным развитием компетенций персонала, без чего любая техническая модернизация останется лишь дорогостоящей формальностью с неиспользованным потенциалом [5, 14, 19]. Внедрение сложных цифровых систем учета, бенчмаркинга и риск-ориентированного аудита требует от специалистов планово-экономических, бухгалтерских и снабженческих служб строительных компаний принципиально новых знаний в области продвинутого анализа данных, визуализации информации, работы с цифровыми платформами, понимания принципов машинного обучения и количественной оценки логистических и валютных рисков [5, 8, 13]. Целесообразно на государственном уровне и при поддержке профессиональных объединений (НОСТРОЙ, НОПРИЗ) разработать и запустить специализированные модульные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, полностью ориентированные на специфику управления материальными затратами в строительстве под влиянием санкций [14, 19]. Такие программы должны реализовываться в тесной кооперации отраслевых вузов, корпоративных университетов крупных строительных холдингов, объединений работодателей и ведущих разработчиков специализированного программного обеспечения, обеспечивая единство теории и практики [3, 14]. Особый акцент в обучении следует сделать на разборе практических кейсов — детальном анализе реальных ситуаций, возникавших при вынужденном переходе на отечественные аналоги или при выстраивании сложных цепочек параллельного импорта, с обязательной ретроспективной оценкой экономических последствий принятых решений и извлечением уроков [10, 20, 21].

В качестве дополнительного, шестого направления можно выделить необходимость институциональной адаптации нормативно-правовой базы к новым реалиям [1, 11, 12]. Действующие методики определения сметной стоимости и типовые условия государственных контрактов во многом не учитывают волатильность рынков и специфику параллельного импорта, что создает правовые риски для подрядчиков и заказчиков [11, 12]. Требуется ускоренное внедрение механизмов гибкого ценообразования в строительных контрактах, включая формулы скользящей цены, привязанные к объективным и независимо публикуемым ценовым индикаторам, и упрощение процедур согласования замены материалов на отечественные аналоги без повторной экспертизы при сохранении технических характеристик [11, 12]. Кроме того, важно на уровне Минстроя и ФАС разработать типовые регламенты проведения ценового бенчмаркинга и внутреннего аудита материальных затрат для компаний с государственным участием, что позволит распространить лучшие практики на всю отрасль и снизить издержки контроля [3, 11, 12].

Комплексное внедрение перечисленных направлений способно обеспечить суммарное снижение материальных затрат в строительстве на 8–12% без какого-либо ущерба для качества и надежности возводимых объектов, а в ряде случаев и с повышением качества за счет использования более современных материалов, что убедительно подтверждается положительным опытом пилотных проектов, реализованных в дорожном хозяйстве и промышленном строительстве [2, 5, 25]. Экономический эффект достигается за счет синергетического воздействия всех мер: сокращения необоснованных и неконкурентных закупок, существенного уменьшения логистических издержек за счет выбора оптимальных маршрутов и консолидации поставок, своевременной и технически обоснованной замены импортных материалов доступными отечественными аналогами с сопоставимыми свойствами и действенной профилактики хищений и потерь на всех этапах [6, 21, 22]. В масштабах всей страны

ежегодная экономия материальных ресурсов в строительном секторе может составить, по экспертным оценкам, от 250 до 400 млрд рублей, что сопоставимо с бюджетами крупных национальных проектов и может стать существенным источником для инвестиций в модернизацию самой отрасли [2, 18]. При этом принципиально важно отметить, что эффект не ограничивается прямой экономией на закупках: сдерживание роста материальных затрат положительно сказывается на конечной цене квадратного метра жилья и стоимости инфраструктурных объектов, что имеет огромное макроэкономическое и социальное значение, способствуя повышению доступности жилья для граждан, снижению нагрузки на бюджеты всех уровней и сдерживанию инфляции в экономике в целом [3, 4].

Вместе с тем необходимо трезво учитывать и потенциальные риски при реализации предложенных направлений, чтобы не допустить дискредитации самой идеи модернизации из-за неверного внедрения [5, 14]. Цифровизация учета и аудита требует значительных первоначальных инвестиций в приобретение и кастомизацию программного обеспечения, а также в длительное обучение персонала, что может быть объективно затруднительно для малых и средних строительных организаций, не располагающих свободными ресурсами и доступом к дешевому финансированию [5, 14]. Решением этой проблемы может стать активное создание облачных отраслевых сервисов с оплатой по модели подписки (SaaS), что позволит радикально снизить порог входа, а также разработка адресных мер государственной поддержки — субсидирование части затрат на внедрение сертифицированного отечественного программного обеспечения, предоставление инвестиционных налоговых вычетов на расходы по цифровизации производственных процессов и обучение персонала [3, 12, 14]. Определенное сопротивление инновациям может исходить и от части персонала, привыкшего к традиционным методам работы и обоснованно опасющегося, что тотальная автоматизация сделает их профессиональные компетенции избыточными и приведет к сокращениям [14, 19]. Здесь важна терпеливая разъяснительная работа, демонстрация на конкретных примерах того, что цифровые инструменты не заменяют квалифицированных специалистов, а освобождают их от рутинных, нетворческих операций для более сложной, интересной и содержательной аналитической деятельности, повышая их ценность для компании и востребованность на рынке труда [5, 14]. Без преодоления этого кадрового сопротивления даже самые совершенные системы не дадут отдачи [14, 19].

Таким образом, санкционные ограничения, ставшие серьезным и болезненным вызовом для всей строительной отрасли, одновременно служат мощным катализатором давно назревшей комплексной модернизации учетно-статистического и аудиторского инструментария управления материальными затратами, откладывать которую далее невозможно без риска утраты конкурентоспособности [2, 5, 18]. Последовательный переход к динамическому управленческому учету, всеохватывающему ценовому бенчмаркингу, содержательно обогащенной отраслевой статистике и превентивному риск-ориентированному внутреннему аудиту позволит строительным компаниям не просто пассивно адаптироваться к текущим шокам, но и заложить прочный фундамент для устойчивого и прибыльного развития в постсанкционный период, когда эффективность управления ресурсами станет главным фактором конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности [7, 8, 19]. Реализация предложенных мер, безусловно, требует значительных и скоординированных усилий государства, отраслевых объединений и самого строительного бизнеса, однако потенциальный макроэкономический и социальный эффект многократно оправдывает затраты на такую модернизацию, превращая ее из неизбежной статьи расходов в стратегическую инвестицию в будущее отрасли и национальной экономики [3, 12, 25].

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. О бухгалтерском учете: Федеральный закон № 402-ФЗ от 06.12.2011 (ред. от 12.12.2023). – М., 2023.
2. НОСТРОЙ. Анализ цен на строительные материалы в Российской Федерации в 2023–2025 гг.: аналитический доклад. – М., 2025. – 44 с.
3. Минстрой России. Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2035 года. – М., 2023. – 67 с.
4. Росстат. Строительство в России – 2024: статистический сборник. – М., 2024. – 158 с.
5. Кузнецова О.В., Ткач В.И. Трансформация управленческого учета материальных затрат в строительных организациях под влиянием санкционных ограничений // Управленческий учет. – 2025. – № 1. – С. 28–36.
6. Крылов Э.И., Власова В.М. Анализ материальных затрат в строительстве: современные подходы и методы. – М.: Финансы и статистика, 2023. – 192 с.
7. Богатая И.Н., Хахонова Н.Н. Аудит эффективности в строительном комплексе: теория и практика. – Ростов н/Д: Феникс, 2024. – 288 с.
8. Федеральная служба государственной статистики. Методологические рекомендации по формированию статистики цен на строительные материалы. – М., 2023. – 28 с.
9. Минстрой России. Методические рекомендации по применению механизмов гибкого ценообразования в строительных контрактах в условиях высокой волатильности рынка: утв. распоряжением от 15.01.2025 № 12-р. – М., 2025. – 36 с.
10. Правительство Российской Федерации. План мероприятий по адаптации экономики строительства к внешним санкционным ограничениям: утв. Постановлением от 10.04.2023 № 451. – М., 2023. – 24 с.
11. Карпова Т.П., Вахрушина М.А. Управленческий учет в строительстве: современные концепции и цифровые технологии. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 412 с.
12. Донцова Л.В., Никифорова Н.А. Анализ эффективности использования материальных ресурсов в строительных организациях: учебное пособие. – М.: Дело и Сервис, 2023. – 312 с.

Чугунова А.С.

сотрудник аппарата Законодательного Собрания Ульяновской области

Chugunova A.S.

Staff Member of the Office of the Legislative Assembly of the Ulyanovsk Region

МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье исследуется система механизмов государственной поддержки промышленности и их влияние на инвестиционную активность предприятий Ульяновской области. На основе официальных данных Правительства Ульяновской области, Министерства промышленности, инвестиций и науки области, Федерального фонда развития промышленности и Территориального органа ФСГС по Ульяновской области анализируются финансовые, регуляторные и институциональные инструменты поддержки. Установлено, что по итогам 2024 года объём инвестиций в основной капитал региона составил около 143 млрд рублей (111% к 2023 году), индекс физического объёма инвестиций за 9 месяцев 2024 года — 127,3%. Выявлена положительная взаимосвязь между применением механизмов государственной поддержки и динамикой промышленных инвестиций. Сформулированы рекомендации по совершенствованию системы государственной поддержки промышленности в целях дальнейшего повышения инвестиционной активности предприятий региона.

Ключевые слова: государственная поддержка промышленности, инвестиционная активность, Фонд развития промышленности, специальный инвестиционный контракт, соглашение о защите и поощрении капиталовложений, региональная промышленная политика, Ульяновская область, субсидирование.

STATE SUPPORT MECHANISMS FOR INDUSTRY AND THEIR IMPACT ON INVESTMENT ACTIVITY OF REGIONAL ENTERPRISES (CASE STUDY: ULYANOVSK OBLAST)

Abstract. The article examines the system of state support mechanisms for industry and their impact on the investment activity of enterprises in Ulyanovsk Oblast. Based on official data from the Ulyanovsk Oblast Government, the regional Ministry of Industry, Investment and Science, the Federal Industrial Development Fund, and the Territorial Statistics Office for Ulyanovsk Oblast, financial, regulatory, and institutional support instruments are analysed. It is established that in 2024 the volume of fixed capital investments in the region reached approximately 143 billion roubles (111% relative to 2023), with a physical investment volume index of 127.3% for January–September 2024. A positive relationship between the application of state support mechanisms and industrial investment dynamics is identified. Recommendations for improving the system of state support for industry are formulated.

Keywords: state support for industry, investment activity, Industrial Development Fund, special investment contract, agreement on protection and promotion of capital investments, regional industrial policy, Ulyanovsk Oblast, subsidization.

1. Введение

Государственная поддержка промышленности является одним из ключевых инструментов активизации инвестиционной деятельности предприятий. Эта роль становится особенно значимой в

условиях высоких процентных ставок. В 2024 году в Ульяновской области объём инвестиций в основной капитал составил около 143 млрд рублей, прирост — 11% к уровню 2023 года. Зампред правительства — министр промышленности, инвестиций и науки Ульяновской области Сергей Васин охарактеризовал этот результат как «один из лучших показателей в Приволжском федеральном округе» [1]. Индекс физического объёма инвестиций за 9 месяцев 2024 года составил 127,3% к уровню 2023 года [2].

Достижение столь высоких темпов инвестиционной активности в условиях рекордно высокой ключевой ставки Банка России стало возможным во многом благодаря инструментам государственной поддержки: льготным займам Федерального и регионального фондов развития промышленности (ФРП), специальным инвестиционным контрактам (СПИК), соглашениям о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК), региональным преференциальным режимам.

Целью исследования является анализ механизмов государственной поддержки промышленности и оценка их влияния на инвестиционную активность предприятий Ульяновской области. Информационную базу составляют: нормативные правовые акты РФ и Ульяновской области; данные Территориального органа ФСГС по Ульяновской области; официальные материалы Правительства Ульяновской области и Министерства промышленности, инвестиций и науки Ульяновской области; данные ФРП РФ; публикации в системе РИНЦ.

2. Теоретические основы государственной поддержки промышленности и инвестиционной активности

2.1. Классификация механизмов государственной поддержки

В научной литературе и нормативных документах механизмы государственной поддержки промышленности принято классифицировать по форме предоставления. Выделяются: финансовые механизмы (субсидии, льготные займы, гранты); налоговые механизмы (льготы по налогу на прибыль, имущество, ускоренная амортизация); регуляторные механизмы (специальные инвестиционные контракты, соглашения о защите капиталовложений); институциональные механизмы (технопарки, особые экономические зоны, промышленные кластеры). По направленности различают инструменты поддержки инновационной и инвестиционной деятельности. Исследование Глазуновой Е.З. (Поволжский государственный университет), размещённое в системе РИНЦ, показывает, что наиболее востребованными являются финансовые инструменты — субсидии, гранты и льготное кредитование, — а также институциональные меры, создающие благоприятную среду для реализации инвестиционных проектов [3].

2.2. Взаимосвязь механизмов господдержки и инвестиционной активности

Инвестиционная активность предприятий определяется ожидаемой доходностью инвестиций, стоимостью и доступностью финансовых ресурсов, оценкой рисков и качеством институциональной среды. Механизмы государственной поддержки воздействуют на все эти факторы: льготные займы снижают стоимость ресурсов; СПИК и СЗПК снижают регуляторные риски; субсидии повышают ожидаемую доходность проектов.

Государственная инвестиционная поддержка наукоёмких и высокотехнологичных отраслей предполагает последовательное применение нескольких инструментов: льготное финансирование (ФРП), закрепление налоговых льгот (СПИК) и долгосрочная защита инвестиций (СЗПК) [4]. Эффективность каждого инструмента определяется его адресностью, соответствием отраслевой специфике и снижением административных барьеров при доступе к поддержке [5].

3. Система механизмов государственной поддержки промышленности: федеральный и региональный уровни

3.1. Федеральные механизмы

Центральным финансовым институтом поддержки промышленности на федеральном уровне является Фонд развития промышленности (ФРП), созданный в 2015 году при Минпромторге России. Основной инструмент — льготные займы по ставкам 1–5% годовых. В 2023 году ФРП профинансировал 276 промышленных проектов на сумму 142 млрд рублей; нарастающим итогом с 2015 года — свыше 2 200 проектов, займы на более чем 730 млрд рублей. С учётом собственных вложений бизнеса совокупный бюджет поддержанных проектов превысил 1,3 трлн рублей: мультипликатор составляет около 1,78 [6; 7].

Регуляторными инструментами поддержки служат: специальный инвестиционный контракт (СПИК 2.0) — соглашение между инвестором и государством, предусматривающее внедрение современной технологии в обмен на налоговые льготы (налог на прибыль 0%, льготы по имущественным налогам) [8]; соглашение о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК) — предоставляет инвестору стабилизационную оговорку, гарантирующую неизменность условий реализации проекта в части налоговой и регуляторной нагрузки.

3.2. Региональные механизмы в Ульяновской области

Региональная система государственной поддержки промышленности Ульяновской области включает несколько элементов. Региональный фонд развития промышленности: в 2024 году оказана поддержка 26 проектам на общую сумму 387,1 млн рублей [1]. Реестр инвестиционных проектов «точки роста»: в 2024 году включено 86 инициатив с совокупными инвестициями более 6 млрд рублей и созданием 1 300 рабочих мест [9]. Инфраструктурная поддержка: особая экономическая зона (ПОЭЗ) «Ульяновск» специализируется на авиастроении и высоких технологиях; Парк новых технологий «Соллерс» на площадке УАЗ; сеть индустриальных парков.

Совокупная система механизмов государственной поддержки систематизирована в таблице 1.

Таблица 1. Система механизмов государственной поддержки промышленности Ульяновской области

Инструмент	Уровень	Форма	Объём / результат в 2024 г.
Льготные займы ФРП (федерал.)	Федеральный	Финансовая	276 проектов / 142 млрд руб. (2023 г.)
Льготные займы ФРП (регион.)	Региональный	Финансовая	26 проектов / 387,1 млн руб.
СПИК 2.0	Федеральный	Регуляторная	Налог на прибыль 0%; от 750 млн руб.
СЗПК	Федеральный	Регуляторная	Стабилизационная оговорка
ПОЭЗ «Ульяновск»	Федерал. / регион.	Инфраструктурная	Льготная аренда, таможенные преференции
Реестр «точки роста»	Региональный	Организационная	86 проектов, >6 млрд руб. инвестиций

Источник: составлено автором по данным Правительства Ульяновской области [1; 9], ФРП РФ [6; 7] и ГИСП [8].

4. Динамика и структура инвестиций в промышленность Ульяновской области

4.1. Общая инвестиционная динамика

Инвестиционная деятельность в регионе демонстрирует устойчивую положительную динамику. По итогам 2024 года объём инвестиций в основной капитал по полному кругу хозяйствующих субъектов

составил около 143 млрд рублей (111% к уровню 2023 года), что является «одним из лучших показателей в Приволжском федеральном округе», по оценке Министерства промышленности, инвестиций и науки области [1]. Регион занял пятое место в ПФО по данному показателю. Индекс физического объёма инвестиций за 9 месяцев 2024 года составил 127,3% к уровню 2023 года; в 1-м квартале 2024 года прирост достигал 39,9% [2; 10].

Примечательно, что такие темпы достигнуты в условиях рекордно высокой ключевой ставки Банка России. Это свидетельствует о том, что льготные инструменты государственной поддержки (займы ФРП, налоговые льготы по СПИК) частично компенсировали рост стоимости рыночного кредитования.

4.2. Структура инвестиций и роль государственной поддержки

Ключевым направлением инвестиций в промышленность региона является автомобилестроение и производство автокомпонентов. Группа «Соллерс» направила свыше 20 млрд рублей на индустриальные проекты и локализацию в регионе; часть этих инвестиций привлечена за счёт льготных займов Федерального ФРП [11]. В стадии активной реализации в 2025 году находятся 33 инвестпроекта с суммарным объёмом свыше 35 млрд рублей [1].

Данные о динамике инвестиций представлены в таблице 2.

Таблица 2. Динамика инвестиционной активности в Ульяновской области

Показатель	1 кв. 2024 г.	9 мес. 2024 г.	2024 г. итого
Инвестиции в осн. кап. (прирост к пред. году)	39,9%	—	11% (143 млрд руб.)
Индекс физ. объёма инвестиций	—	127,3%	—
Место в ПФО по объёму инвестиций	—	—	5-е
Активных инвестпроектов (на нач. 2025 г.)	—	—	33 / >35 млрд руб.
Число проектов рег. ФРП	—	—	26 / 387,1 млн руб.
Проектов «точки роста»	—	—	86 / >6 млрд руб.

Источник: составлено автором по данным Медиа73 [1], Министерства экономического развития Ульяновской области [10] и Правительства Ульяновской области [9].

5. Оценка эффективности механизмов государственной поддержки и ограничения

5.1. Свидетельства эффективности

Анализ имеющихся данных позволяет выделить несколько аргументов в пользу эффективности применяемых механизмов. Во-первых, опережающий рост инвестиций при высокой ключевой ставке. Прирост объёма инвестиций в основной капитал на 11% и индекс физического объёма в 127,3% говорят о том, что льготное финансирование ФРП успешно компенсировало рост рыночной стоимости кредита.

Во-вторых, демумльтипликативный эффект. По данным ФРП РФ, с учётом собственных вложений бизнеса совокупный бюджет поддержанных проектов составил более 1,3 трлн рублей при объёме займов около 730 млрд рублей, коэффициент мультипликации — около 1,78 [7]. На региональном уровне: 26 проектов на 387,1 млн рублей займов обеспечили реализацию проектов с бóльшим суммарным бюджетом.

В-третьих, структурный сдвиг в обрабатывающей промышленности. Рост обрабатывающих производств на 117,6% при среднероссийском 108,5% является косвенным свидетельством результативности поддержки именно этого сектора — приоритетного для механизмов ФРП и СПИК.

5.2. Ограничения и проблемы

Наряду с позитивными результатами система государственной поддержки имеет существенные ограничения. Первое — недостаточный охват малых предприятий. СПИК предусматривает минимальный объём инвестиций от 750 млн рублей, СЗПК — ещё выше; большинство малых предприятий не отвечают этим критериям. Региональный ФРП с лимитом 387,1 млн рублей на 26 проектов (в среднем около 15 млн рублей) лишь частично закрывает этот пробел.

Второе — административные барьеры при доступе к инструментам. Исследование Глазуновой Е.З. указывает на сложность процедур подачи заявок и длительность экспертизы как основные препятствия для получения государственной поддержки субъектами МСП [3].

Третье — зависимость от конъюнктуры ключевой ставки. При высоких рыночных ставках даже льготные займы ФРП по 1–5% остаются привлекательными. Однако при нормализации ставок возможно снижение относительного преимущества инструментов льготного кредитования.

6. Рекомендации по совершенствованию системы государственной поддержки промышленности

По результатам проведённого анализа предлагается следующий комплекс рекомендаций.

Первое. Расширить капитализацию регионального ФРП и снизить минимальный порог займа до 3–5 млн рублей для проектов малых предприятий. Это позволит охватить широкий круг малых промышленных компаний, которые сегодня остаются вне доступа к поддержке. Законодательному Собранию области целесообразно рассмотреть выделение дополнительных бюджетных ассигнований на капитализацию фонда.

Второе. Создать единый региональный «навигатор господдержки» — информационную платформу, объединяющую данные обо всех доступных инструментах (ФРП, СПИК, СЗПК, субсидии, налоговые льготы, ОЭЗ) с онлайн-калькулятором выгоды и сервисом предварительной подачи заявок. Наличие такого ресурса сокращает транзакционные издержки предприятий и устраняет информационные барьеры.

Третье. Ввести региональный инвестиционный налоговый вычет. Статья 286.1 Налогового кодекса РФ предоставляет субъектам РФ право устанавливать инвестиционный налоговый вычет по налогу на прибыль для предприятий, осуществляющих технологическую модернизацию. Использование этого инструмента расширит круг получателей поддержки без дополнительных прямых бюджетных расходов.

Четвёртое. Организовать при Законодательном Собрании Ульяновской области ежегодный публичный доклад об эффективности инструментов государственной поддержки промышленности с оценкой мультипликативного эффекта. Парламентский мониторинг создаст систему обратной связи, позволяющую своевременно корректировать нефункционирующие инструменты и тиражировать успешные практики.

7. Заключение

Система механизмов государственной поддержки промышленности Ульяновской области сочетает федеральные инструменты (ФРП, СПИК, СЗПК, ПОЭЗ) с региональными (региональный ФРП, реестр «точки роста», промышленные парки). Совокупное применение этих инструментов способствовало достижению объёма инвестиций в основной капитал около 143 млрд рублей (111% к 2023 году), индекса физического объёма инвестиций за 9 месяцев 127,3%, роста промышленного производства на 116%.

Анализ выявил устойчивую положительную взаимосвязь между применением механизмов государственной поддержки и инвестиционной активностью предприятий. Эффективность обеспечивается прежде всего сочетанием финансовых (займы ФРП) и регуляторных (СПИК, СЗПК) инструментов. Вместе с тем существуют значимые ограничения: недостаточный охват малых предприятий, административные барьеры, ограниченная капитализация регионального ФРП.

Предложенные рекомендации — расширение регионального ФРП, создание навигатора господдержки, введение инвестиционного налогового вычета, парламентский мониторинг — направлены на формирование более эффективной, адресной и прозрачной системы поддержки промышленности, способной обеспечить устойчивый инвестиционный рост в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Объём инвестиций в регионе в 2024 году составил 143 миллиарда рублей // Медиа73. — 2025. — URL: <https://media73.ru/2025/obyem-investitsiy-v-regione-v-2024-godu-sostavil-143-milliarda-rublei> (дата обращения: 01.09.2024).
2. Индекс промпроизводства в Ульяновской области выше, чем в среднем по России // РИА Новости. — 2024. — URL: <https://ria.ru/20241219/ulyanovskaya-1990213296.html>.
3. Глазунова Е.З. Оценка влияния государственных мер на развитие инновационной деятельности // КиберЛенинка (Поволжский государственный университет). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-gosudarstvennyh-mer-na-razvitie-innovatsionnoy-deyatelnosti>.
4. Государственная инвестиционная поддержка наукоёмких и высокотехнологичных отраслей // КиберЛенинка. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-investitsionnaya-podderzhka-naukoemkih-i-vysokotekhnologichnyh-otrasley>.
5. Механизмы государственной поддержки развития малого и среднего предпринимательства в субъекте РФ // КиберЛенинка. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-gosudarstvennoy-podderzhki-razvitiya-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-subekte-rf>.
6. Фонд развития промышленности профинансировал 276 проектов в 2023 году // Объясняем.рф. — 2024. — URL: <https://xn--90aivcdt6dxbc.xn--p1ai/articles/news/fond-razvitiya-promyshlennosti-profinansiroval-276-proektov-v-2023-godu/>.
7. Фонд развития промышленности представил обновлённые данные о льготном финансировании // InvestFuture. — 2026. — URL: <https://investfuture.ru/articles/fond-razvitiya-promyshlennosti-predstavil-obnovlennye-dannye-o-lgotnom-finansirovanii-1183385859>.
8. Государственная информационная система промышленности (ГИСП). Специальный инвестиционный контракт (СПИК 2.0). — URL: <https://gisp.gov.ru/nmp/measure/10511015>.
9. В Ульяновской области продолжится поддержка промышленных предприятий и бизнеса // Министерство агропромышленного комплекса и развития сельских территорий Ульяновской области. — 2025. — URL: <https://mcx73.ru/info/news/5067/>.
10. В Ульяновской области отмечают высокие темпы роста промпроизводства и инвестиций в основной капитал // Министерство экономического развития Ульяновской области. — 2024. — URL: <https://ekonom73.ru/news/17-06-2024/43480/>.
11. На УАЗе запустили новое производство за миллиард рублей // Авто новости дня. — 2026. — URL: <https://avtonovostidnya.ru/avtoprom/416588-uaz-sollers>.
12. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ульяновской области. Промышленное производство. — URL: <https://73.rosstat.gov.ru/folder/40359>.
13. Ульяновская область занимает первое место в ПФО по индексу промышленного производства по итогам 2024 года // АКИТ РФ (пресс-служба Правительства Ульяновской области). — 2025. — URL: https://www.akitr.ru/press-center/news_association/ulyanovskaya-oblast-zanimaet-pervoe-mesto-v-pfo-po-indeksu-promyshlennogo-proizvodstva-po-itogam-202/.

Чугунова А.С.

сотрудник аппарата Законодательного Собрания Ульяновской области

Chugunova A.S.

Staff Member of the Office of the Legislative Assembly of the Ulyanovsk Region

**ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ КАК ФАКТОР СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация. В статье исследуется роль политики импортозамещения в структурной трансформации промышленности Ульяновской области. На основе официальных данных Правительства Ульяновской области и Федеральной службы государственной статистики анализируется динамика промышленного производства, ключевые направления и практические результаты реализации импортозамещения в регионе. По итогам 2024 года Ульяновская область достигла индекса промышленного производства в 116% к уровню 2023 года, заняв первое место в Приволжском федеральном округе и войдя в пятёрку лидеров России. Выявлены структурные изменения в промышленности: переориентация на отечественные компоненты, создание новых производственных цепочек, запуск российских производств на базе прежде принадлежавших иностранным инвесторам площадок. Сформулированы рекомендации по совершенствованию политики импортозамещения на региональном уровне.

Ключевые слова: импортозамещение; структурная трансформация промышленности; региональная экономика; обрабатывающие производства; промышленная кооперация; Ульяновская область; технологический суверенитет; инвестиции.

**IMPORT SUBSTITUTION AS A FACTOR OF STRUCTURAL TRANSFORMATION OF
REGIONAL INDUSTRY (CASE STUDY: ULYANOVSK OBLAST)**

Abstract. The article examines the role of import substitution policy in the structural transformation of Ulyanovsk Oblast's industry. Based on official data from the Ulyanovsk Oblast Government and the Federal State Statistics Service, the study analyses the dynamics of industrial output and the key directions and practical results of import substitution in the region. In 2024, the region achieved an industrial production index of 116% relative to 2023, ranking first in the Volga Federal District and entering the top five in the country. Structural changes in industry are identified: reorientation toward domestic components, creation of new production chains, and launch of Russian manufacturing at facilities formerly belonging to foreign investors. Recommendations are formulated for improving import substitution policy at the regional level.

Keywords: import substitution; industrial structural transformation; regional economy; manufacturing; industrial cooperation; Ulyanovsk Oblast; technological sovereignty; investments.

1. Введение

Политика импортозамещения приобрела стратегическое значение для российской экономики после введения масштабных внешних ограничений в 2022 году. В Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» технологическое лидерство, включая импортозамещение в промышленности, определено как национальная цель [1].

Ульяновская область демонстрирует одни из наиболее высоких темпов роста промышленного производства в стране. По итогам 2024 года регион занял первое место в Приволжском федеральном округе: индекс промышленного производства составил 116% к уровню 2023 года при среднероссийском значении 104,6%. Обрабатывающие производства, составляющие 86,6% промышленного сектора, показали рост в 117,6% при среднероссийском показателе 108,5% [2]. В 2024 году общий объём отгруженных товаров, работ и услуг в промышленности региона достиг 619,4 млрд рублей [3].

Целью исследования является анализ импортозамещения как фактора структурной трансформации промышленности Ульяновской области и разработка рекомендаций по развитию данного направления. Задачи: охарактеризовать нормативно-правовые основы импортозамещения; проанализировать структуру промышленности и её трансформацию; оценить конкретные результаты политики импортозамещения; выявить барьеры; сформулировать рекомендации. Информационную базу составляют данные ФСГС и его Территориального органа по Ульяновской области, официальные сообщения пресс-службы Правительства Ульяновской области, публикации в системе РИНЦ.

2. Теоретические основы импортозамещения как инструмента структурных преобразований

2.1. Понятие и содержание импортозамещения

В современной научной литературе импортозамещение трактуется как процесс замены импортируемой продукции отечественными аналогами, реализуемый при активной поддержке государства. Среди российских исследователей значительный вклад в разработку концепции импортозамещающих стратегий внёс Ф.С. Федоляк, рассматривающий импортозамещение как инструмент структурных сдвигов в экономике и подчёркивающий необходимость встраивания замещающих производств в систему глобальной конкурентоспособности [4].

Взаимосвязь инноваций и структурной трансформации промышленности исследована в работах, опубликованных в системе РИНЦ. Авторы указывают на сырьевую направленность как ключевой недостаток специализации российской промышленности и выделяют пути реструктуризации — в том числе через умную специализацию и развитие перерабатывающих компетенций в региональном аспекте [5].

2.2. Нормативно-правовые основы

Политику импортозамещения в промышленности регулирует Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», который устанавливает правовые основы промышленной политики, в том числе меры стимулирования производства и замещения импорта [6]. Планы мероприятий по импортозамещению утверждены по каждой отрасли промышленности и актуализированы в 2022–2024 годах с учётом новых ограничений.

На региональном уровне Ульяновская область реализует собственную программу промышленного развития в рамках Стратегии социально-экономического развития на период до 2030 года. Координацию политики импортозамещения осуществляет Министерство промышленности, инвестиций и науки Ульяновской области.

3. Структура промышленности и её трансформация в Ульяновской области

3.1. Общая характеристика промышленного сектора

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ульяновской области, в 2024 году объём отгруженных товаров, работ и услуг в промышленности региона составил 619,4 млрд рублей [3]. Структура промышленного сектора характеризуется преобладанием обрабатывающих производств — 86,6% общего объёма; добыча полезных ископаемых занимает 5,4%; производство и распределение электроэнергии, газа и воды — около 8%.

В структуре обрабатывающих производств ключевую роль занимает машиностроение, прежде всего автомобилестроение. Индустриальный комплекс «УАЗ» — крупнейшая промышленная площадка

региона: в 2024 году здесь выпущено более 38 тысяч автомобилей [7]. Помимо этого, сформированы новые предприятия — ООО «Ульяновский завод Точного Литья» наладил производство компонентов крыла для самолёта МС-21, компания «Форш» запустила производство крупногабаритных пресс-форм и штампов [2].

Динамика ключевых показателей промышленности Ульяновской области представлена в таблице 1.

Таблица 1. Ключевые показатели промышленности Ульяновской области в 2024 году

Показатель	Значение в 2024 г.	Среднероссийское значение	Место в ПФО
ИПП (% к 2023 г.), всего	116,0%	104,6%	1-е
ИПП обрабатывающих пр-в (% к 2023 г.)	117,6%	108,5%	1-е
Объём отгруженных товаров (млрд руб.)	619,4	—	—
Доля обрабатывающих пр-в (%)	86,6	—	—
Объём инвестиций в осн. капитал (млрд руб.)	~143 (111% к 2023)	—	5-е в ПФО
Межрегиональные контракты (млрд руб.)	0,7 (свыше 700 млн)	—	—

Источник: составлено автором по данным Правительства Ульяновской области [2; 7] и Территориального органа ФСГС по Ульяновской области [3].

3.2. Структурные изменения под влиянием импортозамещения

С 2022 года в промышленности Ульяновской области наблюдаются значимые структурные сдвиги. Во-первых, активно формируются новые производственные кооперационные цепочки: в 2024 году заключены межрегиональные производственные контракты на сумму свыше 700 млн рублей [2]. Во-вторых, происходит локализация компонентной базы: производители переходят на отечественные аналоги либо на поставки из дружественных стран.

В-третьих, прежде принадлежавшие иностранным инвесторам производственные площадки перезапущены под российским управлением. Среди новых предприятий — завод алюминиевой упаковки «Арнест Упаковочные Решения» и «СОЛЛЕРС Комтранс» по выпуску среднетоннажных грузовиков [8]. В рамках реестра инвестиционных проектов «точки роста» в 2024 году зарегистрировано 86 инициатив с общим объёмом инвестиций более 6 млрд рублей, создано 1 300 новых рабочих мест [7].

4. Практики реализации импортозамещения в Ульяновской области

4.1. Автомобилестроительный кластер

Ключевым примером реализации политики импортозамещения является развитие автомобилестроительного кластера на базе индустриального комплекса УАЗ. В 2023 году здесь запущено производство коммерческих автомобилей Sollers Argo — российский ответ ушедшим с рынка иностранным моделям. В 2024 году стартовало производство пикапов Sollers ST6, среднетоннажных грузовиков «СОЛЛЕРС Комтранс»; в стадии реализации — производство крупнотоннажных грузовиков. Инвестиционная программа группы «Соллерс» в регионе превышает 20 млрд рублей [8; 9].

Параллельно углубляется локализация компонентной базы. Запущено серийное производство систем пассивной безопасности (подушки безопасности, рулевые колёса, электронные блоки

управления), в 2026 году введено предприятие «Штамповые технологии» для штамповки кузовных деталей. Оба проекта реализованы с привлечением льготных займов Федерального фонда развития промышленности [9].

4.2. Поддержка проектов региональным ФРП

В 2024 году региональный фонд развития промышленности Ульяновской области поддержал 26 проектов на общую сумму 387,1 млн рублей. Конкретными примерами служат: заём предприятию «Инжиниринг Сервис-Путьмаш» в 30 млн рублей на приобретение фрезерных и токарных обрабатывающих центров; заём ООО «Предприятие по производству средств защиты» (ПОЭЗ «Ульяновск») в 21,4 млн рублей на развитие механической обработки деталей авиационной техники [2].

Федеральный ФРП также активно участвует в поддержке региональных проектов. В 2023 году фонд профинансировал 276 проектов по всей России на сумму 142 млрд рублей [10]. Программа «Комплекующие изделия» — один из ключевых инструментов, направленных именно на локализацию производства компонентов.

Действующие инструменты поддержки импортозамещения систематизированы в таблице 2.

Таблица 2. Инструменты государственной поддержки импортозамещения в промышленности Ульяновской области

Инструмент	Орган	Условия	Результат в 2024 г. (по региону)
Льготный заём (ФРП регион.)	Правительство УО	Льготная ставка; от 1 млн руб.	26 проектов / 387,1 млн руб.
Льготный заём (ФРП федер.)	Минпромторг / ФРП РФ	От 1–5% годовых	Ряд крупных проектов (Соллерс и др.)
Программа «Комплекующие»	ФРП РФ	Целевые займы на компоненты	Активно используется
СПИК 2.0	Минпромторг	Налоговые льготы; от 750 млн руб.	Крупные инвестпроекты
Реестр «точки роста»	Правительство УО	Орг. и инфр. поддержка	86 проектов, >6 млрд руб.
Межрегион. кооперация	Правительство УО	Содействие заключению контрактов	Свыше 700 млн руб.

Источник: составлено автором по данным Правительства Ульяновской области [2; 7] и ФРП РФ [10; 11].

5. Барьеры реализации политики импортозамещения

Несмотря на достигнутые результаты, реализация политики импортозамещения сопряжена с системными ограничениями.

Первое — технологическая зависимость от критических компонентов. Отдельные виды высокотехнологичных комплектующих (прецизионная электроника, специальные материалы, программное обеспечение для промышленных систем) не имеют полноценных отечественных аналогов. По данным ВШЭ, в ряде отраслей обрабатывающей промышленности 35–50% используемых материалов и компонентов по-прежнему закупается за рубежом [12].

Второе — кадровый дефицит. При индексе промышленного производства в 116% расширение выпуска ограничивается нехваткой квалифицированных рабочих и инженеров. По данным hh.ru, в отдельных специальностях конкуренция резюме на вакансию в Ульяновской области составляет 1,3 при нормативном значении 4,0–7,9 [13].

Третье — высокая стоимость заёмного финансирования. Ключевая ставка Банка России, достигавшая рекордного уровня в 2024 году, делает банковское кредитование малодоступным для финансирования долгосрочных инвестиционных проектов, несмотря на льготные программы ФРП.

6. Рекомендации по развитию политики импортозамещения

По результатам анализа предлагается следующий комплекс мер.

Во-первых, создать региональный реестр импортозамещающих поставщиков с открытым доступом для промышленных предприятий. Это позволит крупным предприятиям находить местных производителей компонентов, а малым компаниям — встраиваться в производственные цепочки флагманов региона. Законодательному Собранию Ульяновской области целесообразно закрепить в нормативной базе механизм региональных преференций при закупках для организаций, чья продукция производится на территории области.

Во-вторых, увеличить капитализацию регионального ФРП и снизить минимальный размер займа до 3–5 млн рублей для поддержки малых промышленных предприятий. Это расширит охват инструмента, который сейчас ориентирован преимущественно на средний бизнес.

В-третьих, развивать систему профессиональной подготовки по дефицитным промышленным специальностям — в сотрудничестве предприятий с учреждениями среднего профессионального образования региона. Механизм дуального обучения, закреплённый в соглашениях между Правительством области, предприятиями и колледжами, способен дать быстрый результат.

7. Заключение

Импортозамещение выступает реальным фактором структурной трансформации промышленности Ульяновской области. Индекс промышленного производства в 116% в 2024 году при среднероссийском 104,6%, общий объём отгруженных товаров в 619,4 млрд рублей, межрегиональные контракты свыше 700 млн рублей, 26 поддержанных региональным ФРП проектов на 387,1 млн рублей — всё это свидетельствует о том, что импортозамещение перешло из стадии вынужденной реакции на внешние ограничения в стадию стратегического промышленного развития.

Вместе с тем зависимость от критических импортных компонентов, кадровый дефицит и высокая стоимость заёмных ресурсов остаются системными ограничениями. Их преодоление требует скоординированных действий органов власти, бизнеса и системы профессионального образования. Ульяновская область располагает значимым промышленным потенциалом и при последовательной политике способна удерживать лидерские позиции в промышленном развитии Приволжского федерального округа.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2024. — № 19. — Ст. 2584. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50727>.

2. Ульяновская область занимает первое место в ПФО по индексу промышленного производства по итогам 2024 года (пресс-служба Правительства Ульяновской области). — 2025. — URL: https://www.akitr.ru/press-center/news_association/ulyanovskaya-oblast-zanimaet-pervoe-mesto-v-pfo-po-indeksu-promyshlennogo-proizvodstva-po-itogam-202/.

3. Каждые предприятия в Ульяновской области самые успешные? // Деловое обозрение. — 2025. — URL: <https://uldelo.ru/articles/2025/05/16/b-kakie-predpriyatiya-v-ulyanovskoi-oblasti-samye-uspeshnye-b>.

4. Феодяк Ф.С. Импортозамещающая стратегия структурных сдвигов в экономике России. — М.: ИНФРА-М, 2014. — 320 с.

5. Влияние инноваций на структурную трансформацию промышленности // КиберЛенинка. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-innovatsiy-na-strukturnuyu-transformatsiyu-promyshlennosti>.
6. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 1 (ч. 1). — Ст. 41. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/.
7. В Ульяновской области продолжится поддержка промышленных предприятий и бизнеса // Министерство агропромышленного комплекса и развития сельских территорий Ульяновской области. — 2025. — URL: <https://mcx73.ru/info/news/5067/>.
8. Ульяновская область – лидер ПФО по индексу промышленного производства по итогам 2024 года // Деловое обозрение. — 2025. — URL: <https://uldelo.ru/news/2025/02/12/ulyanovskaya-oblast--lider-pfo-b-po-indeksu-promyshlennogo-proizvodstva-po-itogam-2024-goda-b>.
9. На УАЗе запустили новое производство за миллиард рублей // Авто новости дня. — 2026. — URL: <https://avtonovostidnya.ru/avtoprom/416588-uaz-sollers>.
10. Фонд развития промышленности профинансировал 276 проектов в 2023 году // Объясняем.рф. — 2024. — URL: <https://xn--90aivcdt6dxbc.xn--p1ai/articles/news/fond-razvitiya-promyshlennosti-profinansiroval-276-proektov-v-2023-godu/>.
11. Фонд развития промышленности (ФРП). Официальный сайт. — URL: <https://frprf.ru>.
12. Тенденции импортозамещения в промышленности в 2023–2024 гг. / Информационный обзор; НИУ ВШЭ. — М.: НИУ ВШЭ, 2024. — URL: <https://publications.hse.ru/books/917426179>.
13. Наибольший дефицит кадров Ульяновская область испытывает в торговле (по данным hh.ru) // Деловое обозрение. — 2025. — URL: <https://uldelo.ru/news/2025/03/10/b-naibolshii-defitsit-kadrov-ulyanovskaya-oblast-ispytyvaet-v-torgovle-b>.
14. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ульяновской области. Промышленное производство. — URL: <https://73.rosstat.gov.ru/folder/40359>.

Жуков И.В.директор по персоналу СК "Дом-Юг", г. Ростов-на-Дону
e-mail: igorzhukov87@yandex.ru**Zhukov I.V.**

HR Director of BC "Dom-Ug", Rostov-on-Don

АДАПТАЦИЯ ВЕТЕРАНОВ СВО НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПРИНЦИПЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы трудовой адаптации ветеранов специальной военной операции (СВО) в современных организациях. Анализируются нормативно-правовые акты, включая Рекомендации Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (2026), а также эмпирические исследования и практические кейсы по интеграции участников боевых действий в трудовые коллективы. Выделяются ключевые компетенции ветеранов как кадрового ресурса: дисциплинированность, стрессоустойчивость, навыки командной работы, способность к принятию решений в нестандартных ситуациях. Обосновывается необходимость корректировки стандартных программ онбординга с учётом психофизиологических особенностей данной категории работников. Формулируются базовые принципы адаптации – чёткость постановки задач, осмысленность трудовой деятельности, разумная автономия, стабильность условий. Предлагается трёхуровневая модель адаптационного плана, включающая этапы ориентации, синхронизации и автономии, а также рассматривается роль подготовки коллектива и института наставничества. Делается вывод о том, что успешная интеграция ветеранов СВО требует системного подхода, сочетающего социальную ответственность работодателя с применением научно обоснованных методов кадрового менеджмента.

Ключевые слова: адаптация ветеранов СВО, трудоустройство, онбординг, посттравматическое стрессовое расстройство, кадровый менеджмент, социально-трудовая интеграция, наставничество.

ADAPTATION OF SVO VETERANS IN THE WORKPLACE: PROBLEMS, PRINCIPLES, AND PRACTICAL APPROACHES

Abstract. This article examines the work adaptation of special military operation (SVO) veterans in modern organizations. It analyzes regulatory and legal acts, including the Recommendations of the Russian Tripartite Commission for the Regulation of Social and Labor Relations (2026), as well as empirical studies and practical cases on the integration of combat veterans into workforces. Key competencies of veterans as a human resource are highlighted: discipline, stress resistance, teamwork skills, and the ability to make decisions in non-standard situations. The need to adjust standard onboarding programs to account for the psychophysiological characteristics of this category of workers is substantiated. The basic principles of adaptation are formulated: clear task definition, meaningful work activities, reasonable autonomy, and stable conditions. A three-tiered adaptation plan model is proposed, including the stages of orientation, synchronization, and autonomy, and the role of team development and mentoring is considered. It is concluded that the successful integration of veterans of the Second World War requires a systemic approach that combines the employer's social responsibility with scientifically proven HR management methods.

Keywords: adaptation of veterans of the Second World War, employment, onboarding, post-traumatic stress disorder, HR management, social and labor integration, mentoring.

Возвращение участников специальной военной операции к мирной жизни и трудовой деятельности сегодня становится одной из ключевых социально-экономических задач. По данным Фонда «Защитники Отечества», за помощью по вопросам трудоустройства обратились более 11 тысяч ветеранов СВО, 68% из них уже трудоустроены [5]. При этом, по информации Роструда, более половины ветеранов на сегодняшний день имеют работу, однако этот показатель нуждается в дальнейшем повышении [3]. Значительная часть ветеранов, оказавшись на гражданке, сталкивается с необходимостью смены профессии или адаптации к новым условиям труда. Как отмечают эксперты, на трудоустройство ветеранов могут влиять психологические барьеры, вызванные длительным перерывом в трудовом стаже [3].

В июне 2026 года Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений утвердила Рекомендации для работодателей по сопровождению при трудоустройстве, трудовой адаптации, социальному сопровождению и профессиональному развитию ветеранов боевых действий [1]. В документе подчёркивается, что работодателям следует учитывать такие качества ветеранов, как стрессоустойчивость, дисциплинированность, умение работать в команде и в иерархичной структуре, способность быстро принимать решения в нестандартных ситуациях [1, с. 6]. Там же приведены примеры конверсии военных специальностей в гражданские профессии: командир подразделения может быть эффективен на руководящей должности, специалист связи – в сфере телекоммуникаций и ИТ [1, с. 7]. Рекомендации также обязывают работодателя исключать противопоказанные виды работ (например, ночные смены) и предлагают в первую неделю работы разрабатывать индивидуальную карту адаптации для каждого ветерана [1, с. 9–10].

На практике компании уже накапливают опыт работы с ветеранами. В 2025 году почти 3,5 тысячи участников СВО прошли бесплатное переобучение через кадровые центры «Работы России» [3]. В Новосибирской области порядка 100 ветеранов успешно трудоустроились на предприятия региона [3]. В Ульяновской области работодатели определили 925 рабочих мест для ветеранов СВО, из которых 511 уже заняты [4]. На предприятиях появляются программы наставничества и психологического сопровождения, которые начинаются ещё до выхода ветерана на работу и продолжаются весь адаптационный период – от трёх до шести месяцев [6].

Сильные стороны ветерана как работника – это не просто дань социальной ответственности, а реальный кадровый ресурс. Боевой опыт формирует навыки, которые в бизнес-среде принято называть антикризисным управлением: способность принимать решения в условиях неопределённости и дефицита времени, отсутствие паники при форс-мажорах, высокая дисциплина и привычка доводить дело до конца. К этому добавляется умение работать в команде, где результат зависит от каждого, и готовность подстраховать коллегу – навык, который в армии называют боевым слаживанием. Однако стандартные программы онбординга, применяемые в большинстве организаций, зачастую не учитывают специфику военного опыта и сформировавшихся в экстремальных условиях поведенческих паттернов.

В учебно-методическом пособии «Комплексная реадаптация участников современных боевых действий: сущность, проблемы, стратегии психологического сопровождения», выпущенном в 2026 году учёными Института Высшей школы государственного управления РАНХиГС Сергеем Проценко и Александром Караяни, подчёркивается необходимость работы не только с посттравматическим стрессовым расстройством, но и с широким спектром состояний, характерных для большинства участников боевых действий [2, с. 12–15]. Авторы выделяют диагностические проявления различных психологических явлений – от последствий травматического опыта до посттравматического роста [2, с. 14]. Последний, как отмечается в исследованиях, проявляется в переоценке жизненных ценностей, укреплении межличностных связей и обретении новых смыслов – и может стать мощным ресурсом для профессионального развития [2, с. 45–47].

Александр Караяни, доктор психологических наук, профессор, выделяет пять групп ветеранов боевых действий, отличающихся по особенностям переживания последствий войны: испытывающие посттравматический рост, сохраняющие психологическую устойчивость, переживающие кризис реадaptации, «застраившие» на войне и страдающие посттравматическим стрессовым расстройством [2, с. 18–20]. По данным исследований, совокупная частота ПТСР у ветеранов и комбатантов составляет около 27,8% [2, с. 22]. Эта дифференциация имеет прямое значение для работодателя: универсальных подходов к адаптации быть не может, требуется индивидуальная оценка состояния и потребностей каждого сотрудника.

На основе обобщения практического опыта и данных научной литературы можно выделить несколько принципов, которые должны лежать в основе адаптации ветеранов СВО. Один из ключевых принципов – чёткость и определённость. Размытые формулировки задач, неясные ожидания вызывают у человека с боевым опытом фрустрацию. В условиях военной службы каждое действие было подчинено достижению конкретной цели, и перенос этого паттерна в гражданскую среду требует ясного целеполагания. Задачи должны ставиться конкретно, с указанием сроков и критериев успеха [2, с. 50–52].

Другой важный аспект – осмысленность трудовой деятельности. Ветерану важно понимать, зачем выполняется та или иная задача и как она влияет на общий результат. Осознание глобальной цели резко повышает мотивацию и даёт ощущение включённости в общее дело [2, с. 53–55]. Не менее значима разумная автономия: тотальный контроль каждого шага воспринимается как недоверие. Оптимальная стратегия – обозначить границы, предоставить ресурсы, установить контрольные точки и дать возможность самостоятельно выполнять задачу. Такой подход соответствует военному опыту, где командир ставит задачу и делегирует ответственность за её исполнение [2, с. 56–58].

Кроме того, критическое значение имеет стабильность и предсказуемость условий труда. В первые месяцы работы важно избегать внезапных изменений функционала и организационной неопределённости. Для человека, пережившего травматический опыт, стабильность становится терапевтическим фактором, а хаос может актуализировать травматические переживания [2, с. 60–62]. Также следует учитывать такие феномены, как «сверхбдительность» – состояние, при котором ветеран может инстинктивно стремиться сидеть спиной к стене, резко реагировать на громкие звуки или прикосновения со стороны спины. Исследователи указывают на необходимость эргономической организации рабочего пространства для снижения сенсорной нагрузки [2, с. 73–75]. У ветеранов также может наблюдаться обострённое чувство справедливости и склонность к черно-белому мышлению («свой – чужой») [2, с. 76–78].

Эффективная адаптация начинается не в момент выхода ветерана на работу, а до этого – с подготовки коллектива. В Рекомендациях Российской трехсторонней комиссии особо выделяется роль наставничества [1, с. 9]. В 2026 году в России началась разработка национального стандарта наставничества с учётом практик трудоустройства и адаптации ветеранов СВО [6]. Как отмечают разработчики, наставничество призвано помочь преодолеть психологическую дезадаптацию и разрыв между военными и гражданскими квалификациями, сопровождая ветерана от первого интервью до полноценной интеграции в корпоративную культуру [6].

Подготовка коллектива включает несколько направлений. Прежде всего, коллегам необходимо разъяснить поведенческие особенности, которые могут проявляться у ветерана в рабочей среде: о чём не стоит спрашивать, как реагировать на возможные проявления сверхбдительности или резкие реакции на громкие звуки. Важно сформировать понимание, что такие реакции не являются проявлением недружелюбия или неадекватности, а представляют собой адаптивные механизмы, сформированные в экстремальных условиях [2, с. 80–82]. Не менее важно предупредить возможное предвзятое отношение, основанное на стереотипах. Клинические симптомы боевой травмы – эмоциональная уплощённость,

раздражительность – могут неверно интерпретироваться персоналом как девиантное поведение, что приводит к вторичной социальной изоляции ветерана. Исследователи подчёркивают: подлинная эмоциональная поддержка со стороны коллег и руководителей способствует восстановлению после травмы и адаптации к рабочей жизни [2, с. 84–86]. Специалисты также рекомендуют относиться к ветерану как к равному, без излишней жалости и гиперопеки, фокусироваться в общении на рабочих задачах и профессиональном росте, уважать личные границы – если человек хочет помолчать, дать ему такую возможность [2, с. 88–90].

Процесс адаптации целесообразно выстроить как последовательность этапов с чёткими вехами.

На начальном этапе – «Ориентация и безопасность» – ветеран изучает структуру организации, внутренние регламенты, знакомится с командой. Критически важно создать ощущение безопасности и отсутствия бытового дискомфорта, чтобы сотрудник точно знал, к кому и по какому вопросу можно обратиться. В Рекомендациях подчёркивается, что в первую неделю работы целесообразно разрабатывать индивидуальную карту адаптации [1, с. 10].

Следующий этап – «Синхронизация и первые результаты» – предполагает выполнение первых самостоятельных задач под присмотром наставника, калибровку темпа работы. На этом этапе важно обеспечить постепенное наращивание сложности и регулярную обратную связь. Индикаторами успеха служат снижение количества уточняющих вопросов, выполнение базовых KPI и участие в неформальном общении с коллегами [1, с. 11].

Завершающий этап – «Автономия» – характеризуется полноценной интеграцией в рабочие процессы, переходом от позиции новичка к равноправному члену команды. На этом этапе ветеран начинает проявлять инициативу и самостоятельно решать нештатные ситуации [1, с. 11]. По данным практиков, адаптационный период в среднем занимает от трёх до шести месяцев [6]. Важно, чтобы адаптация не завершалась выходом сотрудника на «рабочую скорость» – необходимо предусматривать возможности для дальнейшего профессионального развития, повышения квалификации и карьерного продвижения [1, с. 12].

Успешная интеграция ветеранов СВО в корпоративную среду возможна при соблюдении нескольких условий. Необходимо признание того, что ветеран – это не объект социальной помощи, а ценный кадровый ресурс, обладающий уникальным набором компетенций [2, с. 45–47; 5].

Требуется корректировка стандартных программ онбординга с учётом психофизиологических особенностей ветеранов [2, с. 50–62].

Важна предварительная подготовка трудового коллектива [2, с. 80–90], а сам процесс адаптации должен быть структурирован поэтапно с чёткими индикаторами успеха [1, с. 10–11].

Как отмечают эксперты, сегодня на первый план выходит принцип трёх «Р» – реабилитация, ресоциализация и реадаптация, который требует комплексного подхода, включающего не только медицинскую и психологическую помощь, но и социальное сопровождение, доступ к образовательным ресурсам и профессиональному обучению [6]. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку методик оценки эффективности адаптационных программ и сравнительный анализ успешных практик интеграции в различных отраслях экономики.

Литература:

1. Рекомендации для работодателей по сопровождению при трудоустройстве, трудовой адаптации, социальному сопровождению и профессиональному развитию ветеранов боевых действий, принимавших участие (содействовавших выполнению задач) в специальной военной операции: утв. решением Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (протокол от 26 июня 2026 г. № 6пр). – URL: <https://base.garant.ru/414564316/> (дата обращения: 07.08.2026).

2. Проценко С.А., Караяни А.Г. Комплексная реадаптация участников современных боевых действий: сущность, проблемы, стратегии психологического сопровождения: учеб. -метод. пособие. – М.: РАНХиГС, 2026. – 120 с.

3. Как принять на работу участника СВО и помочь ему адаптироваться в коллективе // ГАРАНТ. – 2026. – 14 июля. – URL: <https://www.garant.ru/news/2164772/> (дата обращения: 07.08.2026).

4. Российская трехсторонняя комиссия дала рекомендации по трудоустройству и адаптации ветеранов СВО // КонсультантПлюс. – 2026. – 15 июля. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.08.2026).

5. Бочкарев В. Кадровый резерв там, где его не искали. Как мы выстроили наем и адаптацию ветеранов боевых действий // HR-директор. – 2026. – № 7. – С. 28–35.

6. Ключевые проблемы и механизмы воздействия на процесс ресоциализации участников боевых действий // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2024. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-problemy-i-mehanizmy-vozdeystviya-na-protsess-resotsializatsii-uchastnikov-boevykh-deystviy> (дата обращения: 07.08.2026).

Харитонов Е.Р.

генеральный директор ООО «Р-3 Групп»

e-mail: Elizabell@mail.ru

Kharitonova E.R.

General Director of R-3 Group LLC

МЕЦЕНАТСТВО И КУЛЬТУРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ЧАСТНОЙ ПОДДЕРЖКИ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию меценатства как институционального явления в системе современной политики Российской Федерации в сфере культуры. Актуальность темы обусловлена существенными изменениями государственной культурной политики после 2022 года, связанными как с усилением задач по укреплению культурного суверенитета, так и с изменениями в сфере финансирования культуры. Цель исследования – определить институциональную роль меценатства в условиях нового политического контекста и предложить модель его интеграции в современную государственную культурную политику. Методологическую основу составляют историко-культурологический анализ, институциональный подход и концептуальный анализ. Обосновывается положение о том, что современное российское меценатство следует рассматривать не только как разновидность благотворительной деятельности, но и как самостоятельный общественный институт, способный участвовать в реализации государственной культурной политики. На основе анализа действующей нормативно-правовой базы выявлены институциональные ограничения современного российского меценатства. Автор приходит к выводу, что дальнейшее развитие меценатства в России требует перехода от отдельных частных инициатив к формированию комплексной модели, обеспечивающей взаимодействие государственных и частных структур. В качестве альтернативы предлагается концепция «институционального меценатства» – модели взаимодействия государства, профессионального сообщества и независимых инвесторов, направленной на системную поддержку и развитие культуры страны.

Ключевые слова: меценатство, культурный суверенитет, культурная политика, благотворительность, современная российская политика, санкции, институциональное меценатство

PATRONAGE AND CULTURAL SOVEREIGNTY: THE INSTITUTIONAL ROLE OF PRIVATE SUPPORT FOR CULTURE IN CONTEMPORARY RUSSIA

Abstract. This article examines patronage as an institutional phenomenon within the contemporary cultural policy of the Russian Federation. The relevance of this topic stems from significant changes in state cultural policy after 2022, related both to the strengthening of cultural sovereignty and to changes in cultural financing. The aim of the study is to determine the institutional role of patronage in the new political context and propose a model for its integration into contemporary state cultural policy. The methodological basis is based on a historical and cultural analysis, an institutional approach, and a conceptual analysis. The article argues that contemporary Russian patronage should be viewed not only as a form of charitable activity but also as an independent public institution capable of participating in the implementation of state cultural policy. An analysis of the current legal framework identifies institutional limitations of contemporary Russian patronage. The author concludes that the further development of patronage in Russia requires a transition from isolated private initiatives to the development of a comprehensive model that ensures interaction between public and private entities. As an

alternative, the concept of «institutional patronage» is proposed a model of interaction between the state, the professional community, and independent investors aimed at systemic support and development of the country's culture.

Keywords: patronage, cultural sovereignty, cultural policy, philanthropy, contemporary Russian politics, sanctions, institutional patronage

Введение

В последние годы вопросы развития культуры приобрели особое значение в системе государственной политики Российской Федерации. Необходимость сохранения национальной идентичности в условиях стремительных внешнеполитических изменений обусловила усиление внимания государства к вопросам культурного суверенитета. Данные приоритеты нашли отражение в обновленных нормативных документах, определяющих стратегические направления государственной культурной политики: Указе Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [18] и Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года [16]. Одновременно с этим перед государством возникает задача формирования современной культурной среды, способной обеспечить сохранение культурного многообразия: Российская Федерация является многонациональным государством, на территории которого проживает более 190 народов и этнических групп, обладающих собственным культурным наследием. В подобной ситуации механизмы бюджетного финансирования оказываются недостаточными для полноценного развития современной культуры.

Традиция меценатства имеет особенное значение для истории отечественной культуры. Значительная часть известных художественных собраний, образовательных учреждений и пр. появилась благодаря деятельности выдающихся представителей российского предпринимательства второй половины XIX – начала XX века. Несмотря на это, системообразующий потенциал современного российского меценатства до сих пор не был в полной мере осознан представителями общественно-политической и научной сферы. Рассмотрение меценатской деятельности преимущественно как разновидности благотворительности существенно ограничивает понимание общественной значимости меценатства, нивелируя его значение как самостоятельного института культурной политики.

Особую актуальность вопрос о переосмыслении практики меценатства приобретает в условиях современной культурной политики Российской Федерации, ориентированной на укрепление культурного суверенитета и сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей. Нормы и понятия о меценатстве закреплены в Федеральном законе «О меценатской деятельности»; вместе с тем, действующая правовая система не создает реальных условий для функционирования меценатства как институциональной структуры. Меценатская деятельность в современной России существует преимущественно в области частных инициатив отдельных лиц или организаций, что выявляет противоречие между актуальными задачами государственной культурной политики и пробелами в системно-правовом регулировании этой сферы.

Объектом исследования является современное российское меценатство как институциональная структура.

Предмет исследования – роль института меценатства в реализации задач государственной культурной политики, направленной на формирование культурного суверенитета России.

Цель исследования заключается в определении институциональной роли современного российского меценатства в условиях укрепления культурного суверенитета Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- проследить историческую эволюцию института меценатства в России;

- проанализировать современные изменения государственной культурной политики;
- исследовать действующее законодательство в сфере меценатской деятельности;
- определить особенности современных частных культурных институций;
- выявить институциональные ограничения развития российского меценатства;
- сформулировать направления совершенствования института меценатства как механизма формирования современной культурной среды.

Гипотеза исследования состоит в том, что в современных условиях институт меценатства приобретает новую общественную функцию, выходящую за рамки благотворительной деятельности. Его дальнейшее развитие способно стать одним из механизмов формирования современной культурной среды и, как следствие, способом реализации целей государственной культурной политики в условиях укрепления культурного суверенитета Российской Федерации.

Степень научной разработанности проблемы. Историко-культурологический аспект русского меценатства подробно освещён в исследовании А. Н. Боханова [2], посвящённом коллекционерам и меценатам дореволюционной России, а также в диссертационном исследовании Т. В. Гордеевой [4], рассматривающей меценатство как самостоятельный социокультурный феномен. Различным аспектам меценатской деятельности посвящены статьи А. В. Арнаутовой [1], И. А. Левченко и В. Г. Торосяна [6]. Теоретико-методологические основания анализа культуры как сферы управления изложены в работе Г. Л. Тульчинского и Е. Л. Шековой [11]. Проблематика государственной культурной политики раскрыта в работах А. Я. Флиера [12], предложившего теоретико-методологическую модель культурологического анализа, и А. В. Костиной [5], исследующей теоретические проблемы современной культурологии применительно к управлению культурными процессами. Вместе с тем необходимо констатировать, что меценатство в существующей литературе рассматривается либо в историческом ключе – как феномен дореволюционной России, либо в узкоюридическом и налоговом аспекте, либо как разновидность корпоративной социальной ответственности бизнеса. Работы, посвящённые собственно институциональному анализу современного российского меценатства как самостоятельного элемента государственной культурной политики постсанкционного периода, в отечественной науке практически отсутствуют.

Научная новизна исследования состоит в рассмотрении меценатства как одного из ключевых институтов воспроизводства российской культурной среды в условиях смены политической парадигмы после 2022 года. Впервые проанализирована трансформация меценатства в России в данный период, обоснована его функция в рамках новейшей культурной политики, а также предложена модель институционального взаимодействия в сфере финансирования культуры.

Методология исследования. Историко-культурологический анализ применяется для реконструкции эволюции института меценатства в России XIX - XXI веков и выявления его устойчивых функциональных характеристик. Институциональный подход, опирающийся на концепцию Д. Норта, используется для анализа меценатства как организационного поля, включающего формальные (правовые) и неформальные (ценностные) регуляторы взаимодействия государства, бизнеса и культурного сообщества. Метод концептуального анализа применяется для введения и операционализации нового понятия «институциональное меценатство». Совокупность указанных методов позволяет соединить историческую ретроспективу, структурный анализ действующих институтов и теоретическое осмысление меценатства как институционального явления.

1. Историческая традиция русского меценатства как основа формирования национальной культурной среды

1.1. Меценатство в России XIX – начале XX века как форма культурной ответственности

Российское меценатство традиционно рассматривается как одна из наиболее ярких страниц истории отечественной культуры. Однако в культурологическом дискурсе оно зачастую описывается через биографии выдающихся благотворителей или перечень созданных ими художественных коллекций. Подобная перспектива, безусловно, позволяет реконструировать масштаб их вклада в развитие искусства, но практически не объясняет, почему именно во второй половине XIX – начале XX века меценатство стало одним из ключевых факторов формирования национальной культурной среды. Под культурной средой, при этом, следует понимать материально-пространственную форму человеческого существования, выстраиваемую согласно социальным договоренностям [12, с. 25-26].

Представляется, что феномен русского меценатства следует рассматривать значительно шире, чем совокупность частных благотворительных практик. Его историческая роль заключалась не только в финансовой поддержке художников, но прежде всего в создании новых культурных институций, определивших дальнейшее развитие отечественного искусства. Благодаря деятельности выдающихся меценатов возникают публичные художественные собрания, частные театры, издательства, художественные мастерские, образовательные учреждения и выставочные объединения, которые постепенно формируют автономное культурное поле Российской империи.

Особую роль в этом процессе сыграли представители купеческих династий – Морозовы, Щукины, Бахрушины, Найденовы, Солдатенковы и многие другие. Их деятельность не ограничивалась пожертвованиями или приобретением произведений искусства. Выдающиеся меценаты дореволюционной России исходили, прежде всего, из осознания общественной значимости своей роли как покровителей искусства и образования. Действуя как полноценный субъект культурной политики, российское меценатство формировало собственное культурное поле, внутри которого происходило развитие отечественного искусства.

Ярким примером осознания своей социокультурной миссии является деятельность российского предпринимателя и коллекционера искусства Павла Михайловича Третьякова. Как коллекционер Третьяков руководствовался не только личными интересами, но и стремлением создать общедоступный национальный музей русского искусства. На сегодняшний день Третьяковская галерея является не просто художественным собранием, но важнейшим пространством сохранения и репрезентации традиций отечественного изобразительного искусства. В этом отношении схожей является роль Саввы Ивановича Мамонтова: сложившийся благодаря его покровительству Абрамцевский художественный кружок стал благоприятной творческой средой, внутри которой происходили художественные поиски, формируя, тем самым, направления развития русского искусства. Коллекция произведений современного европейского искусства Сергея Ивановича Щукина познакомила российское общество с западными художественными тенденциями, оказав, тем самым, влияние на становление отечественного авангарда.

Таким образом, меценатство дореволюционной России невозможно рассматривать как проявление личного интереса или благотворительности. Меценатская деятельность представляла собой форму культурной ответственности предпринимательского сословия, которое воспринимало свое покровительство искусствам как важнейшую общественную миссию. Подобное понимание своей роли базировалось, прежде всего, на осознании культуры как значимой составляющей развития государства. Показательно, что многие частные коллекции (например, коллекция Алексея Александровича Бахрушина – основателя известного театрального музея) впоследствии были переданы государству, став общественным достоянием. Подобная практика интересна с культурологической точки зрения: она демонстрирует, что направление национальной культурной политики может успешно формироваться не только благодаря государственному регулированию, но и через общественные инициативы. Развитие культуры Российской империи рубежа XIX–XX веков обеспечивалось во многом взаимодействием

государства и общества: государство задавало общее направление, в то время как деятельность меценатов обеспечивала условия развития художественной деятельности.

Важную роль в функционировании отечественного меценатства играли существовавшие институты. Значимым социальным институтом являлись купеческие гильдии, деятельность которых, в том числе, оказывала влияние на формирование норм корпоративной этики отечественного предпринимательства. Поощрение общественно полезных инициатив со стороны государства состояло из общественного признания и налоговых преимуществ. Все это способствовало тому, что в конце XIX – начале XX веков меценатство превратилось в часть культуры российского предпринимательства.

Осмысление исторического опыта отечественного меценатства представляется особенно важным в современной российской культурно-политической ситуации. Анализ практики дореволюционного меценатства наглядно демонстрирует эффективность развития культуры благодаря привлечению возможностей частных инвесторов. Кроме того, он показывает значимость формирования общественного запроса на участие в культурной жизни страны, а также необходимость институциональных механизмов, позволяющих полноценно интегрировать частные инициативы в культурную политику государства.

Революция 1917 года радикально изменила структуру культурной жизни страны. Ликвидация предпринимательского сословия привела к исчезновению русского меценатства в его классическом понимании. Финансирование и организация сферы культуры теперь становились прерогативой государственной политики. Однако традиция общественного участия в развитии искусства не исчезла: ранний советский период породил уникальные формы взаимодействия, позволяющие по-новому взглянуть на проблему культурного воспроизводства.

1.2. Государственная монополия на культуру: опыт раннего советского периода

Ликвидация частной собственности означала исчезновение экономической основы осуществления меценатской деятельности в ее традиционном понимании. Сложившаяся система поддержки искусств исчезла вместе с сословием русских предпринимателей. Вместе с тем, первые послереволюционные годы ознаменовались необычайно интенсивными поисками в сфере культуры и искусства. Советское государство, несмотря на тяжелейшее экономическое положение страны, инвестирует значительные средства в создание новых культурных институций: возникают ВХУТЕМАС, ИНХУК, ГИНХУК, активно развивается деятельность Наркомпроса, создаются различные художественные объединения. Фактически, государство попыталось заменить собой исчезнувший институт меценатства, став единственным заказчиком и организатором культурного процесса. Этот период ознаменован появлением художественных школ, оказавших колоссальное влияние на мировую культуру XX века. Русский авангард, конструктивизм, новые подходы к архитектуре, дизайну, сценографии и художественному образованию становятся результатом концентрации интеллектуальных и организационных ресурсов внутри вновь создаваемых государственных институций. Этот исторический опыт демонстрирует, что целенаправленная культурная политика способна стать мощным стимулом художественного развития.

Однако подобная модель оказалась эффективной лишь на первоначальном этапе. Уже к концу 1920-х годов усиливающаяся идеологизация культуры приводит к постепенному сокращению художественного плюрализма. Исчезают независимые художественные объединения, ограничивается свобода творческого поиска, а государство становится единственным субъектом легитимации культурных практик. В результате культурное поле утрачивает внутреннее разнообразие, которое, по мысли французского социолога Пьера Бурдьё, является необходимым условием его устойчивого развития [3]. Там, где исчезает возможность диалога различных художественных традиций, культура постепенно теряет способность к внутреннему обновлению. С этой точки зрения культурная монополия ограничивает возможности появления новых художественных практик, что неизбежно ведет к стагнации в сфере культуры.

Исторический опыт демонстрирует, что развитие культуры в долгосрочной перспективе не может быть обеспечено исключительно частной или исключительно государственной моделью организации. Русское меценатство XIX – начала XX веков обеспечивало многообразие художественных поисков, однако не решало задачу стратегического целеполагания. Напротив, советская модель монополизации в сфере культуры обеспечивала концентрацию ресурсов, однако способствовала постепенной утрате культурного разнообразия, что неизбежно вело к стагнации культурной жизни.

Анализ исторического опыта отечественного меценатства приобретает особую значимость в современных российских политических и социокультурных реалиях. Сегодня меценатство снова может обрести значение одного из ключевых факторов, формирующих национальную культурную среду – однако уже в иной институциональной форме.

2. Современное меценатство в системе государственной культурной политики России

2.1. Культурный суверенитет как новая парадигма государственной культурной политики

Культурный суверенитет является одним из важнейших условий осуществления политики государства в сфере культуры. По определению С. Ф. Черняховского, культурный суверенитет включает в себя право страны и ее граждан руководствоваться привычными для себя ценностями и нормами, противодействовать разрушительному информационному воздействию, а также обязанность государства не допускать использования сферы культуры в деструктивных для страны целях [13, с. 20-23]. Понятие культурного суверенитета закреплено Указом Президента Российской Федерации от 25 января 2023 года №35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808». Согласно новой редакции Основ государственной культурной политики, культурный суверенитет определяется как «совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [17]. С этой точки зрения, меценатство может стать эффективным инструментом утверждения приоритетов государственной политики в сфере культуры.

Распад советской системы государственного монополизма в сфере культуры сопровождался постепенным возвращением частной инициативы в культурное пространство России. Уже в 1990-е годы появляются первые культурные проекты, финансируемые частными предпринимателями. В отличие от дореволюционной России, современное российское меценатство формировалось в принципиально иных институциональных условиях. Историческое русское меценатство развивалось как общественный институт, встроенный в систему взаимодействия государства и предпринимательского сословия. Современное же меценатство складывается преимущественно как совокупность индивидуальных инициатив, практически не объединенных общей институциональной логикой.

Принятый в 2014 году Федеральный закон № 327-ФЗ «О меценатской деятельности» [19] стал важным этапом нормативного оформления данной сферы. Вместе с тем его содержание свидетельствует о преобладании юридического подхода к пониманию меценатства. Закон определяет правовой статус мецената, закрепляет общие формы поддержки культуры и искусства, однако практически не рассматривает меценатство как самостоятельный институт государственной культурной политики. В действующей редакции закона отсутствуют механизмы долгосрочного стимулирования меценатской активности, недостаточно разработаны меры вовлечения малого и среднего бизнеса в культурные проекты, а сама деятельность меценатов не интегрирована в реализацию стратегических задач культурного развития. Так, статья 7 закона, закрепляющая права органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере меценатской деятельности

(право осуществлять меры экономической поддержки меценатов, присуждать им награды и почётные звания, размещать информационные надписи с именами меценатов на зданиях) формулирует перечисленные полномочия как право, а не обязанность региональных и муниципальных органов, что делает их применение факультативным и фактически отдаёт вопрос реальной поддержки меценатов на усмотрение конкретного региона. В статье 8, регулирующей государственные гарантии стимулирования меценатской деятельности, закон ограничивается формулировкой о «мерах экономической поддержки ... в соответствии с законодательством Российской Федерации», не создавая нового налогового механизма, а лишь отсылая к уже существующим финансово-правовым нормам. Таким образом, ФЗ-327 не вводит специального льготного режима, отличающего меценатскую поддержку от обычного пожертвования, и фактически декларирует стимулирование, не подкрепляя его самостоятельным финансовым инструментом.

Показательным в этом отношении является сравнение с опытом зарубежного регулирования. К примеру, французский закон о меценатстве (*loi Aillagon* от 1 августа 2003 года) закрепляет практику льготного налогообложения для субъектов, оказывающих финансовую поддержку в сфере культуры. Для юридических лиц налоговая скидка по налогу на прибыль составляет 60 % от суммы пожертвования (но не более 0,5 % от годового оборота компании); для физических лиц установлена налоговая скидка на подоходный налог в размере 66 % пожертвования (но не более 20 % от персонального дохода) [22]. Таким образом, в отличие от ФЗ-327, французский закон ясно определяет размер налоговой выгоды мецената.

Показательно, что в современной России наиболее заметными субъектами меценатской деятельности становятся крупные частные корпорации и отдельные предприниматели, благодаря содействию которых создаются новые выставочные пространства, образовательные проекты и пр. В числе наиболее известных примеров – Музей современного искусства «Гараж», основанный в 2008 году по инициативе инвесторов Дарьи Жуковой и Романа Абрамовича. Деятельность музея поддерживается основанным Дарьей Жуковой фондом «Айрис» – частной некоммерческой организацией, миссией которой является продвижение и поддержка развития современной культуры [15]. За годы своего существования «Гараж» обрел статус одного из самых известных российских музеев современного искусства. Были реализованы десятки выставок всемирно известных художников – Марины Абрамович, Марка Ротко, Виктора Пивоварова и др.; впервые в России были осуществлены ретроспективы таких художников, как Урс Фишер и Яёй Кусама.

Другим примером является деятельность V–A–C – некоммерческого фонда, основанного в 2009 году бизнесменом Леонидом Михельсоном. Фонд занимается развитием и популяризацией современной отечественной культуры через выставочную, просветительскую и издательскую деятельность. В 2014–2015 годах дочернее предприятие принадлежащей Михельсону группы компаний «Новатэк» за 1,7 миллиарда рублей приобрело здание бывшей электростанции ГЭС-2 на Болотной набережной в Москве, признанное объектом культурного наследия регионального значения [14]. Здание было реконструировано на средства инвесторов, и в декабре 2021 года в нем была открыта площадка фонда V–A–C – «Дом культуры «ГЭС-2», которая за несколько лет своего существования успела стать одним из самых известных культурных пространств современной Москвы.

Старейшим действующим частным фондом поддержки искусства и образования является основанный в 1999 году фонд предпринимателя Владимира Потанина, осуществляющий поддержку через конкурсные гранты и экспертную помощь. Так, например, одна из программ фонда – «Музей без границ» – направлена на внедрение современных практик в музейное дело и превращение музеев в полноценные культурные центры. В рамках программы осуществляется грантовая поддержка, проходят различные конкурсы проектов [20].

Подобные инициативы отечественных предпринимателей, безусловно, обладают высокой общественной значимостью, расширяя возможности для развития культуры страны. Вместе с тем, в настоящее время эти проекты существуют преимущественно как автономные культурные явления, отражающие интересы и предпочтения их основателей. Механизмы координации, которые бы способствовали реализации единого направления государственной культурной политики, между этими инициативами практически отсутствуют. Показательно также, что деятельность современных меценатов сосредоточена главным образом на создании собственных культурных экосистем, внутри которых они самостоятельно определяют концепцию художественного развития, в то время как русское меценатство XIX века было направлено на поддержку действующего художественного сообщества. Таким образом, хотя практика современного российского меценатства и способствует развитию отечественной культурной среды, отсутствие институционального регулирования, которое бы обеспечило включение данных инициатив в контекст общенациональной культурной политики, превращает эти проекты в отдельные фрагментарные культурные явления, значительно снижая их стратегическое значение для развития культуры страны.

2.2. Меценатство в России после 2022 года: новые вызовы

Особенно остро эта тенденция проявилась в России последние годы. Рост благотворительной активности после 2022 года обусловлен усилением национально-патриотических настроений в обществе и явным общественным запросом на соответствующие проекты в сфере искусства. Показательно, что значительная часть подобных инициатив реализуется автономно от существующей системы культурной политики. Это обстоятельство свидетельствует о готовности общества принимать активное участие в культурной жизни страны. Однако отсутствие механизмов институционального регулирования не позволяет в полной мере реализовать этот потенциал общественной поддержки.

Противоречия современной российской культурной политики нашли отражение в Стратегии государственной культурной политики до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 11 сентября 2024 года № 2501-р [16]. Стратегия развивает положения «Основ государственной культурной политики» (Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808) и формулирует стратегические цели сохранения и укрепления культурного суверенитета Российской Федерации. В тексте прямо декларируется создание и развитие механизмов финансовой поддержки культурных проектов – в том числе, за счет привлечения внебюджетных средств: развития государственно-частного партнерства, стимулирования благотворительной деятельности и меценатства. Вместе с тем детальный анализ положений Стратегии демонстрирует, что поставленные цели многоканального финансирования не подкреплены созданием соответствующих практических инструментов. Так, документ не указывает институцию, которая отвечала бы за координацию взаимодействия государства, частных инвесторов и профессионального сообщества. Положения Стратегии о привлечении внебюджетных средств не подкреплены изменениями налогового законодательства. Наконец, не предусматривается создания механизма экспертного отбора проектов. Таким образом, хотя документ и формулирует стратегически верные задачи, институциональное и нормативное регулирование, необходимое для их полноценной реализации, по-прежнему отсутствует.

Современное российское меценатство, таким образом, находится в переходной фазе: очевидно высокий потенциал самоорганизации и общественный запрос на выражение новых культурных смыслов сочетается с отсутствием институциональной инфраструктуры, что существенно ограничивает возможности меценатской деятельности как инструмента государственной культурной политики. Подобное противоречие свидетельствует о необходимости теоретического осмысления новой роли меценатства как самостоятельного института, обеспечивающего реализацию стратегических целей Российской Федерации в области культуры. Ответом на новые вызовы должна стать разработка

принципиально иной культурологической модели функционирования меценатства. Консолидация общественных настроений и стратегических целей национального развития возможна посредством развития сферы культуры. С этой точки зрения, меценатство как институциональный инструмент культурной политики может стать связующим звеном между государственными приоритетами и творческой инициативой российского общества.

Современный этап российской истории требует переосмысления представлений о меценатской деятельности. Сегодня меценатство следует рассматривать шире, чем просто форму финансовой поддержки культурных инициатив: это общественный институт, обладающий значительным потенциалом производства культурной среды. Эта идея положена в основу концепции институционального меценатства, рассмотренной далее в настоящем исследовании.

3. Меценатство как механизм институционального внедрения государственной культурной политики

3.1. Меценатство в современной России: новая культурологическая миссия

Рассмотрение истории меценатской деятельности в России и анализ актуальной нормативно-правовой базы позволяет утверждать, что современное российское меценатство находится на стадии переосмысления собственной общественной миссии. Исторически значение русского меценатства никогда не сводилось к финансовой поддержке отдельных художественных инициатив. Деятельность выдающихся представителей отечественного предпринимательства была направлена, прежде всего, на институциональное формирование культурной среды. Эта функция меценатства актуализируется в условиях культурной ситуации современной России. Сегодня государство задает стратегические направления развития, однако полноценное культурное производство не может быть осуществлено только силами и средствами государственного регулятора. Культура как явление материальной и духовной жизни человека рождается в пространстве свободной коммуникации. Так, отечественный литературовед и культуролог Ю. М. Лотман рассматривал культуру как открытую семиотическую систему, смыслопорождение внутри которой осуществляется в процессе непрерывного диалога разных культурных традиций [7]. Прекращение диалога ведет к воспроизводству существующих форм, и, как следствие, неизбежной стагнации в развитии.

Это обстоятельство приобретает особую актуальность в рамках современной российской культурной политики, которая последовательно усиливает внимание к сохранению исторической памяти и традиционных духовно-нравственных ценностей. Вместе с тем, сохранение культурной памяти невозможно исключительно посредством сохранения исторических памятников. Как отмечает французский историк Пьер Нора, культурная память существует до тех пор, пока она переживается и осмысливается обществом [9, с. 19-20]. Следовательно, сохранение культурного наследия неизбежно требует создания современной культуры, способной говорить с обществом на языке своего времени.

Именно в этом заключается культурологическая миссия современного меценатства. Его задача состоит не только в материальной поддержке культурных учреждений, но и в создании условий для возникновения новых художественных практик, способных интерпретировать исторический опыт России средствами современного искусства. Речь идет не о замене государственной культурной политики частной инициативой, а о формировании устойчивого партнерства государства и общества в сфере производства культуры.

3.2. Институциональное меценатство: определение и механизм взаимодействия

В этой связи представляется целесообразным введение в научный оборот понятия институционального меценатства. Под институциональным меценатством предлагается понимать форму организации взаимодействия государства, профессионального экспертного сообщества и частных

меценатов, направленную на развитие культурной среды посредством поддержки общественно значимых культурных инициатив.

Ключевым отличием институционального меценатства от государственно-частного партнёрства является форма мотивации и объект финансовой поддержки: если государственно-частное партнёрство строится на коммерческом интересе частного лица к объекту инфраструктуры, то институциональное меценатство является по своей природе, прежде всего, ценностно-мотивированным. Отличие от целевого финансирования заключается в проектной, а не институциональной системе поддержки. От грантовой системы институциональное меценатство отличает наличие единого координирующего субъекта и обязательной независимой экспертной оценки проектов. Принципиальное отличие заключается также в сохранении свободы меценатской деятельности. Частный меценат полностью сохраняет право самостоятельно распоряжаться собственными средствами, поддерживая те культурные проекты, которые соответствуют художественным предпочтениям или общественной позиции. Государство не должно определять направления использования частного капитала, поскольку свобода культурной инициативы составляет одну из важнейших основ развития искусства. Таким образом, сочетание добровольности участия, обязательности экспертной оценки и наличия единого координирующего института должно составлять основу институционального меценатства как самостоятельной формы финансовой поддержки в сфере культуры.

Иной подход предлагается в отношении государственных грантов, выделяемых на развитие культуры. Представляется целесообразным создание специализированного государственного Института меценатства, основной задачей которого станет организация открытых конкурсных процедур поддержки культурных проектов.

Предлагаемая модель находит подтверждение в зарубежном опыте организации государственной поддержки культуры через независимые экспертные институты. В частности, подобный принцип реализован в британской модели английского Совета по делам искусств (Arts Council England) – исполнительного органа, действующего в большой степени автономно по отношению к Министерству культуры, медиа и спорта Великобритании [21]. Министерство определяет общие стратегические приоритеты и объём финансирования, однако не участвует в принятии решений о конкретных получателях государственной поддержки: эти решения относятся к исключительной компетенции экспертных советов и профильных комитетов Совета.

Подобное функциональное разделение может быть реализовано и в российском культурном сегменте. Подобная модель предполагает, что за государством остается функция стратегического целеполагания и решение об объёмах финансовой поддержки; при этом оценка художественной и общественной значимости конкретных проектов становится зоной ответственности независимого совета. Именно экспертный совет, состоящий из специалистов в области культурологии, искусствоведения, музейного дела и пр. является ключевым элементом этой системы. После прохождения этапов экспертного отбора и определения объемов госфинансирования проекты получают возможность реализации: частные меценаты могут добровольно присоединиться к финансированию одобренных проектов. Таким образом, подобная модель, действуя в рамках стратегических приоритетов государственной культурной политики, предполагает сохранение свободы инициативы частных инвесторов.

Особенную эффективность подобная модель может продемонстрировать в сфере развития региональных культурных инициатив, которые часто оказываются более чувствительны к запросам общества, и, вместе с тем, испытывают наибольшие сложности с финансированием. В рамках региональной культурной политики институциональное меценатство может стать важнейшим механизмом поддержки проектов, реализуя одну из задач государственного уровня – сохранение

культурного многообразия как одной из важнейших составляющих культурного суверенитета Российской Федерации.

Предлагаемая модель не предполагает усиления государственного контроля над культурой. Напротив, ее задача состоит в создании условий для полноценного участия общества в развитии национальной культуры. Государство определяет стратегические ценностные ориентиры, экспертное сообщество обеспечивает профессиональную оценку проектов, а меценаты получают возможность стать полноправными участниками культурного развития страны. Таким образом, институциональное меценатство следует рассматривать как механизм согласования общественной инициативы, профессиональной экспертизы и государственной культурной политики. Подобная модель способна обеспечить устойчивое воспроизводство современной культурной среды и превратить меценатство из формы благотворительности в полноценный институт культурного развития Российской Федерации.

Заключение

Основные результаты проведенного исследования состоят в следующем:

- Выявлена специфика трансформации меценатства в России в период 2022–2025 гг., связанная с усилением государственного запроса на увеличение числа инициатив национально-патриотической направленности в сфере культуры при отсутствии механизмов согласованного государственного регулирования.
- Предложена модель институционального меценатства – формы комплексного взаимодействия государства, профессионального экспертного сообщества и частных меценатов, направленная на развитие культурной среды.
- Предложена концепция Института меценатства с независимым экспертным советом – модели институционального регулирования в сфере меценатской деятельности.

В последние годы российское меценатство находится на этапе переосмысления своей культурной роли. Современная государственная политика, ориентированная на укрепление культурного суверенитета, значительно расширяет представления о меценатстве как форме поддержки культурной деятельности. С этой точки зрения его значение определяется не объемом пожертвований, а способностью к институциональному регулированию и развитию культурной сферы.

Ретроспективный анализ российского меценатства демонстрирует, что институциональный характер был исторически присущ отечественной меценатской традиции. Деятельность выдающихся меценатов была направлена, прежде всего, на комплексное формирование среды, внутри которой происходило развитие искусства и культуры. Опыт раннего советского периода указывает на возможности и ограничения государственной монополии в сфере культурного развития: несмотря на активное развитие культуры страны при государственной поддержке, дальнейшая монополизация культурного регулирования привела к нивелированию многообразия творческих практик. Современные политические и социальные вызовы обуславливают необходимость поиска новой модели взаимодействия российского государства и общества. Анализ нормативно-правовых документов выявляет противоречие между декларируемыми целями государственной культурной политики – в частности, создания системы многоканального финансирования культурных проектов – и отсутствием новых законодательных механизмов стимулирования меценатской деятельности. Таким образом, государство определяет вектор культурного развития, однако его полноценная реализация невозможна без концептуального осмысления ее задач профессиональным культурным сообществом.

Концепция институционального меценатства, предложенная в данном исследовании, исходит из представлений о меценатстве как о полноценном институте государственной культурной политики. Принципиальным отличием предложенной модели является разграничение частной и государственной ответственности: меценаты сохраняют свободу в выборе объектов своей поддержки, а распределение

средств государственного финансирования осуществляется специализированным органом – Институтом меценатства с участием независимого экспертного совета. Подобная модель взаимодействия позволяет интегрировать стратегические задачи государственной политики, экспертную оценку профессионального сообщества и инициативу частных инвесторов.

В условиях современной российской политики в сфере культуры меценатство способно стать эффективным институциональным механизмом объединения государственных целей и общественных интересов. С этой точки зрения актуализация традиций русского меценатства представляется одним из важнейших направлений государственной культурной политики, способным обеспечить сохранение культурного суверенитета Российской Федерации в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Арнаутова А.В. Культурно-исторические традиции меценатства и благотворительности в России // Ломоносов: сборник статей IX Международного конкурса молодых ученых. – Пенза: МЦНС «Наука и образование». 2024. С.99-103.
2. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989. 188 с.
3. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
4. Гордеева Т.В. Меценатство как социокультурный феномен: сущность и современное состояние. Дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Теория и история культуры. Москва, 2006. 132 с.
5. Костина А.В. Теоретические проблемы современной культурологии. М.: УРСС, 2009. 288 с.
6. Левченко И.А., Торосян В.Г. Меценатство как элемент культурной политики // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 1 (76). С. 112-117.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. С.-Петербург: «Искусство-СПб», 2000. – 704 с.
8. Меценатство 2.0: создание безбарьерной правовой среды // Московский юридический форум [Электронный ресурс]. URL: <https://moslegforum.ru/programs/-metsenatstvo-2-0-sozdanie-bezbarerno->
9. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
11. Тульчинский Г. Л., Шекова Е. Л. Менеджмент в сфере культуры: Учебное пособие. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство «Лань»; «Издательство ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2009. 528 с.
12. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М.: Академический проект, 2000. 458 с.
13. Черняховский С. Ф. Политическая культура: государственная политика и философия будущего: монография / С. Ф. Черняховский, отв. ред. С. Ф. Черняховский; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. М.: Институт Наследия, 2019. 254 с.
14. Историческая ГЭС-2 в центре Москвы прекратит работу в этом году // Сетевое издание «Интерфакс.ру» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/442502> дата публикации: 19.05.2015 (дата обращения: 13.07.2026).
15. О Музее современного искусства «Гараж» // Музей современного искусства «Гараж»: оф. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://garagemca.org/about> (дата обращения: 13.07.2026).
16. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 11.09.2024 № 2505-р. // Консорциум кодекс: электронный фонд актуальных правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1307324530?ysclid=mrl18effyc982090646> (дата обращения: 13.07.2026).

17. Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 года №35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» // NPALIB.RU: электронная библиотека правовых документов [Электронный ресурс]. URL: <https://npalib.ru/2023/01/25/ukaz-35-id342970/?ysclid=mrl1dsivf0867984200> (дата обращения: 13.07.2026).

18. Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022. // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S&ysclid=mrl13i04dx897147100> (дата обращения: 13.07.2026).

19. Федеральный закон № 327-ФЗ «О меценатской деятельности» от 04.11.2014 // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38994?ysclid=mrl0xptw8t817202647> (дата обращения: 13.07.2026).

20. Фонд Потанина. Музей без границ // Благотворительный фонд В. Потанина [Электронный ресурс]. URL: <https://fondpotanin.ru/activity/museum-without-borders/> (дата обращения: 13.07.2026).

21. Arts Council England: website. URL: www.artscouncil.org.uk (дата обращения: 13.07.2026).

22. Loi n° 2003-709 du 1er août 2003 relative au mécénat, aux associations et aux fondations. // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000791289&categorieLien=id> (дата обращения: 13.07.2026).

Городецкий Д.А.

студент

ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»

Gorodetskiy D.A.

Student

Taganrog Institute of Management and Economics

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕГИОНАЛЬНОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

Аннотация. В данной статье детально проводится анализ конституционно-правового статуса регионального уполномоченного по правам человека как института, интегрированного в отечественную систему защиты прав граждан. Также, в статье исследуются некоторые правовые основы деятельности омбудсмана, его функциональное назначение в субъектах Российской Федерации (РФ), а также специфика взаимодействия с федеральным уполномоченным, органами власти и институтами гражданского общества. Отдельного внимания заслуживает оценка роли регионального омбудсмана в обеспечении баланса публичных интересов и прав личности. Проводится анализ механизмов восстановления нарушенных прав, а также проблемных аспектов, связанных с отсутствием единого законодательного стандарта и нечеткой выраженности отдельных полномочий. Автор обосновывает вывод о том, что региональный уполномоченный выступает в качестве ключевого звена в вертикали правозащитной деятельности, дополняя государственные механизмы, но сохраняя при этом независимый, внесудебный характер. В заключении формулируются предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования статуса и усилению гарантий его деятельности в целях повышения эффективности защиты прав и свобод граждан на региональном уровне.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус, региональный уполномоченный, права человека, права и свободы граждан, омбудсмен, защита прав, субъект Федерации.

THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE REGIONAL HUMAN RIGHTS COMMISSIONER AND HIS ROLE IN ENSURING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS

Abstract. This article provides a detailed analysis of the constitutional and legal status of the regional human rights ombudsman as an institution integrated into the domestic system for protecting citizens' rights. The article also examines certain legal foundations of the ombudsman's activities, their functional purpose in the constituent entities of the Russian Federation, as well as the specifics of interaction with the federal ombudsman, government bodies, and civil society institutions. Special attention is paid to assessing the role of the regional ombudsman in ensuring the balance between public interests and individual rights. An analysis is conducted of the mechanisms for restoring violated rights, as well as problematic aspects related to the lack of a unified legislative standard and the unclear delineation of certain powers. The author substantiates the conclusion that the regional ombudsman acts as a key link in the chain of human rights activities, complementing state mechanisms while maintaining an independent, extrajudicial nature. In conclusion, proposals are formulated to improve the regulatory and legal framework governing the status and to strengthen the guarantees of its activities in order to enhance the effectiveness of protecting citizens' rights and freedoms at the regional level.

Keywords: constitutional and legal status, regional commissioner, human rights, rights and freedoms of citizens, ombudsman, protection of rights, subject of the Federation.

Конституционно-правовой статус регионального уполномоченного по правам человека представляет собой совокупность юридических норм, закреплённых в Конституции Российской Федерации, федеральном законодательстве и региональных уставах, определяющих его правовое положение, компетенцию, гарантии независимости, порядок назначения, срок полномочий, а также формы ответственности и взаимодействия с органами публичной власти. Данный статус уникален, так как он сочетает черты государственного института и общественного правозащитного механизма, действующего в пределах конкретного субъекта Федерации.

Цель данного исследования – провести системный анализ правовой природы данного института, выявление его функционального потенциала и оценка эффективности в механизме защиты конституционных прав граждан на региональном уровне, а также определение направлений совершенствования законодательства для усиления его роли.

Ряд авторов, такие как А. М. Беляцкая [1], И. Ф. Валиуллина [2], И. В. Воронцова [5], М. Г. Гаммадов [3], В. В. Игнатенко [4], Т. В. Соловьева [5], определяют конституционно-правовой статус регионального уполномоченного по правам человека, как составляющую правовой системы, которая не входит ни в одну из ветвей власти, оставаясь самостоятельным правозащитным институтом, учреждённым на основании федерального закона и конституций (уставов) регионов. Такого рода правовое положение характеризуется сочетанием независимости от органов исполнительной и законодательной власти с подотчётностью перед населением субъекта [1; 2; 3; 4; 5].

М. Г. Гаммадов указывает на тот факт, что институт Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации (регионального омбудсмана) за четверть века своего существования трансформировался из локальной инициативы отдельных регионов в обязательный элемент региональной государственности [3, с. 5]. Его правовой статус представляет собой сложный симбиоз конституционных принципов федерализма, норм федерального законодательства и региональных уставных актов. Именно такого рода многоуровневость порождает как уникальные инструменты защиты прав граждан, так и фундаментальные законодательные лакуны.

Ключевая роль омбудсмана, по мнению исследователя И. Ф. Валиуллина [2], заключается в оперативном и внесудебном восстановлении нарушенных прав, что особенно значимо для жителей отдалённых территорий, где доступ к федеральным судам ограничен. Региональный уполномоченный выступает как независимый арбитр, рассматривая жалобы на действия (бездействие) местных органов власти, что способствует снижению административного произвола. Он инициирует проверки, участвует в судебных процессах, а также ведёт мониторинг законодательства субъекта, добиваясь отмены нормативных актов, ущемляющих свободы граждан [2, с. 14]. В соответствии с обозначенной ролью стоит отметить, что ключевые элементы вышеуказанного статуса включают: право на беспрепятственный доступ к информации, возможность проведения проверок по жалобам граждан, а также обязательность рассмотрения его представлений и заключений органами власти.

Роль уполномоченного в обеспечении прав и свобод граждан, по мнению ученого в области административного права А. М. Беляцкой [1], раскрывается через несколько направлений. Во-первых, это внесудебная защита, когда гражданин не может эффективно обжаловать действие или бездействие чиновников в административном или судебном порядке. Во-вторых, это мониторинг регионального законодательства на предмет соответствия конституционным стандартам, что позволяет предотвращать принятие нормативных актов, ущемляющих права человека. В-третьих, уполномоченный выступает связующим звеном между обществом и властью, аккумулируя системные проблемы и предлагая законодательные инициативы [1, с. 20-23].

Далее, опишем механизмы восстановления нарушенных прав. В отличие от судебной власти, выносящей императивные решения, или прокуратуры, обладающей властно-распорядительными полномочиями, региональный уполномоченный действует преимущественно методами убеждения и публичного контроля.

Механизм восстановления прав, согласно трактовке В. В. Игнатенко, реализуется через несколько ключевых каналов [4]:

– Мягко-правовое воздействие: основным инструментом является направление государственным органам мотивированных заключений с рекомендациями о приостановке действия неправомерного акта, совершении определенных действий либо об отмене принятого решения. Юридическая природа этих документов – рекомендательная, однако на практике их игнорирование влечет за собой репутационные издержки для чиновников и парламентский контроль со стороны законодательного органа, назначившего омбудсмена.

– Парламентский фильтр: региональный уполномоченный обладает правом законодательной инициативы (в тех субъектах, где это закреплено уставом) или правом обращения в законодательное собрание с докладами о необходимости изменения нормативной базы. В ходе этого, установленный законодательно порядок позволяет устранять не единичные нарушения, а первопричины – дефектные правовые нормы.

– Экстраординарные меры реагирования: в случаях массового или грубого нарушения прав, когда административные каналы оказываются неэффективными, закон наделяет омбудсмена правом обращаться в суд с административным иском в защиту прав неопределенного круга лиц. Кроме того, предусмотрена возможность направления материалов в следственные органы при выявлении признаков преступления [4, с. 16-18].

– Превентивный мониторинг: предусматривает посещение мест принудительного содержания (СИЗО, ИВС), детских домов и интернатов, координация общественных наблюдательных комиссий позволяют купировать нарушения еще до поступления формальных жалоб.

Итак, практическая значимость института проявляется в его способности реагировать на локальные нарушения, которые остаются незамеченными федеральным омбудсменом, а также в профилактике конфликтов через медиативные процедуры. Однако, эффективность деятельности напрямую зависит от объема гарантий независимости, включая финансовую и организационную автономию, а также от уровня доверия граждан, которое формируется через открытость отчетов и публичность решений. Таким образом, региональный уполномоченный, не обладая властными полномочиями, реализует превентивно-восстановительную функцию, укрепляя конституционный принцип уважения прав человека в масштабах отдельного субъекта Федерации.

В подтверждение вышесказанного следует отметить, что публичные ежегодные доклады уполномоченного формируют правовую культуру и побуждают региональные власти к корректировке политики. Кроме того, он выполняет превентивную функцию, распространяя знания о правах человека и консультируя население, что снижает латентность нарушений. В системе сдержек и противовесов омбудсмен становится связующим звеном между гражданским обществом и государством, гарантируя, что интересы личности не будут принесены в жертву ведомственным интересам. Стоит отметить, что его институциональная значимость определяется не столько карательными полномочиями, сколько способностью аккумулировать общественное недовольство в цивилизованные правовые формы, что укрепляет доверие к власти и стабильность правопорядка в регионе.

Анализ указанных механизмов и проблем позволяет сделать вывод о двойственной природе института. С одной стороны, федеральный закон 2020 года встроил региональных омбудсменов в единую систему, возглавляемую федеральным Уполномоченным, создав тем самым иерархическую конструкцию

согласования кандидатур и обмена информацией. С другой стороны, важно подчеркнуть, что данный закон сохранил за региональным защитником статус независимого государственного органа.

Таким образом, региональный уполномоченный выступает ключевым связующим звеном между гражданским обществом и государством именно потому, что он дополняет государственные механизмы, не сливаясь с ними. Он заполняет институциональный разрыв там, где гражданин не может позволить себе дорогостоящего адвоката, а судебная тяжба займет годы. Омбудсмен обеспечивает досудебное, оперативное и бесплатное разрешение конфликта. Сохраняя внесудебный характер, он переводит спор из плоскости юридического противостояния («истец против государства») в плоскость диалога о качестве администрирования. Независимость здесь заключается не в изоляции от системы, а в праве публично указывать системе на ее ошибки, используя политический капитал, делегированный ему региональным парламентом.

Следовательно, для повышения эффективности защиты прав и свобод граждан на региональном уровне необходимо преодолеть фрагментарность правового поля через следующие шаги [1; 5]:

- Разработка Министерством юстиции совместно с Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека типового закона субъекта РФ. Это позволит стандартизировать ключевые процедуры, сохранив регионам право на точечную адаптацию под местную специфику [5].

- Внесение изменений в Кодекс административного судопроизводства РФ, предусматривающих презумпцию обоснованности позиции омбудсмена. Если государственный орган отказывается исполнять заключение уполномоченного, бремя доказывания его необоснованности должно быть полностью переложено на этот орган в суде [1].

- Закрепление в Бюджетном кодексе РФ нормы о том, что смета расходов на содержание аппарата регионального уполномоченного утверждается законом о бюджете субъекта в приоритетном порядке и не может быть уменьшена более чем на индекс инфляции без согласия самого омбудсмена [1].

- Наделение регионального уполномоченного правом прямого внесения представлений прокурору субъекта РФ об устранении нарушений федерального законодательства, выявленных в ходе рассмотрения жалоб на деятельность территориальных органов федеральных ведомств [5].

- Создание единой федеральной цифровой платформы обработки жалоб с обязательной публикацией паспортов ответов государственных органов на запросы омбудсмена. Это исключит практику формальных «отписок» и обеспечит общественный контроль за эффективностью работы всей вертикали [5].

Продолжая анализ, важно уставить, что конституционно-правовой статус регионального уполномоченного определяется не только нормативными актами, но и практикой правоприменения, формирующей устойчивые модели его взаимодействия с исполнительной и законодательной ветвями власти субъекта. В отличие от федерального омбудсмена, региональный институт наделен большей гибкостью в выборе инструментов реагирования, что обусловлено территориальной близостью к источнику нарушения. Его роль в обеспечении прав и свобод граждан выходит за рамки формального рассмотрения жалоб; он выступает катализатором системных изменений, инициируя корректировку региональных нормативных актов, противоречащих конституционным гарантиям. Именно эта превентивная составляющая, а также способность к оперативному вмешательству в административные конфликты, делает омбудсмена незаменимым элементом правозащитной инфраструктуры. Дальнейшее совершенствование его статуса должно идти по пути унификации законодательных основ, расширения полномочий в сфере контроля за деятельностью органов власти и укрепления гарантий независимости, что в совокупности обеспечит более надежную защиту конституционных прав каждого гражданина на региональном уровне.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что конституционно-правовой статус регионального уполномоченного по правам человека базируется на принципах независимости, несменяемости и невведомственности, что позволяет ему действовать не как часть бюрократического аппарата, а как самостоятельный гарант прав граждан в пределах субъекта Федерации. Проведённый анализ показывает, что роль омбудсмана в обеспечении прав и свобод выходит далеко за рамки простого реагирования на индивидуальные жалобы, а особое значение имеет его превентивная деятельность, направленная на предупреждение системных нарушений, что снижает социальную напряжённость. Эффективность вышеозначенного правового института, напрямую зависит от уровня законодательных гарантий, материального обеспечения и общественной поддержки. Перспективным направлением видится усиление его координации с федеральным омбудсменом и расширение компетенций в сфере защиты цифровых прав. В конечном счёте, данный институт укрепляет доверие между властью и обществом, превращая формальные конституционные нормы в реальные инструменты защиты человека.

Литература:

1. Беляцкая А. М. Уполномоченный по правам человека как механизм защиты прав человека и гражданина в России: учебное пособие для вузов / А. М. Беляцкая. – Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2022. – 69 с.
2. Валиуллина И. Ф. Составляющие права на жизнь: доктринальные подходы и трактовка в судебных решениях / И. Ф. Валиуллина // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 3. – С. 12–18.
3. Гаммадов М. Г. Совершенствование деятельности института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / М. Г. Гамаков // Интернаука. – 2019. – № 44-2 (126). – С. 5–6.
4. Игнатенко В. В. Проблемы законодательного регулирования гарантий организации и деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации / В. В. Игнатенко // Академический юридический журнал. – 2019. – № 4 (78). – С. 16–21.
5. Соловьева Т. В., Воронцова И. В. Постановления Европейского суда по правам человека в гражданском процессе / Т. В. Соловьева, И. В. Воронцова. – Москва: Wolters Kluwer Russia, 2010. – 214 с. – ISBN 978-5-466-00453-3.

Городецкий Д.А.

студент

ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»

Gorodetskiy D.A.

Student

Taganrog Institute of Management and Economics

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН РЕГИОНАЛЬНЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В данной статье исследуются правовые механизмы рассмотрения обращений граждан региональными уполномоченными по правам человека. Анализируются нормативные основы, принципы функционирования института, выявляются системные проблемы (недостаточная регламентация сроков, ограниченность мер реагирования, зависимость от исполнительной власти) и предлагаются пути совершенствования: расширение инструментария, внедрение цифровых платформ и унификация процедур. Исследуется нормативно-правовая база, регулирующая порядок принятия и рассмотрения жалоб, раскрываются принципы деятельности института регионального омбудсмена. Выявляются ключевые проблемы, препятствующие эффективной защите прав граждан: отсутствие императивных полномочий омбудсменов, недостаточность организационно-финансового обеспечения, отсутствие единых критериев оценки результативности работы. Предлагаются конкретные правовые и организационные меры по совершенствованию механизмов рассмотрения обращений граждан.

Ключевые слова: региональный уполномоченный, обращения граждан, правовой механизм, защита прав, эффективность, совершенствование правовой защиты, субъект Федерации.

LEGAL MECHANISMS FOR REVIEWING CITIZENS' APPEALS BY REGIONAL HUMAN RIGHTS COMMISSIONERS: PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE THEM

Abstract. This article examines the legal mechanisms for considering citizens' appeals by regional human rights commissioners. The normative foundations and principles of the institution's operation are analysed, systemic problems are identified (insufficient regulation of timeframes, limited response measures, dependence on the executive branch), and ways to improve the system are proposed: expanding the toolkit, introducing digital platforms, and unifying procedures. The regulatory and legal framework governing the procedure for accepting and considering complaints is examined, and the principles of the regional ombudsman institution's operation are revealed. The key problems hindering the effective protection of citizens' rights are identified: the lack of mandatory powers for ombudsmen, insufficient organizational and financial support, and the absence of unified criteria for assessing the effectiveness of work. Specific legal and organizational measures are proposed to improve the mechanisms for considering citizens appeals.

Keywords: regional commissioner, citizens appeals, legal mechanism, protection of rights, effectiveness, improvement of legal protection, subject of the Federation.

Региональный уполномоченный по правам человека – это назначаемое законодательным органом субъекта Российской Федерации должностное лицо, замещающее государственную должность субъекта РФ (определение исследователей Е. А. Бондарева, Е. А. Руднева [1, с. 47]), которое осуществляет

деятельность по рассмотрению жалоб и обращений физических лиц на решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц и организаций, наделённых отдельными государственными или иными публичными полномочиями, действующих на территории соответствующего субъекта Российской Федерации. Деятельность регионального омбудсмана дополняет существующие средства защиты прав и свобод человека, не отменяя и не пересматривая компетенцию других государственных органов.

Целью исследования в рамках данной статьи является комплексный анализ правовых механизмов рассмотрения обращений граждан региональными уполномоченными по правам человека, выявление системных проблем их функционирования и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию данного института в контексте современного развития российского законодательства.

Следует отметить, что для достижения поставленной цели предполагается решение ряда взаимосвязанных задач: изучение нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность региональных омбудсменов; систематизация существующих процедур и принципов работы с обращениями; выявление коллизий и пробелов в правовом регулировании; оценка эффективности применяемых механизмов на основе практического материала.

Правовые механизмы рассмотрения обращений граждан – это установленный федеральным законодательством и законодательством субъекта Российской Федерации порядок приёма, регистрации, проверки, анализа и разрешения жалоб, заявлений и предложений граждан, поступающих к уполномоченному по правам человека, включающий совокупность процессуальных норм, сроков, прав и обязанностей участников правоотношений, а также гарантий объективного и всестороннего рассмотрения обращения. Правовую основу данных механизмов составляют Федеральный закон от 18 марта 2020 года № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» [5], Федеральный закон «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» от 27 декабря 2018 № 501-ФЗ [4] и Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [6]. Механизмы включают обязательную регистрацию обращений, установленные сроки рассмотрения (обычно 30 дней с продлением), право запрашивать информацию у органов власти, проводить проверки, разъяснять гражданам способы защиты. Основные принципы – законность, доступность, беспристрастность, конфиденциальность, гласность результатов.

Принятие Федерального закона № 48-ФЗ в 2020 году стало поворотным моментом в развитии института региональных омбудсменов. До этого момента институт уполномоченных по правам человека формировался исключительно на уровне субъектов Российской Федерации, что приводило к существенным различиям в их статусе, полномочиях и условиях деятельности. Закон № 48-ФЗ установил единые принципы организации деятельности, определил требования к кандидатам, порядок назначения и освобождения от должности, а также закрепил базовые правила рассмотрения обращений.

В исследовании ученого в области конституционного права Б. С. Эбзеева [7], понятие «деятельность регионального уполномоченного» основывается на принципах справедливости, гуманности, законности, гласности, беспристрастности. При осуществлении полномочий омбудсмен независим от каких-либо государственных органов и должностных лиц и неподотчётен им. Эти принципы имеют ключевое значение, поскольку именно они обеспечивают функциональную автономию института и позволяют омбудсмену выступать в роли независимого арбитра между гражданином и государством [7, с. 8].

К числу базовых принципов правового механизма рассмотрения обращений относятся также обязательность принятия обращений к рассмотрению, объективность и всесторонность проверки,

своевременность ответа, право гражданина на получение письменного ответа по существу поставленных вопросов, а также право на обжалование принятого решения.

Порядок рассмотрения обращений, поступающих к региональному омбудсмену, характеризуется двухуровневой структурой: общий порядок, установленный Законом № 59-ФЗ [6], и специальный порядок, предусмотренный Законом № 48-ФЗ [5]:

– Приём обращений. При котором гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин или лицо без гражданства вправе обратиться к уполномоченному с жалобой, предложением или заявлением в письменной форме, в форме электронного документа, а также устно на личном приёме. Особые гарантии установлены для лиц, находящихся в местах принудительного содержания: их обращения не подлежат просмотру администрацией и цензуре и должны быть направлены омбудсмену в течение 24 часов.

– Разграничение общих и специальных жалоб. Предполагается, что общие обращения рассматриваются в порядке, установленном Законом № 59-ФЗ [6]. Специальные жалобы, адресованные омбудсмену, должны соответствовать ряду требований: в них указываются данные заявителя, излагается суть нарушений, прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность жалобы, включая копии документов, связанных с предварительным обжалованием в судебном или административном порядке. Жалоба должна быть подана не позднее одного года со дня нарушения прав или со дня, когда заявителю стало известно о нарушении.

– Установленные сроки рассмотрения. Региональный уполномоченный принимает жалобу к рассмотрению или отказывает в её принятии в течение 15 дней со дня регистрации с обязательным уведомлением заявителя. При проверке обстоятельств, изложенных в жалобе, омбудсмен вправе самостоятельно или совместно с компетентными органами собирать, проверять и анализировать информацию, запрашивать документы и материалы у государственных и муниципальных органов, которые обязаны их предоставить в течение 15 дней [1].

– Определённые законодательно меры реагирования. По результатам рассмотрения жалобы региональный уполномоченный вправе: направить рекомендации государственному или муниципальному органу, должностному лицу относительно мер по восстановлению нарушенных прав; обратиться в суд с административным иском в защиту отдельного гражданина или неопределённого круга лиц; обратиться с ходатайством о возбуждении дисциплинарного производства или уголовного преследования должностных лиц, допустивших нарушение. Органы, получившие рекомендации омбудсмена, обязаны в течение 30 дней рассмотреть их и сообщить о принятых мерах [2].

– Доклады и мониторинг. Ежегодные и специальные доклады уполномоченного направляются в законодательный орган субъекта, высшему должностному лицу региона, федеральному уполномоченному, председателю верховного суда субъекта и прокурору субъекта. Этот механизм обеспечивает информирование власти и общества о состоянии прав человека в регионе [3].

Также, необходимо отметить, что несмотря на создание единой нормативной базы, практика функционирования института региональных уполномоченных по правам человека выявила ряд системных проблем.

1. Отсутствие императивных полномочий. Региональные омбудсмены не наделены властно-распорядительными полномочиями. Их рекомендации носят рекомендательный, а не обязательный характер – органы власти обязаны их рассмотреть и ответить, но не обязаны исполнить. Это существенно снижает эффективность контроля и разрешения административно-правовых споров между гражданами и субъектами государственного и муниципального управления.

2. Недостаточность организационно-финансового обеспечения. В 23 регионах России региональные уполномоченные не имеют собственных аппаратов или штат их составляет 1–3 человека,

что делает невозможной полноценную реализацию всех предоставленных законом полномочий. Не во всех регионах уполномоченный и его аппарат имеют статус государственного органа субъекта РФ с правом юридического лица. В ряде случаев наблюдается вмешательство органов исполнительной власти в руководство деятельностью аппарата омбудсмана.

3. Неэффективность распределения ресурсов между уровнями. Отсутствует чёткое законодательное разграничение компетенции между федеральным и региональными уполномоченными, а также специализированными омбудсменами (по правам ребёнка, по правам коренных малочисленных народов). Одна и та же жалоба может рассматриваться разными уполномоченными, что ведёт к дублированию работы и нерациональному расходованию ресурсов.

4. Отсутствие единых критериев оценки результативности. В докладах региональных уполномоченных не указывается доля жалоб, по которым удалось добиться полного восстановления прав заявителей. Это делает невозможной объективную оценку эффективности работы института как для общества, так и для органов власти.

5. Ограничение круга субъектов обжалования. Согласно закону, жалобы не могут быть поданы на действия законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, что создаёт «слепую зону» в системе контроля за соблюдением прав человека.

6. Низкая активность использования судебных механизмов. Практика показывает, что региональные омбудсмены редко используют предоставленное им право обращения в суд с административными исковыми заявлениями. Так, за один из отчётных периодов региональными омбудсменами было подано лишь 20 административных исков в защиту прав и свобод других лиц.

Анализ выявленных проблем позволяет сформулировать следующие предложения по повышению эффективности рассмотрения обращений граждан [2; 3]:

– Наделение заключений омбудсмана юридической силой. Целесообразно предусмотреть в законодательстве случаи, при которых заключения регионального уполномоченного по результатам рассмотрения жалобы приобретают обязательный для исполнения характер. Речь идёт о придании таким актам государственно-властного характера при выявлении очевидных нарушений прав и свобод человека, что позволит разрешать административно-правовые споры на досудебной стадии.

– Укрепление организационной самостоятельности. Необходимо установить в Законе № 48-ФЗ и законах субъектов РФ норму, согласно которой уполномоченный и его аппарат являются государственным органом субъекта РФ с правом юридического лица, а омбудсмен самостоятельно разрабатывает и исполняет смету расходов. Следует исключить возложение на сотрудников высшего исполнительного органа обязанностей по обеспечению деятельности уполномоченного и гарантировать минимальный количественный состав аппарата, необходимый для выполнения его задач.

– Разграничение компетенции между уровнями. Требуется установить в законодательстве чёткое разграничение предметной компетенции между федеральным и региональным уполномоченными, а также специализированными омбудсменами. Это устраним дублирование при рассмотрении жалоб и обеспечит более рациональное распределение ресурсов.

– Унификация критериев оценки результативности. Целесообразно ввести обязательные показатели эффективности работы региональных уполномоченных, включающие: долю жалоб, по которым права заявителей были полностью или частично восстановлены; средний срок рассмотрения жалоб; количество рекомендаций, исполненных органами власти; количество обращений в суд и их результативность. Данные показатели должны отражаться в ежегодных докладах.

– Активизация судебных механизмов защиты. Региональным омбудсменам следует более активно использовать право обращения в суд с административными исковыми заявлениями. Для этого целесообразно включить в программы повышения квалификации сотрудников аппаратов

уполномоченных специализированные модули по административному судопроизводству и сформировать практику методической поддержки со стороны федерального уполномоченного.

– Цифровизация процесса рассмотрения обращений. Внедрение единой цифровой платформы для приёма, регистрации и отслеживания статуса обращений граждан обеспечит прозрачность процесса, сократит сроки обработки и позволит автоматизировать сбор статистических данных для оценки эффективности работы. Цифровизация также упростит взаимодействие между региональными и федеральным уполномоченными при передаче жалоб.

– Усиление общественного контроля и открытости. Расширение практики совместных приёмов граждан с органами прокуратуры, общественными палатами и правозащитными организациями, а также регулярное опубликование промежуточных отчётов о работе омбудсмана повысит информированность населения и доверие к институту.

Подводя итог необходимо отметить, что институт региональных уполномоченных по правам человека прошёл значительный путь развития: от разрозненных региональных инициатив до единого нормативного регулирования на федеральном уровне. Принятие Закона № 48-ФЗ укрепило правовой статус омбудсменов, расширило их полномочия и установило общие принципы деятельности. Однако эффективность правовых механизмов рассмотрения обращений граждан остаётся ограниченной из-за отсутствия императивных полномочий, недостаточного ресурсного обеспечения и отсутствия унифицированных подходов к оценке результативности.

Предлагаемые меры повышения эффективности, предполагают придание отдельным заключениям омбудсмана обязательной силы, укрепление организационной самостоятельности аппаратов, разграничение компетенции между уровнями, внедрение единых критериев оценки и цифровизация процесса – создают правовые и организационные условия для перехода института от преимущественно рекомендательной модели к реально действующему механизму восстановления нарушенных прав граждан. Реализация этих предложений позволит региональному омбудсмену занять полноценное место в системе защиты прав человека в Российской Федерации.

Литература:

1. Бондарева Е. А., Руднева Е. А. Институт уполномоченного по правам ребенка в России и ее субъектах: вопросы становления и перспективы развития / Е. А. Бондарева, Е. А. Руднева // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2016. – №1 (24). – С. 47–58.
2. Гаммадов М. Г. Совершенствование деятельности института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / М. Г. Гамаков // Интернаука. – 2019. – № 44-2 (126). – С. 5–6.
3. Москалькова Т. М. Становление и развитие института уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации: сборник статей / Т. М. Москалькова, Д. Р. Алиев и другие. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. – 190 с.
4. Федеральный закон «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» от 27.12.2018 № 501-ФЗ (действующая редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314643/ (дата обращения: 03.09.2026).
5. Федеральный закон «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» от 18.03.2020 N 48-ФЗ (последняя редакция) 18 марта 2020 года № 48-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347911/ (дата обращения: 03.09.2026).
6. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 N 59-ФЗ (последняя редакция) 2 мая 2006 года № 59-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 03.09.2026).

7. Эбзеев Б. С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В. В. Путина и новые смыслы Основного Закона / Б. С. Эбзеев // Государство и право. – 2020. – № 4. – С. 7-24.

Петров М.Д.

студент

кафедра информационных систем и технологий

ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики»

e-mail: petrov.m@example.com

Куваева Е.Н.

старший преподаватель

кафедра информационных систем и технологий

ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики»

e-mail: kuvaeva.e@example.com

Petrov M.D.

Student

Department of Information Systems and Technology

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics

Kuvaeva E.N.

Senior Lecturer

Department of Information Systems and Technology

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты, методологии и архитектурные решения интеграции алгоритмов искусственного интеллекта и машинного обучения в современные корпоративные информационные системы (КИС). Описаны основные проблемы, возникающие при автоматизации комплексных и динамических бизнес-процессов, и предложены варианты их решения с помощью внедрения интеллектуальных агентов. Приведены примеры успешного использования ИИ-технологий для анализа больших данных, оптимизации ИТ-архитектуры, снижения операционных рисков и прогнозирования критических бизнес-метрик. Особое внимание уделено вопросам безопасности данных и математическому аппарату используемых моделей в рамках цифровизации бизнеса. После прочтения исследования формируется четкое понимание интеграционных процессов нейросетей в контур предприятия.

Ключевые слова: информационные системы, искусственный интеллект, машинное обучение, автоматизация бизнес-процессов, оптимизация КИС, большие данные, нейронные сети.

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO OPTIMIZE BUSINESS PROCESSES IN MODERN INFORMATION SYSTEMS

Abstract. The article discusses the key aspects, methodologies, and architectural solutions of integrating artificial intelligence and machine learning algorithms into modern enterprise information systems (EIS). The main problems arising in the automation of complex and dynamic business processes are described, and options for their solution through the introduction of intelligent agents are proposed. Examples of successful use of AI technologies for big data analysis, IT architecture optimization, operational risk reduction, and forecasting of critical business metrics are provided. Special attention is paid to data security issues and the mathematical

apparatus of the models used in the framework of business digitalization. After reading the study, a clear understanding of the integration processes of neural networks into the enterprise circuit is formed.

Keywords: information systems, artificial intelligence, machine learning, business process automation, EIS optimization, big data, neural networks.

Современный этап развития информационных технологий характеризуется лавинообразным ростом объемов данных, обрабатываемых корпоративными информационными системами (КИС). Традиционные алгоритмы автоматизации, основанные на жестко заданных детерминированных правилах и линейной логике, перестают эффективно справляться с динамически меняющимися задачами бизнеса. В условиях высокой неопределенности рынка и необходимости моментального реагирования на внешние триггеры, внедрение элементов искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения (ML) в структуру информационных систем становится стратегической необходимостью. Это позволяет перейти от пассивной фиксации хозяйственных операций к проактивному управлению и глубокой оптимизации бизнес-процессов предприятия.

Интеграция искусственного интеллекта в информационные системы предприятия позволяет решать сложнейшие прикладные задачи, которые ранее требовали значительных временных, финансовых и человеческих ресурсов. На основе анализа современной структуры КИС можно выделить три фундаментальных направления оптимизации операционной деятельности:

1. Автоматизация рутинных и слабоструктурированных операций (RPA + AI). Внедрение интеллектуальных чат-ботов, когнитивных голосовых ассистентов и умных систем оптического распознавания документов (OCR) нового поколения снижает рутинную нагрузку на сотрудников первой линии поддержки, бэк-офиса и бухгалтерии на 40–50%. Информационная система, усиленная ИИ, способна не просто сканировать документы, а автоматически классифицировать входящие неструктурированные запросы, извлекать семантический смысл и ключевые метаданные из договоров или актов, верифицировать их и корректно распределять по целевым базам данных без участия человека.

2. Комплексная предиктивная аналитика. Использование нейросетевых моделей и классических алгоритмов машинного обучения для глубокого анализа исторических массивов данных позволяет с высокой точностью прогнозировать спрос на продукцию, оценивать риски сбоев в цепочках поставок, оптимизировать загрузку складских мощностей и выявлять финансовые аномалии. В финансовых ИС интеллектуальные модули предотвращают фрод-операции (мошенничество) на ранних стадиях в режиме реального времени.

3. Системы интеллектуальной поддержки принятия решений (DSS). На основе методов машинного обучения, деревьев решений и графовых моделей информационная система формирует для менеджмента высшего звена персонализированные аналитические рекомендации, строит многофакторные сценарии развития событий и оценивает последствия каждого выбора, минимизируя влияние субъективного человеческого фактора.

С технической и инженерной точек зрения внедрение ИИ требует кардинальной модернизации традиционной трехзвенной архитектуры информационных систем (клиент — сервер приложений — база данных). Внедрение интеллектуальных модулей подразумевает декомпозицию монолитного ядра и интеграцию специализированных изолированных микросервисов, отвечающих за инференс (выполнение) моделей машинного обучения. Эти микросервисы связываются с основным контуром КИС посредством высокопроизводительных протоколов REST API, gRPC или распределенных очередей сообщений (например, Apache Kafka, RabbitMQ). Подобный архитектурный шаблон позволяет эффективно изолировать ресурсоемкие вычислительные процессы обучения и инференса ИИ-моделей от

транзакционной базы данных (OLTP), предотвращая деградацию производительности и зависание системы при пиковых пользовательских нагрузках [1, 218; 2, 110].

Важнейшим аспектом функционирования интеллектуальной ИС является построение конвейера работы со сквозными аналитическими данными (OLAP). Для обучения точных ИИ-моделей информационная система должна непрерывно аккумулировать колоссальные объемы информации из разрозненных, зачастую не связанных между собой источников: CRM-платформ, ERP-систем, производственных логов, внешних веб-ресурсов, социальных медиа и телеметрии. Создание централизованных озер данных (Data Lakes) и хранилищ данных (Data Warehouses) на базе стека технологий Big Data (таких как Apache Hadoop, Spark или ClickHouse) позволяет консолидировать эту информацию. Особое место в жизненном цикле разработки занимает этап ETL-процессов (Extract, Transform, Load). Очистка данных от системного «шума», фильтрация дубликатов, заполнение пропусков и нормализация признаков напрямую определяют итоговую метрику точности (Accuracy, F1-score) предиктивных нейросетей [150; 5, 16].

Рассмотрим подробнее прикладные примеры успешной оптимизации бизнес-процессов в различных отраслевых сегментах:

— В логистических информационных системах (TMS) алгоритмы генетического поиска, обучения с подкреплением (Reinforcement Learning) и глубоких нейронных сетей оптимизируют многосоставные маршруты доставки грузов в режиме реального времени. Система мгновенно пересчитывает граф дорог, учитывая текущую дорожную ситуацию, погодные условия, грузоподъемность транспорта и жесткие временные окна получателей. Это позволяет сократить операционные издержки на транспортную логистику до 20–25%.

— В промышленном секторе (информационные системы класса MES, SCADA и ТОИР) предиктивные алгоритмы ИИ непрерывно анализируют потоковую телеметрию с тысяч датчиков, установленных на производственных линиях. На основе методов выявления аномалий система превентивно прогнозирует вероятность поломки или износа критически важных агрегатов, генерирует автоматические заявки на техническое обслуживание и оптимально распределяет складские запасы комплектующих, сводя к нулю дорогостоящие простои завода.

— В сфере электронной коммерции и ритейла информационные системы с ИИ реализуют стратегии динамического ценообразования. Модели моментально реагируют на микроизменения пользовательского спроса, эластичность цен, остатки товаров на региональных складах и ценовую политику конкурентов, что позволяет максимизировать общую маржинальность бизнеса и оборачиваемость капитала.

Математический аппарат, лежащий в основе современных интеллектуальных ИС, включает в себя широкий спектр методов: от линейной и логистической регрессии до глубоких сверточных (CNN) и рекуррентных (RNN) нейронных сетей. Для задач кластеризации клиентов и сегментации рынка активно применяются алгоритмы K-средних (K-means) и EM-алгоритмы [3, 412]. В задачах прогнозирования временных рядов (например, объемов продаж на следующий квартал) высокую эффективность показывают модели архитектуры LSTM (Long Short-Term Memory) и современные механизмы внимания (Transformers), способные улавливать долгосрочные зависимости в исторических данных.

Однако процесс масштабной интеграции ИИ-технологий в корпоративную среду неизбежно сталкивается с рядом серьезных барьеров и вызовов. Первый вызов — это высокая требовательность алгоритмов к качеству, репрезентативности и объему обучающих выборок. Принцип «garbage in, garbage out» (мусор на входе — мусор на выходе) в сфере искусственного интеллекта работает безотказно. Второй вызов — феномен «черного ящика» (Black Box), свойственный сложным нейросетевым архитектурам. Бизнес-пользователям и регуляторам зачастую трудно или невозможно интерпретировать логику, на

основе которой модель приняла то или иное критическое решение (например, отказала в выдаче крупного кредита или заблокировала транзакцию). Развитие методов объяснимого искусственного интеллекта (XAI, Explainable AI) становится критически важным фактором для крупного бизнеса, поскольку прозрачность алгоритмов позволяет топ-менеджменту своевременно верифицировать рекомендации моделей, минимизируя потенциальные юридические, репутационные и прямые финансовые риски при управлении КИС.

Это стимулирует развитие отдельного научно-практического направления — Объяснимого ИИ (XAI, Explainable AI).

Третий, не менее важный вызов — обеспечение информационной безопасности. Внедрение ИИ расширяет вектор потенциальных кибератак на информационную систему предприятия. Появляются специфические угрозы, такие как состязательные атаки (adversarial attacks), направленные на преднамеренное искажение входных данных с целью обмана нейросети, а также атаки, нацеленные на отравление обучающей выборки (data poisoning). Кроме того, обработка персональных данных клиентов интеллектуальными агентами требует строгого соблюдения законодательства в области защиты данных и создания изолированных безопасных контуров внутри ИТ-инфраструктуры организации.

Таким образом, применение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в рамках развития информационных систем переводит автоматизацию современных предприятий на качественно новый, эволюционный уровень — от слепого исполнения жестко запрограммированных инструкций к гибкому, адаптивному и предиктивному управлению. Несмотря на технологическую сложность интеграционных процессов, необходимость перестройки ИТ-архитектуры и существенные первоначальные инвестиции в вычислительные мощности (такие как GPU-кластеры), интеллектуализация КИС обеспечивает коммерческим и государственным предприятиям неоспоримые долгосрочные конкурентные преимущества. Она кратно ускоряет скорость обработки информации, снижает влияние человеческих ошибок и минимизирует операционные риски в условиях цифровой экономики.

Литература:

1. Дейт, К. Дж. Введение в системы баз данных / К. Дж. Дейт. — М.: Вильямс, 2018. — 1328 с.
2. Исаев, Г. Н. Информационные системы / Г. Н. Исаев. — М.: Омега-Л, 2020. — 430 с.
3. Рассел, С. Искусственный интеллект: современный подход / С. Рассел, П. Норвиг. — М.: Вильямс, 2019. — 1408 с.
4. Советов, Б. Я. Базы данных / Б. Я. Советов, В. В. Цехановский, В. Д. Чертовской. — М.: Юрайт, 2021. — 420 с.
5. Черняк, Л. Платформа больших данных / Л. Черняк // Открытые системы. СУБД. — 2018. — № 2. — С. 14-19.

Аблякимова Э.Э.

доцент, кандидат юридических наук

кафедра административного и финансового права

Крымский филиалы ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени

В.М. Лебедева»

e-mail: 6661931@mail.ru

Доросинская А.М.

доцент, кандидат юридических наук

кафедра административного и финансового права

Крымский филиалы ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени

В.М. Лебедева»

e-mail: dorosinskaya08@rambler.ru

Ablyakimova E.E.

Associate Professor? Candidate of Legal Sciences

Department of Administrative and Financial Law

Crimean Branch of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Dorosinskaya A.M.

Associate Professor? Candidate of Legal Sciences

Department of Administrative and Financial Law

Crimean Branch of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

ЦИФРОВАЯ ПОВЕСТКА И ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗВЕЩЕНИЕ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ: БАЛАНС МЕЖДУ ДОСТУПНОСТЬЮ ПРАВОСУДИЯ И РИСКОМ ФОРМАЛЬНОГО УВЕДОМЛЕНИЯ

Аннотация. Процессы цифровой трансформации государственного управления, развернувшиеся в Российской Федерации в рамках национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (2025–2030 гг.), оказали фундаментальное влияние на организацию административного судопроизводства. Ключевой точкой стало принятие Федерального закона от 07.04.2025 № 59-ФЗ, который с 1 июля 2025 года ввел полномасштабный электронный документооборот в производстве по делам об административных правонарушениях и создал нормативную основу для дистанционного участия сторон. В статье анализируется современная нормативно-правовая база, регламентирующая электронное судебное извещение. Исследуются новые цифровые инструменты: с одной стороны, они существенно повышают доступность правосудия, сокращают процессуальные сроки (по оценкам — на 30–40%), снижают издержки участников и повышают прозрачность судопроизводства; с другой — порождают риски формального уведомления, связанные с фиксацией факта входа в личный кабинет на портале «Госуслуги» независимо от фактического ознакомления с повесткой, с проблемами идентификации участников и цифровым неравенством населения. На основе анализа судебной практики делается вывод о необходимости выработки сбалансированного подхода, сочетающего технологическую эффективность с гарантией реального, а не формального извещения, составляющего основу права на судебную защиту. Предлагаются направления совершенствования правового регулирования: внедрение двухступенчатого извещения, обязательное резервное дублирование, развитие цифровой грамотности населения и унификация судебных информационных систем.

Ключевые слова: цифровая трансформация, административное судопроизводство, электронное извещение, КАС РФ, портал «Госуслуги», доступность правосудия, формальное уведомление, электронный документооборот, судебная повестка.

DIGITAL AGENDA AND ELECTRONIC NOTICE IN THE ADMINISTRATIVE PROCESS: BALANCING ACCESS TO JUSTICE AND THE RISK OF FORMAL NOTICE

Abstract. The processes of digital transformation of public administration that have been unfolded in the Russian Federation as part of the national project "Data Economy and Digital Transformation of the State" (2025-2030) have had a fundamental impact on the organization of administrative proceedings. The key point was the adoption of Federal Law No. 59-FZ dated April 7, 2025, which introduced full-scale electronic document management in administrative proceedings on July 1, 2025, and created a regulatory framework for remote participation of parties. The article analyzes the current legal framework governing electronic judicial notifications. It explores new digital tools, which, on the one hand, significantly increase the accessibility of justice, reduce procedural timeframes (estimated to be 30-40% shorter), lower the costs for participants, and enhance the transparency of legal proceedings. On the other hand, they pose risks of formal notification associated with the recording of access to a personal account.

Keywords: digital transformation, administrative proceedings, electronic notification, Administrative Procedure Code of the Russian Federation, Gosuslugi portal, accessibility of justice, formal notification, electronic document management, and judicial summons.

В 2025 году российское правосудие вступило в новую эру цифровой трансформации. Принятие Федерального закона от 07.04.2025 № 59-ФЗ, внесшего масштабные изменения в Кодекс об административных правонарушениях и закрепившего основы электронного документооборота и дистанционного участия в административном процессе, стало знаковым событием, сравнимым по значимости с введением самого КоАП РФ [11]. Этот закон, вступивший в силу 1 июля 2025 года, не просто легализовал электронные форматы, а принципиально изменил философию взаимодействия государства и гражданина в сфере юрисдикционной деятельности.

Одновременно с этим продолжалась цифровая модернизация судебной системы в целом. Председатель Верховного Суда Российской Федерации Игорь Краснов, выступая на ежегодном Совещании судей 19 февраля 2026 года, обозначил курс на цифровую трансформацию как одно из ключевых направлений развития судебной системы, поручив изучить возможности внедрения технологий искусственного интеллекта и расширения электронного взаимодействия с гражданами. Судебная система России, по оценке исследователей, успешно преодолела барьеры, связанные с автоматизацией и информатизацией, и теперь, как отмечает Е.В. Трофимов, мы являемся свидетелями вступления правосудия в новую эпоху цифровой трансформации, когда судопроизводство все больше погружается в цифровую среду [11, с. 7].

В этих условиях ключевым институтом, аккумулирующим как преимущества, так и риски цифровизации, выступает электронное судебное извещение. Именно механизмы извещения участников о времени и месте судебного разбирательства являются тем «нервом» процесса, от надлежащего функционирования которого зависят реализация принципа состязательности, право на защиту и, в конечном счете, доверие граждан к правосудию [14, с. 4].

Современная архитектура правового регулирования электронного извещения в административном судопроизводстве сложилась в результате последовательных законодательных изменений 2025–2026 годов и может быть представлена в виде четырехуровневой системы.

Первый (конституционный) уровень составляют гарантии права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) и принципы осуществления правосудия. Именно эти фундаментальные положения задают ту систему координат, в которой любые технологические нововведения не должны приводить к ущемлению процессуальных прав участников. Как справедливо отмечается в литературе, уровень и динамика цифровизации судебной системы выступают индикатором адаптации права к вызовам современности [15, с. 95–96].

Второй уровень образуют процессуальные кодексы. Статья 96 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации устанавливает, что судебные извещения и прилагаемые к ним документы могут быть направлены в электронном виде участнику судебного процесса посредством единого портала государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ, «Госуслуги») либо системы электронного документооборота участника судебного процесса с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) [3]. Статья 98 КАС РФ, в свою очередь, определяет, что судебные повестки и иные судебные извещения доставляются по почте, посредством ЕПГУ, указанной системы электронного документооборота или лицом, которому судья поручает их доставить, причем время вручения фиксируется средствами соответствующей информационной системы или на документе, подлежащем возврату в суд.

Ключевые изменения 2025–2026 годов внесены следующими федеральными законами:

Федеральный закон от 07.04.2025 № 59-ФЗ — фактически «цифровая конституция» административного процесса, закрепившая основы электронного документооборота, дистанционного участия и извещения в производстве по делам об административных правонарушениях. В частности, введена новая статья 24.8 КоАП РФ, предусматривающая подачу процессуальных документов в электронном виде через Госуслуги, а статья 24.9 устанавливает возможность направления процессуальных документов участникам в электронном виде с использованием УКЭП [11].

Федеральный закон от 31.07.2025 № 288-ФЗ, внесший изменения в статьи 123.1 и 287 КАС РФ, которые конкретизируют особенности судебного приказного производства в административном процессе и исключения из общего порядка. Закон вступил в силу с 1 ноября 2025 года [13].

Федеральный закон от 29.12.2025 № 521-ФЗ, также вносящий изменения в КАС РФ, действие которого началось 9 января 2026 года [12].

Наконец, третий (подзаконный) уровень включает приказы Судебного департамента при Верховном Суде РФ. В частности, Приказом от 19.08.2024 № 193 внесены изменения в Инструкцию по судебному делопроизводству в районном суде, которыми предусмотрена возможность направления участникам судебного процесса извещений и судебных актов в электронном виде через ЕПГУ [8]. Часть 1.1 статьи 96 КАС РФ (в действующей редакции) конкретизирует, что направление извещений через ЕПГУ осуществляется при условии, что участник судопроизводства не ходатайствовал о направлении ему извещений на бумажном носителе [3].

Четвертый, организационно-технический уровень — это правила и регламенты функционирования самого портала «Госуслуги», включая настройки «Госпочты» и процедуру получения согласия граждан на электронные уведомления. Для получения судебных извещений гражданину необходимо в личном кабинете ЕПГУ в разделе «Профиль» открыть вкладку «Настройка Госпочты», выбрать параметр «Суды» и включить получение электронных писем [9, с. 1].

Переход к электронным извещениям и электронному документообороту в административном процессе — это не самоцель, а инструмент решения системных проблем отечественного правосудия.

Прежде всего, цифровизация призвана повысить оперативность производства по делам. По оценкам экспертов, внедрение электронного документооборота позволяет сократить сроки рассмотрения административных дел на 30–40% [9, с. 15]. Это достигается за счет устранения временных лагов,

связанных с пересылкой бумажной корреспонденции, автоматизации уведомлений и возможности дистанционного участия в заседаниях. Закон № 59-ФЗ ввел механизм, при котором процессуальные документы могут быть направлены участникам как на бумаге, так и в электронном виде, при наличии технической возможности в суде [11].

Во-вторых, электронные извещения существенно расширяют доступность правосудия для социально уязвимых групп населения. Как отмечается в исследовании, опубликованном в декабре 2025 года, внедрение цифровых технологий кардинально повышает доступность правосудия для граждан с инвалидностью, лиц, содержащихся под стражей, а также жителей удаленных и труднодоступных территорий [7, с. 98]. Гражданину больше не требуется лично посещать суд или почтовое отделение для получения повестки — судебная корреспонденция поступает непосредственно в личный кабинет на портале Госуслуг, не теряется даже при смене места жительства и всегда доступна в электронной форме для просмотра [9, с. 2].

В-третьих, цифровые механизмы повышают прозрачность процессуальной деятельности и снижают бюрократическую нагрузку на судебский корпус и аппарат суда. Автоматические уведомления через портал «Госуслуги», система отслеживания получения повесток, а также интеграция с ЕСИА (Единой системой идентификации и аутентификации) и биометрическими системами, о которой сообщается в материалах о развитии цифрового правосудия, создают единый стандарт взаимодействия [15, с. 100–101].

Наконец, принципиально важным аспектом является снижение процессуальных издержек для всех участников. Граждане экономят время и средства на поездки и почтовые отправления; государство — на бумагу, печать и доставку. При этом законом сохранена альтернативность: участник может как воспользоваться электронными сервисами, так и остаться в рамках традиционного бумажного документооборота [1, с. 45–46].

Однако обратной стороной цифровизации становится проблема, которую в правовой доктрине принято обозначать как «формальное» или «технологическое» уведомление [10, с. 24]. Суть проблемы заключается в том, что при использовании электронных каналов связи фиксация самого факта отправки или технической доставки сообщения может не совпадать с фактом реального ознакомления адресата с содержанием извещения.

Особую остроту этот вопрос приобретает в связи с порядком извещения через портал «Госуслуги». Согласно сложившемуся правопониманию, извещение на Госуслугах считается полученным, даже если пользователь его не прочитал, а зашел на портал с совершенно иной целью, поскольку система фиксирует сам факт входа. Эта позиция корреспондируется с положением статьи 165.1 Гражданского кодекса РФ, согласно которому юридически значимое сообщение считается доставленным и в тех случаях, если оно поступило адресату, но по обстоятельствам, зависящим от него самого, не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним [1, с. 47].

Конституционный Суд РФ неоднократно высказывался о недопустимости возложения на участника процесса негативных последствий, связанных с его неосведомленностью об инициированном в отношении него судопроизводстве, если у суда имелись сведения о его надлежащем извещении по иным каналам [14, с. 5]. Однако практическая реализация этого принципа в цифровой среде сталкивается со сложностями.

Показательна в этом отношении судебная практика Верховного Суда РФ, сформировавшаяся в 2025 году. Так, в одном из дел об оспаривании сделок суды трех инстанций признавали ответчика надлежаще извещенным, основываясь на данных электронного отчета «Почты России» о доставке письма. Верховный Суд, однако, усомнился в достоверности этих сведений, обратив внимание на абсурдную отметку о «неудачной попытке вручения» спустя пять минут после того, как письмо попало к

почтальону — за это время почтальон физически не мог совершить все необходимые действия по извещению. Дело было направлено на новое рассмотрение [11].

Верховный Суд в очередной раз подтвердил, что рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из участников, не извещенных надлежащим образом, является безусловным основанием для отмены судебного акта [6]. Более того, в своем постановлении от 22 октября 2025 года ВС РФ указал, что формальное уведомление не гарантирует законность судебного акта, а суды должны отменять принятые акты и направлять дело на новое рассмотрение [5]. Эта позиция нашла отражение и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, принятых в конце 2025 года, в частности в постановлении № 33 от 09.12.2025, разъясняющем вопросы извещения сторон в административном судопроизводстве.

Практика выявляет и другие риски формального подхода. Один из наиболее показательных кейсов 2026 года связан с попыткой ТСН доказать, что почта, указанная в ГИС ЖКХ, непригодна для уведомлений об административных правонарушениях. Суды отклонили доводы о том, что факт размещения адреса в ГИС ЖКХ не свидетельствует о даче согласия на процессуальное извещение по делам об административных правонарушениях, указав, что такая позиция не основана на законе [1, с. 48–49].

Этот пример высвечивает системную проблему: размывание границ между «информационным размещением» контактов в государственных информационных системах и «процессуальным согласием» на получение официальных уведомлений. Если для КАС РФ четко установлено (ч. 1.1 ст. 96), что направление извещений через ЕПГУ возможно лишь при отсутствии ходатайства участника о направлении бумажных извещений или при даче им прямого согласия [3], то в производстве по делам об административных правонарушениях такая четкость отсутствует. Суды, как показывает практика, нередко принимают сам факт регистрации лица на портале «Госуслуги» в качестве достаточного основания для направления электронных извещений, что порождает риск уведомления лица без его действительного информированного согласия [7, с. 100].

Противоречие между доступностью правосудия (для достижения которой цифровые технологии активно внедряются) и риском формального уведомления (который эти же технологии порождают) не является непреодолимым. Более того, именно осознанное управление этим противоречием должно стать основной задачей законодателя и правоприменителя на современном этапе цифровой трансформации.

Представляется, что выработка эффективной модели электронного извещения должна основываться на следующих принципах.

Принцип добровольности и информированного согласия. Участник административного процесса должен иметь возможность сделать осознанный выбор в пользу получения судебных извещений в электронной форме. Такой выбор не может быть «молчаливым» или презюмируемым — он должен выражаться в активном волеизъявлении, предполагающем понимание правовых последствий этого шага [14, с. 6]. В этом отношении позитивным примером является настройка параметра «Суды» в разделе «Госпочта» на портале «Госуслуги»: для получения извещений требуется совершить ряд целенаправленных действий. Однако этого недостаточно — необходимо дополнительное информирование граждан о том, что факт входа в личный кабинет (даже без открытия уведомления) считается моментом извещения [9, с. 2].

Принцип резервного дублирования. Риск формального извещения может быть существенно снижен за счет введения правила о резервном направлении извещения в бумажной форме или посредством СМС/электронной почты в случаях, когда суду или органу не удалось установить факт реального ознакомления с электронным извещением в разумный срок. Техническая возможность для такого дублирования уже заложена законом: ч. 1 ст. 98 КАС РФ предусматривает альтернативные

способы доставки [3], а Закон № 59-ФЗ допускает направление документов иными способами по согласованию с участником дела [11].

Принцип двухступенчатого подтверждения. Для критически значимых извещений (например, о вынесении судебного решения в окончательной форме) можно предложить механизм двухступенчатого подтверждения: сначала направляется уведомление о поступлении документа в личный кабинет, а после его прочтения системой фиксируется время фактического ознакомления. Если адресат не открыл уведомление в течение определенного срока, следует автоматическое дублирование иным способом [15, с. 101–102].

Значительная нагрузка по обеспечению баланса ложится на судебное толкование. Позиция Верховного Суда РФ, выраженная в постановлениях 2025 года, демонстрирует последовательный курс на приоритет реального (а не формального) извещения [5]. В литературе отмечается, что в КАС РФ, в отличие от других процессуальных кодексов, закреплена активная роль судов при реализации принципов состязательности и равноправия сторон [10, с. 25]. Именно эта особенность административного судопроизводства должна стать основой для формирования судебной практики, которая будет не просто констатировать факт технической доставки, но и оценивать, была ли у адресата реальная возможность своевременно ознакомиться с извещением.

Нельзя оставить без внимания и проблему цифрового неравенства. По данным на начало 2026 года, несмотря на высокий уровень проникновения интернета и регистрации на портале «Госуслуги», сохраняется значительная доля населения (прежде всего пожилые граждане, жители отдаленных сельских территорий, лица без регистрации, мигранты), для которых электронные извещения недоступны или затруднительны [7, с. 99]. Как справедливо отмечено в научной литературе, одним из ключевых вызовов цифровизации правосудия является цифровой разрыв, угрожающий принципу равенства сторон [14, с. 5].

Законодатель учел этот риск, сохранив возможность получения извещений в бумажной форме. Однако на практике существует опасность негласного стимулирования судов и органов к использованию исключительно электронных каналов, что может привести к дискриминации граждан, не имеющих доступа к цифровым сервисам [2, с. 16]. Поэтому необходимы не только законодательные гарантии, но и организационно-технические меры: обучение сотрудников судов и органов, предоставление гражданам возможности получать бесплатную помощь при настройке уведомлений, создание «цифровых волонтерских» центров при судах [15, с. 102].

Анализ современного состояния правового регулирования электронного извещения в административном процессе Российской Федерации, позволяет сделать следующие выводы.

Масштабная цифровая трансформация административного судопроизводства является свершившимся фактом. Принятие Федерального закона № 59-ФЗ, а также законов № 288-ФЗ и № 521-ФЗ создало полноценную нормативную базу для электронного документооборота, дистанционного участия и, что особенно важно, для электронного извещения участников. Это масштабный и объективный процесс, соответствующий общемировым трендам цифровизации публично-властной деятельности.

Электронное извещение — это мощный инструмент повышения доступности правосудия. Сокращение процессуальных сроков (по отдельным оценкам — на 30–40%), снижение издержек, преодоление территориальной удаленности, повышение прозрачности — эти преимущества цифрового уведомления уже сегодня получают позитивные оценки. Поэтому возврат к исключительно бумажным технологиям невозможен и нецелесообразен.

Вместе с тем риски формального, «технологического» уведомления реальны и требуют системного противодействия. Фиксация факта входа в личный кабинет портала «Госуслуги» (даже без открытия уведомления) как момента надлежащего извещения может приводить к нарушению права на

реальную судебную защиту. Проблемы идентификации, размывание границ между информационным размещением контактов и процессуальным согласием, цифровое неравенство — все это требует внимательного отношения и выработки сбалансированных решений.

Перспективным направлением совершенствования правового регулирования является внедрение двухступенчатой модели извещения, сочетающей электронное уведомление с обязательным резервным дублированием в бумажной форме или по альтернативным каналам связи (СМС, e-mail) при отсутствии подтверждения реального ознакомления в разумный срок. Также необходима унификация подходов к определению момента электронного извещения в различных процессуальных кодексах и дальнейшее развитие цифровой грамотности населения.

Таким образом, цифровая повестка в административном процессе — это не столько технологический, сколько правовой и социальный проект. Его успех зависит не от количества внедренных информационных систем, а от способности сохранить фундаментальные принципы правосудия в новой технологической среде: реальную доступность, состязательность, равноправие и, самое главное, право каждого на справедливое и своевременное извещение о судебном разбирательстве. Заложенный в законодательстве потенциал цифровых инструментов должен быть реализован таким образом, чтобы каждый участник административного процесса чувствовал себя не объектом автоматизированной системы уведомлений, а полноправным субъектом права, чьи интересы защищены надежными и понятными процессуальными гарантиями.

Литература:

1. Борисов А.Н. Комментарий к статье 98 Кодекса административного судопроизводства РФ (постатейный) / А.Н. Борисов. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Юстицинформ, 2025. — 210 с.
2. Информация Судебного департамента при Верховном Суде РФ об итогах работы судебной системы Российской Федерации в 2025 году // Официальный сайт Судебного департамента. — М., 2026. — 45 с.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 11.02.2026). — М.: Проспект, 2026. — 256 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — М.: Юрайт, 2025. — 64 с.
5. Постановление Верховного Суда РФ от 22.10.2025 № 46-АД25-12-К6 по делу об административном правонарушении // СПС «КонсультантПлюс». — 2025. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412503787/> (дата обращения: 05.05.2026).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 33 от 09.12.2025 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях и применении мер процессуального принуждения в связи с использованием электронных средств извещения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2026. — № 2. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_521205/ (дата обращения: 05.05.2026).
7. Правовое обеспечение цифрового правосудия в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития / А.Н. Борисов, Р.П. Лангвилава, С.В. Зайцев и др. // Вестник Евразийского судебно-информационного института. — 2026. — № 1. — С. 93–102.
8. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 19.08.2024 № 193 «О внесении изменений в Инструкцию по судебному делопроизводству в районном суде» // Бюллетень актов по судебному делопроизводству. — 2024. — № 9. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_486549/ (дата обращения: 05.05.2026).

9. Разъяснения о получении судебных уведомлений через портал «Госуслуги» (утв. Минцифры РФ и Судебным департаментом при ВС РФ 10.01.2025) // Документ официально не опубликован. – СПС «Гарант». – 2025. – С. 1–3.

10. Трофимов, Е. В. Административное судопроизводство и экономика данных / Е. В. Трофимов // ВВ: Административное право и практика администрирования. – 2025. – № 3. – С. 24-37. – DOI 10.7256/2306-9945.2025.3.76788. – EDN GTXMEA.

11. Федеральный закон от 07.04.2025 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части цифровизации производства по делам об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 15 (часть I). – Ст. 2105. – С. 4–28.

12. Федеральный закон от 29.12.2025 № 521-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2026. – № 1 (часть I). – Ст. 15. – С. 4–12.

13. Федеральный закон от 31.07.2025 № 288-ФЗ «О внесении изменений в статьи 123.1 и 287 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 31 (часть I). – Ст. 5122. – С. 2–8.

14. Фомин А.А. Цифровая трансформация судебной деятельности в современной России: вызовы и перспективы / А.А. Фомин // Администратор суда. – 2024. – № 3. – С. 2–6.

15. Цифровизация и современные технологии в судопроизводстве: баланс эффективности и правовых гарантий / Под ред. М.Ю. Чельшева // International Research Journal. – 2025. – № 12 (162). – DOI: 10.60797/IRJ.2025.162.62. – С. 93–104.

Федотов С.А.

студент

Институт экономики и финансов

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

научный руководитель – кандидат экономических наук., доцент кафедры статистики

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

Е.А. Долгих

Fedotov S.A.

Student

Institute of Economics and Finance

State University of Management

scientific director – Candidate of Economic Sciences,

Associate Professor of the Department of Statistics

State University of Management

E.A. Dolgikh

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассматривается распространенность цифровых технологий в организациях Российской Федерации по данным федерального статистического наблюдения по форме № 3-информ за 2025 год. Построены рейтинги субъектов Российской Федерации по четырем группам показателей – инфраструктуре доступа, деловым цифровым решениям, передовым технологиям и средствам защиты информации, рассчитан сводный индекс. Показано, что явного лидера, который занимал бы верхние позиции одновременно по всем направлениям, среди регионов нет, а базовое проникновение цифровых технологий и освоение передовых решений практически не связаны между собой. Выделены субъекты с наибольшим отставанием и определены показатели, с которых целесообразно начинать работу по его сокращению.

Ключевые слова: цифровые технологии, организации, статистика, региональный рейтинг, информационная безопасность, искусственный интеллект.

STATISTICAL STUDY OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES BY ORGANIZATIONS

Abstract. The article examines the prevalence of digital technologies in organizations of the Russian Federation based on the data of the federal statistical survey (form № 3-inform) for 2025. Rankings of constituent entities of the Russian Federation are constructed for four groups of indicators – access infrastructure, business digital solutions, advanced technologies and information security tools – and a composite index is calculated. It is shown that there is no clear leader occupying top positions in all areas simultaneously, while the basic penetration of digital technologies and the adoption of advanced solutions are almost unrelated. The entities with the largest lag are identified, and the indicators that should be addressed first are determined.

Keywords: digital technologies, organizations, statistics, regional ranking, information security, artificial intelligence.

Введение

Цифровые технологии перестали быть отраслевой характеристикой сектора связи и информационных технологий и превратились в общее условие хозяйственной деятельности. Организации используют их для ведения учета и документооборота, взаимодействия с контрагентами и государственными органами, управления производством и логистикой. Соответственно меняется и предмет статистического наблюдения. Измерять требуется не только наличие техники, но и характер применяемых решений – от подключения к сети Интернет до промышленных роботов и технологий искусственного интеллекта [4].

Практический интерес к таким измерениям связан с реализацией национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», рассчитанного на 2025–2030 годы. Целевые ориентиры проекта формулируются в терминах охвата и доступности цифровых сервисов, а значит, требуют регулярной количественной проверки в региональном разрезе [7]. Без такой проверки управленческие решения опираются на общие представления о «продвинутых» и «отстающих» территориях, которые далеко не всегда подтверждаются данными.

Отдельная проблема состоит в том, что цифровизация организаций описывается несколькими десятками показателей, между которыми нет очевидной иерархии. Регион может иметь высокую долю организаций с широкополосным доступом и одновременно минимальные значения по использованию облачных сервисов. Другой регион, напротив, может демонстрировать обратную картину. Ранжирование по значению одного показателя в таких условиях дает неустойчивый результат, а простое усреднение всех показателей скрывает содержательные различия. Это противоречие между многомерностью явления и потребностью в компактной сравнительной оценке и определило постановку задачи.

Цель исследования – оценить дифференциацию субъектов Российской Федерации по уровню использования организациями цифровых технологий и выявить направления, требующие первоочередного внимания в отстающих регионах.

Для достижения цели решались следующие задачи:

1. охарактеризовать общероссийский уровень использования цифровых технологий организациями и его различия по федеральным округам;
2. измерить степень межрегиональной вариации по отдельным видам технологий;
3. построить рейтинги субъектов Российской Федерации по группам показателей и сводный индекс, проверив наличие устойчивого лидера;
4. определить структуру отставания регионов с низким уровнем развития цифровых технологий;
5. сопоставить региональные различия с отраслевыми.

Объектом исследования являются организации Российской Федерации, обследуемые по форме федерального статистического наблюдения № 3-информ «Сведения об использовании цифровых технологий и производстве связанных с ними товаров и услуг». Предмет исследования – количественные характеристики распространенности цифровых технологий в разрезе субъектов Российской Федерации и видов экономической деятельности.

Информационную базу составили итоги указанного наблюдения за 2025 год [6]. Оно носит сплошной характер для средних и крупных организаций и выборочный – для малых. Следует отметить, что данные по Донецкой и Луганской Народным Республикам, Запорожской и Херсонской областям отсутствуют. Расчеты выполнены по 85 субъектам Российской Федерации.

Результаты исследования

В 2025 году цифровые технологии использовали 83,5% обследованных организаций. Наиболее массовыми остаются базовые решения: сеть Интернет применяли 79,9% организаций, персональные компьютеры – 77,0%, программные средства общего и специального назначения – 77,3%, электронный

документооборот – 71,7%. Доля организаций с подключением на скорости не ниже 256 Кбит/с составила 73,0%, причем распределение по скоростям смещено в среднюю зону: на диапазон 30,1–100 Мбит/с приходится 23,6% организаций, тогда как соединение быстрее 1 Гбит/с имеют лишь 3,4%.

Совершенно иначе выглядит картина по технологиям следующего уровня. Облачные сервисы использовали 21,1% организаций (в том числе с платным доступом – 13,2%), геоинформационные системы – 16,8%, цифровые платформы – 24,7%, технологии сбора и анализа больших данных – 7,4%, технологии искусственного интеллекта – 5,2%, промышленные роботы и автоматизированные линии – 2,1%, «цифровой двойник» – 1,1%. Разрыв между базовым и передовым контурами измеряется десятками процентных пунктов и остается главной структурной характеристикой цифровизации российских организаций.

Различия между федеральными округами по сводным показателям невелики (табл. 1). Доля организаций, использовавших цифровые технологии, изменяется от 75,7% в Северо-Кавказском федеральном округе до 86,6% в Сибирском, то есть размах не достигает 11 проц. п. По искусственному интеллекту порядок округов оказывается почти обратным: Центральный округ (6,1%) опережает Сибирский (4,5%) и Дальневосточный (3,6%).

Таблица 1. Использование цифровых технологий организациями по федеральным округам Российской Федерации в 2025 г., %

Федеральный округ	Цифровые технологии – всего	Интернет	Широкополосный доступ в интернет	Электронный документооборот	Программные средства	Средства защиты информации	Облачные сервисы	Искусственный интеллект
Российская Федерация	83,5	79,9	73,0	71,7	77,3	64,9	21,1	5,2
Центральный	83,3	78,5	71,5	72,7	74,5	62,9	22,2	6,1
Северо-Западный	84,3	80,3	74,0	73,2	77,6	67,5	22,1	4,9
Южный	82,6	79,3	71,0	68,6	78,0	63,5	20,7	4,4
Северо-Кавказский	75,7	73,2	64,8	60,6	72,0	54,8	20,2	5,1
Приволжский	83,0	80,0	73,2	71,5	78,2	65,8	20,4	5,2
Уральский	85,3	81,9	79,1	73,3	79,7	68,7	22,5	5,0
Сибирский	86,6	84,0	77,4	74,5	82,1	68,6	20,1	4,5
Дальневосточный	84,6	81,3	71,5	71,3	79,5	66,4	18,6	3,6

Источник: рассчитано автором по материалам [6]

Устойчивость окружных средних не должна вводить в заблуждение: внутри округов различия между субъектами гораздо заметнее. Оценка вариации по субъектам представлена в табл. 2.

Таблица 2. Дифференциация субъектов Российской Федерации по отдельным показателям использования цифровых технологий в 2025 г.

Показатель	РФ, %	Минимум, %	Максимум, %	Размах, проц. п.	Коэффициент вариации, %	Лидирующий субъект
Организации, использовавшие Интернет	79,9	52,7	88,9	36,2	7,2	Липецкая область
Программные средства	77,3	50,4	87,0	36,6	7,8	Липецкая область

Показатель	РФ, %	Минимум, %	Максимум, %	Размах, проц. п.	Коэффициент вариации, %	Лидирующий субъект
Веб-сайт в сети Интернет	50,1	33,4	57,9	24,5	8,5	Чувашская Республика
Электронный документооборот	71,7	43,1	81,1	38,0	9,3	Орловская область
Широкополосный доступ	73,0	41,8	86,9	45,1	10,1	Свердловская область
Средства защиты информации	64,9	37,0	80,6	43,6	10,9	Сахалинская область
Корпоративный VPN	29,2	11,3	36,7	25,4	17,0	Ямало-Ненецкий авт. округ
Облачные сервисы	21,1	9,9	37,4	27,5	18,6	Чеченская Республика
Цифровые платформы	24,7	9,4	37,0	27,6	19,7	Чувашская Республика
Технологии RFID	9,7	4,2	13,9	9,7	21,7	Ямало-Ненецкий авт. округ
Интернет вещей	8,6	1,6	16,5	14,9	25,7	Чеченская Республика
Искусственный интеллект	5,2	1,2	8,4	7,2	28,5	Воронежская область
Центры обработки данных	5,8	1,8	11,5	9,7	35,4	Чеченская Республика
Большие данные	7,4	0,9	26,1	25,2	47,6	Чеченская Республика
Промышленные роботы	2,1	0,0	4,3	4,3	51,2	Московская область

Источник: рассчитано автором по материалам [6]

Коэффициент вариации по базовым показателям не превышает 11%, что означает практически однородную совокупность. По передовым технологиям он возрастает до 25–51%. Это свидетельствует о том, что совокупность делится на небольшую группу регионов с заметным внедрением и основную массу субъектов, где такие решения носят единичный характер. Промышленные роботы применяются в 4,3% организаций Московской области и не зафиксированы в Республике Тыва и Чукотском автономном округе.

Особое внимание следует обратить на показатели Чеченской Республики. Субъект занимает первое место по большим данным (26,1% при среднероссийском уровне 7,4%), облачным сервисам (37,4%), интернету вещей (16,5%) и центрам обработки данных (11,5%), оставаясь при этом в середине распределения по доступу к сети Интернет и в последней трети по средствам защиты информации. Такое сочетание не имеет содержательного объяснения через структуру экономики республики и, вероятнее всего, отражает особенности заполнения формы отдельными респондентами. При интерпретации рейтингов эти значения следует рассматривать как выбросы, требующие дополнительной проверки.

Для сводной оценки показатели объединены в четыре группы:

1. инфраструктура доступа (Интернет, широкополосный доступ, персональные компьютеры, серверы);

2. деловые цифровые решения (веб-сайт, электронный обмен данными, электронный документооборот, программные средства общего и специального назначения, цифровые платформы, аккаунт в социальной сети);

3. передовые технологии (большие данные, искусственный интеллект, интернет вещей, RFID, роботы, аддитивные технологии, «цифровой двойник», облачные сервисы, центры обработки данных, геоинформационные системы);

4. средства защиты информации.

Значения каждого показателя нормированы методом «минимакс» по 85 субъектам и переведены в шкалу от 0 до 100. Групповая оценка получена как средняя арифметическая нормированных значений, сводный индекс – как средняя четырех групповых оценок. Результаты для лидирующих субъектов приведены в таблице 3.

Таблица 3. Субъекты Российской Федерации с наиболее высокими значениями сводного индекса использования цифровых технологий организациями, 2025 г.

Ранг	Субъект Российской Федерации	Инфра-структура доступа	Деловые цифровые решения	Передовые технологии	Средства защиты информации	Сводный индекс
1	Сахалинская область	93,5	80,7	56,9	89,4	80,1
2	Чувашская Республика – Чувашия	87,1	89,5	51,9	89,7	79,5
3	Владимирская область	89,8	81,0	61,3	80,4	78,1
4	Белгородская область	87,2	79,6	58,7	85,1	77,7
5	Свердловская область	98,2	78,6	49,9	82,3	77,2
6	Томская область	89,5	79,5	53,2	83,7	76,5
7	Кемеровская область – Кузбасс	89,4	74,5	58,3	83,6	76,4
8	Пермский край	85,6	81,7	53,1	80,7	75,2
9	Липецкая область	91,1	77,8	49,9	77,1	74,0
10	Ставропольский край	92,2	75,0	41,4	78,4	71,8

Источник: рассчитано автором по материалам [6]

Ярко выраженного лидера рейтинг не выявляет. Разрыв между первым и десятым местом составляет 8,3 балла, между десятым и двадцатым – 2,9 балла. В первую десятку одновременно по всем четырем группам показателей входят только три субъекта – Сахалинская, Владимирская и Белгородская области, причем ни один из них не занимает первого места ни по одной из групп. Сахалинская область имеет наилучший в стране результат по доле организаций, использовавших средства защиты информации (80,6%) и программные средства специального назначения (78,0%), однако по инфраструктуре доступа уступает Свердловской области, а по деловым цифровым решениям – Чувашской Республике.

Интерес представляет Свердловская область, которая лидирует по инфраструктуре доступа (широкополосный доступ имеют 86,9% организаций – лучший результат в стране), но по группе передовых технологий занимает 19-е место. Ставропольский край при третьем результате по инфраструктуре находится на 41-м месте по передовым технологиям. Московская область, напротив, вторая по передовым технологиям и лишь 73-я по инфраструктуре доступа. Лидерство в цифровизации организаций носит преимущественно специализированный характер.

Отдельного внимания заслуживает оценка положения столичных регионов. Так, Москва по доле организаций, использовавших цифровые технологии, находится ниже среднероссийского уровня (82,1% против 83,5%), по широкополосному доступу – 66,3% против 73,0%, по средствам защиты информации – 55,6% против 64,9%. В сводном рейтинге ей соответствует лишь 74-е место. Объяснение сложившейся ситуации заключается в том, что в столице сосредоточено большое число небольших организаций, занятых операциями с недвижимым имуществом, профессиональной, научной и административной деятельностью, а именно в этих видах деятельности проникновение цифровых технологий минимально.

Санкт-Петербург, где структура организаций иная, занимает 20-е место при 4-м результате по передовым технологиям. Этот пример показывает, что показатель доли организаций чувствителен к составу совокупности и его нельзя отождествлять с уровнем развития цифровой экономики региона [2].

Проверка связи между группами показателей подтверждает многомерность явления. Линейный коэффициент корреляции между долей организаций, использовавших цифровые технологии, и долей организаций, применявших искусственный интеллект, равен 0,11, а с долей организаций, работающих с большими данными, – -0,05. Внутри базового контура связь, напротив, тесная: между использованием Интернета и программных средств – 0,97, между широкополосным доступом и средствами защиты информации – 0,88. Передовые технологии образуют самостоятельный блок с умеренными связями внутри него (между большими данными и интернетом вещей – 0,73, между облачными сервисами и интернетом вещей – 0,76). Насыщение базовой инфраструктурой само по себе не приводит к освоению технологий следующего поколения. Для этого требуются иные условия, прежде всего наличие квалифицированных кадров и организаций, способных формулировать задачи для таких технологий [1].

Нижнюю часть рейтинга формируют регионы с принципиально разными типами отставания (табл. 4).

Таблица 4. Субъекты Российской Федерации с наиболее низкими значениями сводного индекса и отклонения отдельных показателей от среднероссийского уровня, 2025 г., п.п.

Субъект Российской Федерации	Сводный индекс	Ранг	Интернет	Широкополосный доступ в интернет	Электронный документооборот	Средства защиты информации	Облачные сервисы	Искусственный интеллект
Республика Ингушетия	12,1	85	-27,2	-31,2	-28,6	-27,9	-3,6	-0,5
Республика Дагестан	16,4	84	-14,5	-22,9	-20,9	-26,8	-5,0	-1,6
Кабардино-Балкарская Республика	23,4	83	-22,1	-21,7	-26,2	-21,5	-2,1	+1,1
Республика Бурятия	39,9	82	-7,4	-12,2	-5,4	-11,5	-2,6	-1,2
Республика Тыва	43,0	81	+0,7	+6,7	+6,8	-0,9	-11,2	-4,0

Источник: рассчитано автором по материалам [6]

Первый тип отставания – общая неразвитость цифровых технологий. Он характерен для Республики Ингушетия, где их использовали 54,1% организаций против 83,5% в среднем по стране, широкополосный доступ имели 41,8% организаций против 73,0%, а средства защиты информации применяли 37,0% против 64,9%. При этом по передовым технологиям республика от среднероссийского уровня почти не отличается: большие данные – 7,3% против 7,4%, искусственный интеллект – 4,7% против 5,2%. Похожая ситуация наблюдается в Республике Дагестан и Кабардино-Балкарской Республике. Для таких регионов первоочередными являются не программы внедрения перспективных решений, а обеспечение организаций устойчивым скоростным подключением, базовыми программными средствами и переход на электронный документооборот.

Особенно тревожно выглядит информационная безопасность: в Республике Дагестан средства строгой аутентификации используют 24,6% организаций против 51,4% в среднем по стране, резервное копирование на внешние носители – 13,4% против 25,0%. При растущем числе киберинцидентов такое отставание создает риски не только для самих организаций, но и для их контрагентов [3].

Второй тип можно охарактеризовать как избирательное отставание. Республика Тыва превосходит среднероссийский уровень по доле организаций, использовавших цифровые технологии (86,5%), по широкополосному доступу (79,7%) и по программным средствам специального назначения (72,9%), но замыкает рейтинг по всей группе передовых технологий: большие данные – 0,9%, искусственный интеллект – 1,2%, интернет вещей – 1,6%, облачные сервисы – 9,9%, цифровые платформы – 9,4%. Схожая картина наблюдается в Республике Саха (Якутия), Чукотском автономном округе и Камчатском крае. Здесь задача состоит не в дооснащении, а в формировании спроса на сложные цифровые решения через поддержку проектов внедрения, подготовку профильных специалистов и развитие центров компетенций.

Соотношение крайних децильных групп по сводному индексу составляет 2,19 раза. Для показателей, значительная часть которых близка к насыщению, это существенная величина: она формируется главным образом за счет группы передовых технологий, где различия между первым и последним децилем достигают многократных значений.

Отраслевые различия использования цифровых технологий представлены в табл. 5.

Таблица 5. Использование цифровых технологий организациями по отдельным видам экономической деятельности в 2025 г., %

Вид экономической деятельности	Цифровые технологии – всего	Веб-сайт	Электронный документооборот	Облачные сервисы	Искусственный интеллект	Средства защиты информации	Программные средства спец. назначения
Всего по обследованным организациям	83,5	50,1	71,7	21,1	5,2	64,9	61,9
Сельское, лесное хозяйство, рыболовство	79,0	31,5	69,4	17,8	1,9	60,5	55,8
Добыча полезных ископаемых	74,0	34,8	61,5	13,8	2,0	57,4	56,9
Обрабатывающие производства	87,7	58,9	77,2	21,4	3,8	74,7	71,2
Строительство	72,3	32,5	59,2	15,0	1,7	51,6	50,0
Оптовая и розничная торговля	87,5	53,7	75,5	32,5	12,2	76,2	74,2
Транспортировка и хранение	83,4	46,3	71,7	22,2	4,2	69,2	66,8
Деятельность в области информации и связи	88,5	61,1	75,3	31,5	12,0	69,7	63,7
в том числе телекоммуникации	92,8	72,1	85,0	44,0	26,0	81,8	77,7
Финансовая и страховая деятельность	86,1	60,3	71,5	28,7	7,6	69,5	65,8
Операции с недвижимым имуществом	76,4	27,7	66,0	14,0	1,5	48,6	48,0
Профессиональная, научная и техническая деятельность	76,9	36,7	65,3	15,6	2,8	53,4	52,4

Вид экономической деятельности	Цифровые технологии – всего	Веб-сайт	Электронный документооборот	Облачные сервисы	Искусственный интеллект	Средства защиты информации	Программные средства спец. назначения
Государственное управление	86,2	51,7	74,8	14,3	1,6	66,7	61,8
Высшее образование	80,6	70,1	70,7	27,6	10,5	67,2	66,0
Здравоохранение и социальные услуги	86,0	71,1	78,2	21,5	4,6	70,7	64,0

Источник: составлено автором по материалам [6]

По доле организаций, использовавших цифровые технологии, отрасли различаются в пределах 72,3–92,8%, тогда как по искусственному интеллекту разрыв достигает 17-ти раз: от 1,5% в операциях с недвижимым имуществом до 26,0% в телекоммуникациях. Среди массовых видов деятельности заметно выделяется торговля: 12,2% организаций применяют искусственный интеллект, 32,5% – облачные сервисы, 14,5% – большие данные, что объясняется конкурентной средой, работой с большими массивами транзакционных данных и высокой долей организаций, встроенных в маркетплейсы. Строительство и операции с недвижимым имуществом устойчиво замыкают отраслевые распределения по всем группам показателей.

Обращает на себя внимание положение сектора высшего образования: при среднем уровне базовой цифровизации (80,6%) он показывает наиболее высокую среди нетехнологических отраслей долю организаций, использующих искусственный интеллект (10,5%), аддитивные технологии (15,3%) и RFID (25,1%), что связано с исследовательской и учебной инфраструктурой университетов. Государственное управление, напротив, при высокой доле организаций с базовыми технологиями (86,2%) демонстрирует минимальные значения по облачным сервисам (14,3%) и искусственному интеллекту (1,6%) – во многом из-за требований к размещению и обработке данных.

Проведенный анализ позволяет сформулировать основные проблемы:

- разрыв между уровнями цифровизации: при охвате базовыми технологиями на уровне 77–84% организаций передовые решения применяют от 1 до 8% организаций;
- неоднородность отставания регионов, требующая разных мер. Так, в республиках Северо-Кавказского федерального округа важным представляется восполнение базового контура, а в Республике Тыва и ряде дальневосточных регионов – формирования спроса на сложные решения;
- низкий уровень защищенности информации в отстающих регионах, где средства защиты использует менее половины организаций;
- отраслевая асимметрия, при которой строительство, операции с недвижимым имуществом и профессиональная деятельность отстают от промышленности и торговли по всем группам показателей;

С учетом изложенного целесообразно принять следующие меры:

- дифференцировать региональную политику цифровизации, выделив группу субъектов с незавершенным базовым контуром, где приоритетами выступают скоростное подключение, программные средства и электронный документооборот;
- для регионов с развитой инфраструктурой, но низким освоением передовых технологий, сместить акцент на подготовку кадров, поддержку пилотных проектов и создание центров компетенций по работе с данными [1];
- включить показатели информационной безопасности в число обязательных ориентиров региональных программ цифрового развития, поскольку по ним отставание выражено сильнее, чем по показателям доступа [5].

Заключение

Статистическое изучение использования организациями цифровых технологий в 2025 году показывает двухслойную структуру процесса. Базовый слой близок к насыщению и территориально однороден: коэффициент вариации по показателям доступа к сети Интернет и применения программных средств не превышает 8%. Второй слой, объединяющий большие данные, искусственный интеллект, интернет вещей и промышленную робототехнику, охватывает единицы процентов организаций и распределен по территории страны крайне неравномерно – коэффициент вариации достигает 25–51%.

Единого лидера среди субъектов Российской Федерации нет. Сахалинская область, Чувашская Республика, Владимирская, Белгородская и Свердловская области возглавляют сводный рейтинг, но каждая из них уступает по одной-двум группам показателей. Регионы, занимающие первые места по передовым технологиям, редко входят в число лидеров по инфраструктуре доступа. Столичные регионы не образуют исключения: показатель доли организаций отражает прежде всего структуру обследуемой совокупности и требует осторожной интерпретации.

Диагностика отстающих регионов должна начинаться с определения типа отставания. Если проседает базовый контур, как в Республике Ингушетия, Республике Дагестан и Кабардино-Балкарской Республике, внимание следует обращать в первую очередь на широкополосное подключение, программные средства, электронный документооборот и средства защиты информации – именно здесь разрывы со среднероссийским уровнем достигают 20–31 процентного пункта. Если базовые показатели соответствуют среднероссийским, а отставание сосредоточено в передовых технологиях, как в Республике Тыва, решение лежит в области кадров, компетенций и поддержки проектов внедрения, а не инфраструктуры.

Дальнейшее развитие исследования связано с построением динамических рядов по рассмотренным показателям, что позволит отделить устойчивые различия от колебаний, обусловленных изменением состава обследуемых организаций, а также с оценкой влияния отраслевой структуры региональной экономики на положение субъекта в рейтинге.

Литература:

1. Ефимова М.Р., Долгих Е.А. Кадры цифровой экономики: возможности и перспективы // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин: Материалы II Международного научного форума, Москва, 06–07 декабря 2018 года. Том Выпуск 3. – Москва: Государственный университет управления, 2018. – С. 210–215. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36894921&ysclid=mtxuiullox39092468> (дата обращения: 12.09.2026)
2. Долгих Е.А., Першина Т.А. Анализ развития цифровой экономики в странах Европы // E-Management. – 2022. – Т. 5, № 2. – С. 83–90. – DOI 10.26425/2658-3445-2022-5-2-83-90. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48725470> (дата обращения: 08.09.2026)
3. Адамова Г.А., Хабиб М.Д., Теплякова М.Ю. Проблемы информационного обеспечения стратегического менеджмента // Устойчивое и инновационное развитие в цифровую эпоху: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 22–23 мая 2019 года. Том Часть 1. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2019. – С. 316–327. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41149324&ysclid=mtxukdq2h4103889491> (дата обращения: 10.09.2026)
4. Ефимова М.Р., Долгих Е.А., Паршинцева Л.С. Статистические исследования становления цифровой экономики в Российской Федерации. – Москва: Государственный университет управления, 2018. – 122 с. – ISBN 978-5-215-03122-3. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36598115> (дата обращения: 05.09.2026)

5. Долгих Е.А., Паршинцева Л.С. Статистическое изучение использования сети Интернет населением в Российской Федерации // Вестник университета. – 2019. – № 1. – С. 108-112. – DOI 10.26425/1816-4277-2019-1-108-112. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37082536> (дата обращения: 05.09.2026)

6. Использование цифровых технологий в организациях: итоги федерального статистического наблюдения по форме № 3-информ за 2025 год / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 05.09.2026)

7. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Режим доступа: <http://government.ru/info/54314/> (дата обращения: 12.09.2026)

Рыбаков А.А.

аспирант

Институт истории и политики

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

e-mail: arybakov2000@gmail.com

Rybakov A.A..

Postgraduate Student

Institute of History and Politics

Moscow Pedagogical State University

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ AMTORG TRADING CORPORATION В СИСТЕМЕ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В 1920-Е – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

Аннотация. Статья посвящена информационно-аналитической деятельности Amtorg Trading Corporation в системе советско-американского экономического сотрудничества в 1920-е – начале 1930-х гг. Целью исследования является определение основных направлений и функций информационной деятельности Амторга. Показано, что к концу 1920-х гг. информационно-аналитическая деятельность Амторга приобрела двунаправленный характер. С одной стороны, компания распространяла среди американских деловых кругов сведения о советской экономике и перспективах сотрудничества, с другой – обеспечивала советские хозяйственные организации данными об американском рынке и промышленности. Делается вывод о том, что Амторг выступал не только торговым посредником, но и важным элементом информационного и технологического взаимодействия СССР и США.

Ключевые слова: Amtorg Trading Corporation, Амторг, СССР, США, советско-американские отношения, торгово-экономическое сотрудничество, информационно-аналитическая деятельность.

INFORMATION AND ANALYTICAL ACTIVITIES OF AMTORG TRADING CORPORATION IN THE SYSTEM OF SOVIET-AMERICAN ECONOMIC COOPERATION IN THE 1920s–EARLY 1930s

Abstract. The article examines the information and analytical activities of Amtorg Trading Corporation within the framework of Soviet-American economic cooperation in the 1920s and early 1930s. The purpose of the study is to identify the main directions and functions of Amtorg's information activities. It is shown that by the late 1920s Amtorg's information and analytical activities had acquired a two-way character. On the one hand, the company disseminated information on the Soviet economy and prospects for cooperation among American business circles; on the other hand, it provided Soviet economic organizations with information on the American market and industry. The article concludes that Amtorg acted not only as a trade intermediary but also as an important element of informational and technological interaction between the USSR and the United States.

Keywords: Amtorg Trading Corporation, Amtorg, USSR, United States, Soviet-American relations, trade and economic cooperation, information and analytical activities.

В исследованиях деятельности Amtorg Trading Corporation основное внимание традиционно уделяется участию компании в торгово-экономических операциях. Это объясняется прежде всего тем, что Амторг в 1920-е – начале 1930-х гг. являлся главным посредником и агентом советско-американского взаимодействия. При этом информационно-аналитическое направление деятельности Амторга не

становилось самостоятельным предметом исследования, а, как правило, рассматривалось в контексте его торгово-посреднических функций. Информационно-аналитическая работа присутствовала в деятельности Амторга уже в первые годы его существования, однако к концу 1920-х гг. она приобрела значительно более организованный и самостоятельный характер.

Первоначально информационно-аналитическая функция Амторга непосредственно примыкала к торгово-экономической деятельности компании. Подбор поставщиков, анализ технических характеристик товаров, ведение переговоров о закупках, выгодное кредитование, все эти процессы требовали бесперебойного обеспечения информацией лиц, задействованных в них. В этой связи информационная работа становилась одним из ключевых аспектов торгово-экономической деятельности Амторга на территории США. Но по мере расширения торговли, информационно-аналитический компонент постепенно перерастал в самостоятельное и крайне важное направление деятельности организации. К концу 1920-х гг. информационно-аналитическая деятельность Амторга приобрела двойственный характер: с одной стороны, она была ориентирована на продвижение экономических интересов СССР в американской деловой среде, а с другой – обеспечивала советские хозяйственные органы сведениями об американском рынке, технологиях и промышленности. Цель данной статьи заключается в выявлении основных направлений и функций информационно-аналитической деятельности Amtorg Trading Corporation, а также в определении ее места в механизме советско-американского торгово-экономического сотрудничества. Предлагается рассматривать данную деятельность как систему двунаправленного информационного посредничества. С одной стороны, посредничество включало передачу экономической и технической информации из США советским хозяйственным организациям, а с другой – распространение сведений о советской экономике в среде американского бизнеса.

Основным подразделением, занимавшимся информационно-аналитической деятельностью в структуре Амторга был Информационный отдел (Information Department). В рамках этого подразделения происходили аккумуляция, анализ и публикация информации. Отдел занимался публикацией и распространением статистических сборников, брошюр, экономических обзоров, технических каталогов продукции и т.д. Издательскую деятельность отдела можно разделить на два основных направления. Первое было рассчитано на американскую аудиторию и предназначалось не только для формирования благоприятного образа Советского государства в целом, но и для реального привлечения американского бизнеса к совместной работе. В рамках данного направления корпус изданий был представлен прежде всего статистическими сборниками об экономике СССР, обзорами внешней торговли и экономики, брошюрами [См., например, 11, 12]. Второе направления включало в себя материалы, предназначенные для советских партийных и государственных деятелей, а также работников хозяйственных органов. Сюда относятся каталоги американской продукции, технические журналы, обзоры и справочники американской промышленности [См., например, 6].

Периодика, издаваемая Амторгом в рамках первого направления с одной стороны играла важную роль в информировании потенциальных партнеров, а с другой рекламировала возможности взаимодействия с Советским государством. Важной особенностью информационной политики Амторга было то, что направлена она была на довольно узкую прослойку американского общества. Прежде всего на представителей бизнеса и политические круги. Это было обусловлено как спецификой деятельности компании, так и методами информационного воздействия, характерными для Советского государства в США в обозначенный период [7, с. 31]. Информационный отдел Амторга активно взаимодействовал с американской прессой для продвижения позитивного образа Советского Союза. С этой целью в редакции газет и журналов предоставлялись статистические материалы, данные о достижениях советской экономике и крупных проектах. Особое внимание при этом уделялось темам, которые потенциально

могли заинтересовать американский бизнес. В то же время, работа с прессой должна была снижать негативный эффект от критики в адрес СССР и Амторга. Через прессу Амторг стремился представить советско-американское экономическое сотрудничество, прежде всего, как взаимовыгодный процесс, который может и должен идти отдельно от политических разногласий [13, р. 4]. Важной частью информационно-аналитической работы был анализ публикаций, посвященных СССР и Амторгу. Специалистами Амторга анализировались десятки изданий, результаты проведенной работы направлялись в Москву [3, с. 200-202]. Столь кропотливый труд проводился не просто так. Именно по результатам предоставляемых аналитических записок информационная политика корректировалась, изменялись методы и ее направления. Кроме того, американская периодика являлась альтернативным источником информации, нередко отличной от той, что предоставлялась в официальных отчетах советскому руководству [4, с. 555].

Анализ англоязычных публикаций Амторга позволяет выявить модель репрезентации Советского государства, предназначенную американскому бизнесу [9, 10]. Эта модель включала в себя ряд основополагающих элементов. Первым элементом являлось представление о высоких и устойчивых темпах роста советской экономики. Оно должно было подчеркивать надежность СССР как торгово-экономического партнера. Вторым выступало представление о Советском Союзе как о крупном потенциальном рынке сбыта американской продукции. Третьим элементом являлось представление о долгосрочном и относительно предсказуемом характере советского спроса. То есть в данном случае специфика плановой экономики выступала в качестве возможной гарантии того, что закупки не ограничатся несколькими партиями, а будут продолжаться в соответствии с требованиями пятилеток. Стоит оговориться, что формирование благоприятного образа СССР само по себе не могло обеспечить развитие прочных связей с американским бизнесом. Для этого требовалась реальная работа по установлению контактов, ведению переговоров и заключению контрактов. Вместе с тем наличие благоприятного образа советского государства было призвано снизить настороженность со стороны американских компаний в отношении сотрудничества с СССР. Справедлива оценка российского исследователя О.О. Резаненко, согласно которой возможности советской пропаганды в США были весьма ограничены и куда большее влияние на американское общество оказывали реальные успехи советской экономики [5, с. 118-119]. Тем не менее, информация, распространяемая Амторгом, играла заметную вспомогательную роль. Компания, разумеется, не могла самостоятельно кардинально поменять отношение американской общественности к СССР. Но она могла влиять на то, какие материалы о советской экономике попадали в деловую и общественно-политическую прессу. Регулярная публикация экономических материалов давала возможность Амторгу привлекать внимание американского бизнеса к СССР как к потенциальному торговому партнеру. А для американских предпринимателей главным аргументом в пользу сотрудничества прежде всего являлись конкретные экономические показатели и перспективы получения долгосрочных заказов.

Не менее важной была деятельность Амторга по обеспечению информацией советских руководителей, хозяйственных органов, предприятий и научных организаций. Так, например, в феврале 1928 г. Наркомторг предписывал Амторгу предоставлять советским экспортным организациям максимально подробную коммерческую информацию о требованиях американского рынка, спецификациях и качестве товаров, упаковке, ценах и возможностях реализации советской продукции в США [1, с. 250-251]. Кроме того, на компанию возлагалась задача знакомить советские хозяйственные и научные организации с достижениями американской промышленности и техники. Это приобретало особую актуальность и в связи с тем, что советские специалисты довольно слабо знали американскую технику, в отличие, например, от европейской [2, с. 247]. Посредством сбора и передачи информации Амторг принимал прямое участие в формировании представления о технических возможностях

американской промышленности у советских специалистов. Во взаимодействии с техническими специалистами, сотрудники информационного отдела на постоянной основе собирали экономическую и техническую информацию и передавали ее в СССР [8, с. 180-181]. То есть Амторг выступал в качестве одного из звеньев во всем процессе трансфера американских технологий. В этой связи компанию необходимо рассматривать не просто как торгового посредника, но и как своеобразного посредника в передаче технологий и знаний. Амторг участвовал в поиске поставщиков, переводе информации в доступную для советского специалиста форму, выборе фирм и оборудования, а также в дальнейшем сопровождении сделки. Данный функционал значительно вырос к концу 1920-х гг., в период первой пятилетки. Именно тогда относительно ограниченный импорт готовых машин сменился системным освоением американских технологий, производственных методов и опыта.

Таким образом, информационно-аналитическая деятельность Amtorg Trading Corporation являлась важной частью механизма советско-американского экономического взаимодействия. В информационной работе Амторга можно выделить два взаимосвязанных направления. Первое было ориентировано на американскую аудиторию и заключалось в распространении сведений о советской экономике, внешней торговле и перспективах сотрудничества с СССР. Его основной целевой группой являлись прежде всего представители деловых кругов США. Амторг стремился представить Советский Союз как крупного, платежеспособного и перспективного торгового партнера. Одновременно компания отслеживала и анализировала американскую прессу на предмет восприятия СССР в США. Второе направление было связано с информационным обеспечением советских государственных и хозяйственных органов. Сбор технических, коммерческих и экономических сведений об американской промышленности позволял Амторгу участвовать не только в организации закупок, но и в передаче в СССР знаний об американских технологиях и производственном опыте. Амторг выступал не только торговым посредником, но и важным звеном информационного и технологического взаимодействия СССР и США.

Литература:

1. Директивы Наркомторга СССР о торговых взаимоотношениях СССР с США. 8 февраля 1928 г. // Россия и США: экономические отношения. 1917–1933 гг.: сб. док. / сост. А. Ю. Бахтурина [и др.]; отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Е. А. Тюрина. М.: Наука, 1997. С. 250–255.
2. Докладная записка Московской конторы Амторга в Наркомторг СССР «Дефекты работы Амторга и возможный путь их устранения». 15 января 1928 г. // Россия и США: экономические отношения. 1917–1933 гг.: сб. док. / сост. А. Ю. Бахтурина [и др.]; отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Е. А. Тюрина. М.: Наука, 1997. С. 246–247.
3. Из обзора статей в американской периодической печати об СССР за 15 июля – 15 августа 1927 г., составленного Амторгом. 18 августа 1927 г. // Россия и США: экономические отношения. 1917–1933 гг.: сб. док. / сост. А. Ю. Бахтурина [и др.]; отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Е. А. Тюрина. М.: Наука, 1997. С. 200–202.
4. Морозова О. М., Трошина Т. И. Добро пожаловать, или пожалуйста на выход: советская и иностранная пресса в дискуссиях о концессионной программе СССР, 1920-е гг. // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 13, № 3. С. 542–559.
5. Резаненко О. О. Американская пресса о советской индустриализации в 1920–1930-е годы // Самарский научный вестник. 2016. Т. 5, № 2 (15). С. 115–120.
6. Справочник американской промышленности и торговли. 2-е изд. Нью-Йорк: Амторг, 1930. 980 с.
7. Тихий К. Т. Проблемы формирования позитивного образа СССР в США в первой половине 1920-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 1. С. 21–32.

8. Шпотов Б. М. Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928–1933 гг. // Экономическая история: ежегодник. 2005. М.: РОССПЭН, 2005. С. 172–196.

9. Bogdanov P. A. A Statement on Soviet-American Trade. New York: Information Department, Amtorg Trading Corporation, 1931. 15 p.

10. Bron S. G. Address by Mr. Saul G. Bron, Chairman of the Board of Directors of Amtorg Trading Corporation, Delivered at the Luncheon Meeting of Export Managers' Club of New York, November 27, 1928. New York: Amtorg Trading Corporation, Information Department, 1928. 15 p.

11. Economic Review of the Soviet Union: A Semi-Monthly Survey of Soviet Economic Developments and of Trade between the United States and the Soviet Union. New York: Amtorg Trading Corporation, Information Department, 1926–1935.

12. Economic Statistics of the Soviet Union (Union of Socialist Soviet Republics). 2nd ed., rev. and enl. New York: Amtorg Trading Corporation, 1928. 96 p.

13. Russian Trade // Morning Register. Eugene, Oregon. 1928. July 3. Vol. LXIII, no. 19. P. 4.

Рыбалко К.А.

магистрант

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

Rybalko K.A.

Master's student

Ural State University of Economics

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с анализом результативности деятельности организации. Отдельно рассматриваются понятия «результативность» и «эффективность», их различия и связь между собой. Также представлены основные подходы, которые используются при построении системы оценки. К ним относятся сбалансированная система показателей, ключевые показатели эффективности, целевое управление, экономическая добавленная стоимость и стейкхолдерские модели. Далее предлагается комплексная методика оценки. Она включает целеполагание, выбор показателей, определение их весов, интегральную оценку и анализ показателей в динамике. При этом учитываются как финансовые, так и нефинансовые индикаторы, а также интересы заинтересованных сторон.

Ключевые слова: результативность, эффективность, методика оценки, сбалансированная система показателей, ключевые показатели эффективности, стейкхолдерский подход, интегральная оценка.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF ANALYZING ORGANIZATIONAL PERFORMANCE

Abstract. This article examines issues related to the analysis of organizational performance. It specifically addresses the concepts of "performance" and "efficiency," highlighting their differences and interrelationship. The article also outlines the main approaches used to construct an assessment system, including the Balanced Scorecard, Key Performance Indicators (KPIs), Management by Objectives (MBO), Economic Value Added (EVA), and stakeholder models. Furthermore, a comprehensive assessment methodology is proposed. This methodology encompasses goal setting, indicator selection, weight determination, integrated assessment, and dynamic analysis of indicators. It takes into account both financial and non-financial indicators, as well as the interests of stakeholders.

Keywords: performance, efficiency, assessment methodology, Balanced Scorecard, Key Performance Indicators, stakeholder approach, integrated assessment.

Введение

В настоящее время условия работы организаций достаточно быстро меняются. Одновременно усиливается и конкуренция. Поэтому оценку результативности уже нельзя рассматривать только как контроль отдельных показателей. Она используется и при принятии текущих решений, и тогда, когда речь идет о более длительной перспективе деятельности организации.

Ранее основное внимание чаще уделялось финансовым показателям. Сейчас подобного подхода уже недостаточно. Всё больше применяются системы, где учитываются интересы разных групп, в частности акционеров, клиентов, персонала, государства и местных сообществ. Поэтому анализ результативности нужен не просто для установления полученного результата. Необходимо посмотреть,

какие есть резервы повышения эффективности, как дальше может развиваться организация, требуется ли менять стратегию с учетом изменившихся условий.

Цель данной статьи состоит в систематизации методических основ анализа результативности деятельности организации. Также в работе предлагается практико-ориентированная последовательность оценочных процедур. Для этого рассматривается понятийный аппарат, существующие методические подходы и их особенности. Далее затрагивается выбор показателей, методы их интеграции, порядок проведения самой оценки.

В системе оценки деятельности организации постоянно используются два понятия – результативность и эффективность. В управленческой литературе они встречаются достаточно часто. Причем иногда используются практически рядом по смыслу. Но всё же говорить об их полном совпадении нельзя, так как они характеризуют разные стороны деятельности организации.

В классическом менеджменте, восходящем к работам Питера Друкера, результативность трактуется как «делать правильные вещи», а эффективность – как «делать вещи правильно» [1]. В первом случае речь идет преимущественно о выборе целей и направления деятельности. Во втором – уже о том, каким способом достигается нужный результат и сколько ресурсов для этого потребовалось.

В стандарте ISO 9000:2000 данные понятия также разделяются. Результативность – это степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов. Эффективность – соотношение между достигнутыми результатами и затраченными ресурсами [9]. Получается, что результативность показывает непосредственно достижение цели и имеет телеологический характер. Эффективность уже относится к ресурсной стороне. Другими словами, показывает, во что обошлось получение результата.

Если рассматривать результативность и эффективность совместно, можно выделить четыре типовые ситуации [2]. Первая – высокая результативность при высокой эффективности. Это наиболее благоприятное положение. Другой случай возникает тогда, когда цель достигнута, однако ресурсов на нее было затрачено слишком много. Результативность здесь будет высокой, эффективность – низкой. Может быть и наоборот. Ресурсы используются экономно, однако поставленного результата получить не удалось. Последний вариант – низкая результативность при низкой эффективности, что уже связано с кризисным состоянием организации.

Понятно, что одинаковые управленческие решения во всех этих случаях применять нельзя. Поэтому результативность и эффективность следует измерять раздельно. При дальнейшем анализе они уже рассматриваются вместе.

В отечественной экономической литературе результативность и эффективность также рассматриваются как разные, хотя и связанные между собой категории. Они дополняют друг друга. При этом одинаковыми по содержанию их считать нельзя. Сочетание результативности и эффективности связывается с устойчивым развитием организации [2]. В то же время в отдельных публикациях эти понятия могут смешиваться. В дальнейшем это уже влияет на построение системы показателей и приводит к методологическим ошибкам. Поэтому сначала целесообразно разделить показатели, которые характеризуют достигнутый результат, и показатели, которые показывают использование ресурсов. То есть отдельно целевые показатели и отдельно ресурсные.

Результативность при этом можно рассматривать на нескольких уровнях. На стратегическом уровне речь идет о миссии организации и долгосрочных целях. Тактический уровень связан уже с годовыми и квартальными планами. Операционный уровень – это текущие задания. Получается, что показатели здесь тоже не могут быть одинаковыми. Но при этом они должны быть связаны между собой, так как один уровень постепенно переходит в другой.

Подходы к оценке результативности менялись постепенно. Ранее основное внимание уделялось финансовым показателям. В первую очередь рассматривались рентабельность, оборачиваемость, ликвидность, прибыльность. Такой подход был достаточно распространен. Но к концу XX века стало понятно, что финансовых показателей уже недостаточно. Они в основном отражают результат, который уже получен. При этом нематериальные активы, инновационный потенциал, отношения с клиентами и персоналом через них практически не видны. Именно поэтому начали появляться другие подходы, более широкие по содержанию.

Одним из таких подходов стала сбалансированная система показателей Р. Каплана и Д. Нортон [3]. Авторы предложили рассматривать деятельность организации через четыре перспективы: финансовую, клиентскую, внутренних бизнес-процессов, обучения и развития. В данном случае стратегия переводится в конкретные цели и показатели. Показатели уже можно измерять, сравнивать между собой. Между ними устанавливаются причинно-следственные связи.

BSC позволяет соединить долгосрочные цели организации с текущей работой. При этом используются разные показатели. Это финансовые и нефинансовые показатели, внутренние и внешние, опережающие и запаздывающие индикаторы. За счет этого система получается более широкой.

Но BSC имеет и сложности. Само внедрение может быть достаточно трудным. Также не всегда просто установить количественную связь между отдельными показателями. Есть и еще один момент – интересы внешних стейкхолдеров учитываются не полностью, если речь идет не только о клиентах и акционерах. Несмотря на это, BSC продолжает использоваться как достаточно универсальная основа при построении системы оценки результативности.

Другой подход – Performance Prism, или «призма эффективности», разработанная Э. Нили и его коллегами [5]. Здесь внимание в первую очередь переносится на стейкхолдеров. Сначала нужно определить заинтересованные стороны и понять, чего они ожидают от организации.

Performance Prism включает пять граней: удовлетворённость стейкхолдеров, стратегии, процессы, возможности и вклад стейкхолдеров. При этом отношения между организацией и стейкхолдерами рассматриваются с двух сторон. Организация должна учитывать их интересы. Но одновременно и сама организация получает от них ресурсы, поддержку, определенное участие. Такой подход близок к теории стейкхолдеров Э. Фримена [4]. В ней успех организации связывается с тем, насколько она способна учитывать интересы разных групп влияния.

На операционном уровне достаточно широко используются KPI и управление по целям – MBO. KPI представляют собой конкретные показатели, которые можно измерить и связать со стратегическими целями. Через них оценивается работа подразделений и отдельных сотрудников. MBO, популяризированное П. Друкером, предполагает совместную постановку целей руководителем и подчинённым. Предполагается, что это повышает мотивацию и ответственность.

При этом у обоих подходов есть ограничение. Если внимание слишком сильно сосредоточено на конкретных числовых значениях, долгосрочные задачи могут отходить на второй план. Получается, что показатель выполнен, но это еще не всегда означает движение в нужном направлении.

Для оценки с позиции акционеров используется показатель экономической добавленной стоимости – EVA. Он рассчитывается как чистая операционная прибыль за вычетом платы за использованный капитал. EVA показывает финансовый результат с учетом стоимости капитала и ориентирована на увеличение стоимости компании. Также данный показатель связан с более эффективным использованием капитала.

Но EVA касается в основном финансовой стороны деятельности. Например, через этот показатель нельзя оценить клиентскую удовлетворённость, инновации, социальную ответственность и другие нефинансовые стороны деятельности.

Если рассматривать все представленные методики вместе, видно, что каждая из них имеет свои возможности и свои ограничения [6]. BSC дает достаточно сбалансированную структуру, но требует настройки под конкретную организацию. Performance Prism больше внимания уделяет стейкхолдерам, но сама система сложнее при реализации. KPI и MBO проще для использования, при этом могут приводить к «краткосрочному синдрому» [7]. EVA хорошо отражает создание акционерной стоимости, но практически не затрагивает нефинансовые показатели.

Поэтому в практике методы часто используются совместно. Например, BSC может выступать как общая стратегическая основа. Внутри неё цели дополнительно раскрываются через KPI. EVA в таком случае применяется отдельно для оценки использования капитала. Получается, что один подход дополняет другой. За счет этого оценка становится более полной.

На основе рассмотренных методов далее предлагается комплексная методика анализа результативности. Она включает несколько взаимосвязанных этапов. При этом сама методика может меняться с учетом отрасли, масштаба организации и особенностей ее деятельности.

Методика строится на нескольких принципах. Причем каждый из них относится к своей стороне оценки. Системность означает, что рассматривать один или два показателя недостаточно. Оценка должна затрагивать основные направления деятельности организации. Также тут учитываются связи, которые имеются между показателями.

Стратегическая направленность связана уже с целями организации. То есть используемые показатели должны каким-либо образом отражать стратегические приоритеты, иначе сама оценка будет существовать отдельно от стратегии.

Есть и принцип сбалансированности. В данном случае используются разные показатели: финансовые и нефинансовые, внешние и внутренние. Также сюда относятся опережающие и запаздывающие индикаторы.

Измеримость предполагает, что показатель вообще можно рассчитать. Для него должен быть понятен порядок расчёта и источник, из которого берутся данные. При этом источник должен быть достоверным.

Адаптивность означает возможность изменения методики. Если условия работы организации меняются, состав показателей или их веса тоже могут быть пересмотрены.

Еще один принцип – динамичность. Оценка проводится не один раз, а регулярно. Только в таком случае можно увидеть, куда меняется показатель и какой тренд формируется.

Далее можно перейти уже непосредственно к этапам оценки.

Этап 1. Целеполагание и декомпозиция стратегии. Первоначально уточняется миссия организации. Далее определяются стратегические цели, обычно на горизонте 3–5 лет. Но в таком виде цели ещё достаточно общие. Поэтому их разделяют на тактические задачи, а уже потом – на операционные задания.

В данном случае используется метод каскадирования. То есть одна общая цель постепенно доводится до каждого уровня управления. Также здесь может использоваться технология построения стратегических карт, предложенная в рамках BSC [3].

Этап 2. Разработка системы показателей. После целей возникает следующий вопрос – каким образом определить, достигнуты они или нет. Для этого к каждой цели подбирается один показатель либо несколько.

При выборе учитываются критерии SMART. Показатели должны быть конкретными, измеримыми, достижимыми, релевантными и ограниченными во времени.

Сразу все показатели рассматривать одним списком неудобно. Поэтому их обычно разделяют по группам. За основу здесь можно взять четыре классические перспективы BSC. В некоторых организациях этого недостаточно. Тогда добавляется пятая группа – «стейкхолдеры и социальная ответственность» [5].

Примерный набор групп показателей:

финансовые результаты – выручка, прибыль, рентабельность, ликвидность, оборачиваемость, EVA и др.;

клиенты и рынки – доля рынка, удовлетворённость клиентов, индекс лояльности (NPS), количество повторных покупок и др.;

внутренние процессы – производительность труда, длительность циклов, качество продукции, уровень брака, эффективность использования мощностей и др.;

инновации и развитие – доля новых продуктов, расходы на НИОКР, обучение сотрудников, текучесть кадров, уровень компетенций и др.;

стейкхолдеры и устойчивость – удовлетворённость сотрудников, экологические показатели, социальные инвестиции, репутационные индексы и др.

Тут есть и ограничение по количеству. Если показателей становится очень много, работать с ними уже сложно. Система начинает перегружаться. Поэтому рекомендуется, чтобы общее количество не превышало 20–25 [4].

Этап 3. Определение весов показателей. Показатели имеют разное значение. Один показатель может сильнее влиять на общую результативность, другой – меньше. Поэтому используются весовые коэффициенты.

Определяться они могут разными способами. Например, применяется экспертный подход, в том числе метод анализа иерархий – МАИ. Есть и статистические методы: факторный анализ, регрессия. Иногда используется комбинированный вариант.

На практике к такой работе могут привлекаться руководители разных уровней и внешние консультанты. Это дает несколько точек зрения. При этом веса нельзя устанавливать один раз и больше к ним не возвращаться. Их пересматривают не реже одного раза в год, с учетом того, как изменились стратегические приоритеты.

Этап 4. Сбор данных и расчёт фактических значений. На данном этапе уже собирается информация. Она может поступать из бухгалтерского, управленческого, статистического учёта. Используются и внешние источники. Например, рыночные исследования, различные опросы и др.

Если информации много, ручной сбор становится неудобным. Поэтому могут применяться ERP, CRM, BI-платформы.

Но сама информационная система еще не означает, что данные правильные. Перед расчётами их необходимо проверить. В первую очередь на достоверность, затем на сопоставимость.

Этап 5. Нормализация показателей. Здесь появляется проблема другого характера. Показатели имеют разные единицы измерения. Один рассчитывается в процентах, другой в рублях, третий может измеряться в днях. Поэтому объединить их сразу нельзя.

Сначала показатели необходимо привести к безразмерному виду.

Для этого может использоваться линейное масштабирование по формуле: $x_{norm} = \frac{x - x_{min}}{x_{max} - x_{min}}$ (если большее значение лучше), если большее значение лучше. В другом случае применяется обратное преобразование.

Также применяется стандартизация (z-преобразование). Здесь из показателя вычитается среднее значение, после чего результат делится на среднеквадратическое отклонение.

Еще один вариант – использование эталонов. Эталонными могут выступать плановые значения, нормативные либо лучшие в отрасли.

Какой способ нормализации выбрать, заранее однозначно сказать нельзя. Это зависит от самих данных и цели анализа.

Этап 6. Интегральная оценка. После нормализации показатели становятся сопоставимыми. Далее они объединяются с учетом установленных ранее весов.

В итоге рассчитывается сводный индекс результативности. Чаще всего применяется аддитивная свёртка, то есть взвешенное суммирование.

Но такая схема подходит не во всех случаях. Например, если показатели сильно зависят друг от друга или влияние имеет нелинейный характер. Тогда уже используются мультипликативные модели либо методы нечёткой логики.

Интегральный индекс показывает общий результат. Через него можно сравнить разные периоды, отдельные подразделения или организации. Можно посмотреть и динамику.

При этом причина изменения индекса остается не совсем понятной. Для этого нужен уже следующий этап.

Этап 7. Факторный анализ отклонений. Здесь фактические показатели сравниваются с планом или с предыдущими периодами. После этого определяется, за счет чего возникло отклонение.

Применяются методы детерминированного и стохастического факторного анализа. Они позволяют установить, какой именно показатель или фактор больше повлиял на итоговый результат. И только после такого разбора уже можно более обоснованно определять корректирующие мероприятия.

Этап 8. Интерпретация результатов и формирование отчётности. Одних расчетов для управления недостаточно. Полученную информацию ещё нужно объяснить и представить в понятном виде. Используются аналитические записки, дашборды, презентации. В них приводятся числовые данные, но вместе с ними должны быть выводы и рекомендации.

При этом одинаковую отчетность для всех делать не всегда имеет смысл. Высшему руководству требуется более общая информация. Линейный менеджер, наоборот, работает уже с конкретными показателями своего направления.

Этап 9. Принятие управленческих решений и мониторинг. Здесь результаты оценки переходят непосредственно в практическую работу.

Например, на основании анализа может изменяться стратегия. Может потребоваться пересмотр бюджета, отдельных бизнес-процессов или системы мотивации. Но после принятия решения сам процесс не прекращается. Начинается новый период. Снова собираются данные, опять проводится оценка. И далее цикл повторяется.

Методику можно использовать не только для организации в целом. Она применяется и для подразделения, проекта, отдельного сотрудника. Но показатели в каждом случае будут уже своими.

Для топ-менеджмента важны стратегические показатели: доля рынка, ROI, EVA. У руководителей среднего звена другой уровень – выполнение бюджета, качество, производительность. Для операционных работников могут использоваться индивидуальные KPI, например выработка или соблюдение сроков.

Тут важно, чтобы эти уровни не существовали каждый отдельно. Цели нижнего уровня должны быть связаны с более высокими целями [8]. В противном случае сотрудник может выполнить собственный показатель, но для всей организации это практически ничего не изменит. Еще один вопрос – время. Рассматривать результативность только за один период не совсем правильно. Нужно посмотреть, как она менялась раньше. Поэтому применяется трендовый анализ. Рассчитываются темпы роста, индексы сезонности. Также используется прогнозирование на основе регрессионных моделей.

Можно отдельно сопоставлять результативность и эффективность. Например, результативность увеличивается. Но при этом эффективность, наоборот, снижается. Получается, что организация достигает большего результата, однако и ресурсов расходует всё больше. Тут уже может возникать проблема именно с использованием ресурсов.

Есть и сравнение «план-факт». Оно показывает разницу между тем, что планировалось, и фактическим результатом. «Факт-факт» – это уже сравнение с прошлыми периодами. Также используется бенчмаркинг, то есть сравнение с лучшими практиками в отрасли.

Предложенная методика носит общий характер. Поэтому просто взять ее и одинаково применить в любой организации нельзя. Всё равно потребуются определенная адаптация.

Во время внедрения могут появляться разные трудности:

- недостаток релевантных данных или их низкое качество;
- сопротивление персонала введению новых измерительных процедур;
- сложность согласования весов и целевых значений;
- риски манипуляции показателями.

Поэтому начинать можно с пилотного проекта. Например, сначала использовать методику только в одном подразделении. Тогда становится проще увидеть, что работает, а что требует изменения.

Сотрудников также желательно привлекать к постановке целей и обсуждению показателей. Если человек понимает, откуда появился определенный показатель и зачем он используется, новая система обычно воспринимается проще.

Автоматизированные системы могут применяться для сбора и визуализации данных. Но и сама система оценки тоже требует проверки. Периодически проводится аудит, рассматривается обратная связь. После этого при необходимости что-то корректируется.

И еще один момент. Оценка результативности не должна превращаться в расчет ради самого расчёта. Можно получить интегральный индекс, но если дальше никаких решений не последует, практического значения в нем будет мало. Поэтому основное значение имеет уже интерпретация результата и то, какие действия после этого будут предприняты.

Выводы

В статье были рассмотрены методические аспекты анализа результативности деятельности организации. Результативность и эффективность связаны между собой, но одинаковыми категориями они не являются. Поэтому их сначала целесообразно измерять отдельно. Далее уже результаты можно рассматривать совместно.

Также были рассмотрены BSC, Performance Prism, KPI, MBO и EVA. Эти подходы отличаются между собой. У каждого есть свои особенности и определенные ограничения. Поэтому использование только одного подхода не всегда дает полную картину.

В работе предложена комплексная методика, состоящая из девяти этапов. Начинается она с постановки целей. После этого формируется система показателей, определяются веса, собираются данные. Далее проводится нормализация, рассчитывается интегральный индекс. После расчета анализируются отклонения, интерпретируются результаты и уже принимаются решения.

При этом методику нельзя считать полностью одинаковой для всех организаций. Она может использоваться в разных отраслях и при разном масштабе деятельности, но конкретные показатели и степень детализации будут отличаться.

Также многое зависит от данных. Если данные неточные или собираются нерегулярно, сама оценка тоже может быть не совсем достоверной. И еще имеет значение, используются ли результаты руководством. Если расчеты просто остаются в отчетности, система становится скорее формальной.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку отдельных отраслевых вариантов методики. Также может учитываться специфика цифровой трансформации. Еще одно направление связано с использованием методов машинного обучения при анализе данных.

Литература:

1. Друкер П. Ф. Управление, нацеленное на результаты: пер. с англ. – М.: Технологическая школа бизнеса, 1994.
2. Пыткин А. Н., Блаженкова Н. М. Взаимосвязь эффективности и результативности деятельности хозяйственной организации // Журнал экономической теории. – 2008. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-effektivnosti-i-rezultativnosti-deyatelnosti-hozyaystvennoy-organizatsii> (дата обращения: 02.07.2026).
3. Kaplan R. S., Norton D. P. The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action. – Boston: Harvard Business School Press, 1996.
4. Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. – Boston: Pitman, 1984.
5. Neely A., Adams C., Kennerley M. The Performance Prism: The Scorecard for Measuring and Managing Business Success. – London: Financial Times/Prentice Hall, 2002.
6. Круглова Г. В., Мамрукова О. И. Оценка и обзор методик анализа деловой активности и экономической эффективности деятельности организации // Вестник МИЭП. – 2016. – № 4 (25). – С. 14–24.
7. Лаптев Т. С. Особенности внедрения методов оценки эффективности менеджмента организации // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 5-1. – С. 259–261.
8. Методика измерения показателей эффективности организации // Экономика и бизнес: теория и практика. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-izmereniya-pokazateley-effektivnosti-organizatsii> (дата обращения: 02.07.2026).
9. ISO 9000:2000. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь.

Белан А.Е.

студент

ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»
научный руководитель – кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономической теории и менеджмента
ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»,
академик Международной инженерной академии
О.Н. Маргалитадзе

Belan A.E.

Student

State University of Land Use Planning
scientific director – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Economic Theory and Management
State University of Land Use Planning,
Academician of the International Academy of Engineering
O.N. Margalitadze

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируются экономические инструменты регулирования земельных отношений, включая определение данного понятия, описание применяемых механизмов и анализ соответствующей нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: земельные отношения, механизмы регулирования, экономические механизмы регулирования земельных отношений, рента

ECONOMIC MECHANISMS FOR REGULATING LAND RELATIONS

Abstract. The article analyzes economic instruments for regulating land relations, including the definition of this concept, a description of the mechanisms used, and an analysis of the relevant regulatory and legal framework.

Keywords: land relations, regulatory mechanisms, economic mechanisms for regulating land relations, rent.

Точного определения понятию «земельные отношения» как такового в российском законодательстве не существует. Тем не менее, под данным термином традиционно подразумеваются связи, возникающие между государственными структурами, физическими и юридическими лицами, которые охватывают широкий диапазон правовых процессов, касающихся земельных отношений и управления земельными ресурсами [8].

По мнению И.А. Минакова, к категории земельных отношений следует относить связи, формирующиеся в ходе эксплуатации и гражданского оборота земельных ресурсов [11, с. 57].

Е.Н. Быкова трактует данную категорию шире, определяя ее как общественные отношения, регулирующие использование и охрану земель в РФ, рассматриваемых как фундамент жизнедеятельности населения, проживающего на данной территории [6, с. 24].

К субъектам земельных правоотношений принадлежат муниципальные образования, физические и юридические лица, а также Российская Федерация и ее субъекты.

В качестве объектов данных отношений выступают земельные участки, их обособленные части, а также земельные доли. Основные механизмы реализации земельных отношений представлены на рисунке 1.

В рамках основной темы статьи земельные отношения рассмотрим через призму экономических механизмов.

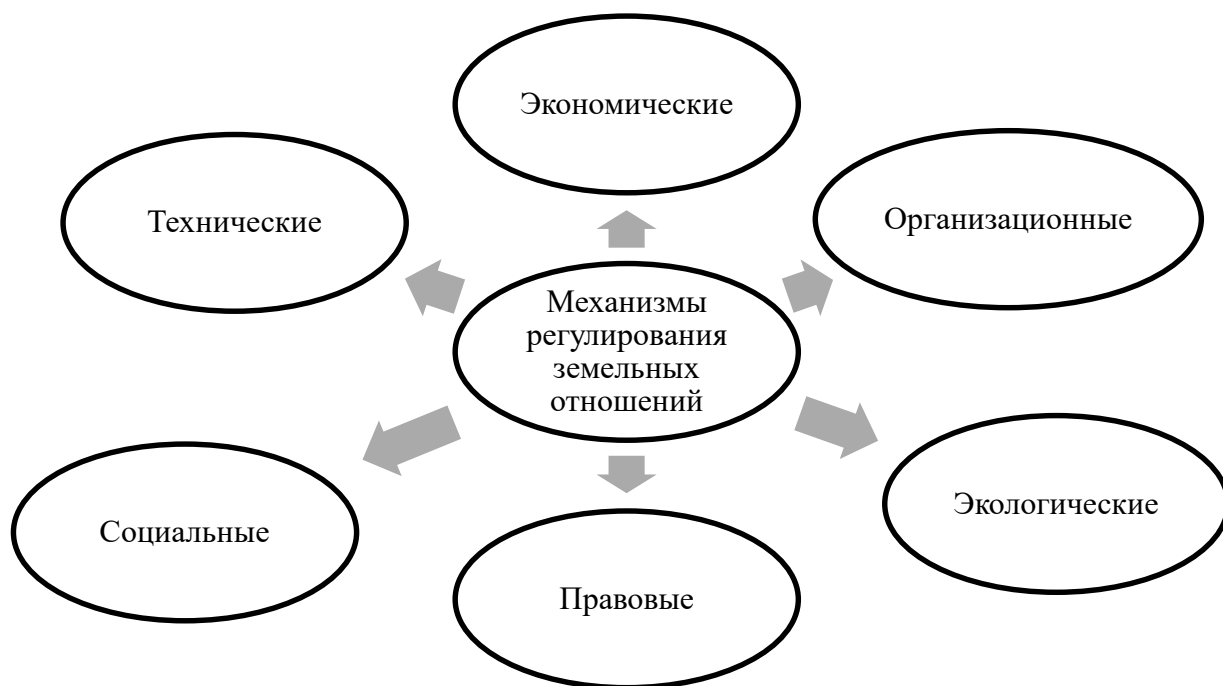

Рисунок 1. Механизмы регулирования земельных отношений

Данный механизм включает комплекс мер материального воздействия на участников рынка земли, призванных реализовать государственную политику в этой сфере, гарантировать справедливость земельных платежей, поощрять рациональное использование участков и применять экономические санкции за допущенные нарушения.

1. Нормативно-правовое регулирование земельных отношений

В Российской Федерации деятельность по регулированию земельных отношений опирается на разветвленную систему нормативно-правовых актов. Базовый перечень этих документов приведен в таблице 1.

Таблица 1. Перечень законодательных актов, определяющих экономические механизмы регулирования земельных отношений в России

Перечень документов	Зона регулирования
Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ [2]	Это базовый документ, в нем определены ключевые экономические инструменты, в том числе платность использования земли, существующие правила оценки стоимости участков, а также механизмы перераспределения земель
Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [1]	Определяет базовые имущественные отношения, которые непосредственно связаны с землей, в том числе права собственности, иные вещные права, сделки с земельными участками, другими словами, данный документ создает правовую основу для экономических операций с землей

Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» [3]	Для экономических расчетов кадастр является базой, то есть без точных сведений о границах, статусе и характеристиках участка невозможно корректно определить кадастровую стоимость, а значит, и установить справедливую плату за землю или рассчитать налоги
Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [4]	Сфера его действия охватывает конкретную категорию - сельскохозяйственные угодья. В данном контексте экономические инструменты реализуются через регламентацию сделок купли-продажи и аренды подобных территорий, а также посредством установления ограничений, гарантирующих сохранение их целевого назначения
Федеральный закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]	Указанный нормативный акт значительно скорректировал существующие правила регулирования, в частности, касающиеся ценообразования на земельные участки в процессе их реализации, процедуры установления сервитутов и алгоритмов перераспределения земельных ресурсов, что оказывает непосредственное воздействие на экономические механизмы.

Таким образом, в России экономические механизмы опираются на множество нормативных актов.

2. Существующие меры по управлению земельными отношениями

Комплекс мер экономического воздействия, применяемых для управления земельными отношениями, состоит из следующих элементов [10]:

- земельного налога;
- арендных платежей за участки;
- рыночной стоимости земли;
- оценочной стоимости залога;
- сборов при изъятии территорий;
- взносов за улучшение плодородия почв;
- штрафов за нанесение экологического вреда;
- налогов на сделки с недвижимостью и землей;
- платы за право пользования земельным ресурсом и иных показателей.

Требования, предъявляемые к механизмам экономического регулирования земельных отношений и их инструментам, отражены на рисунке 2.

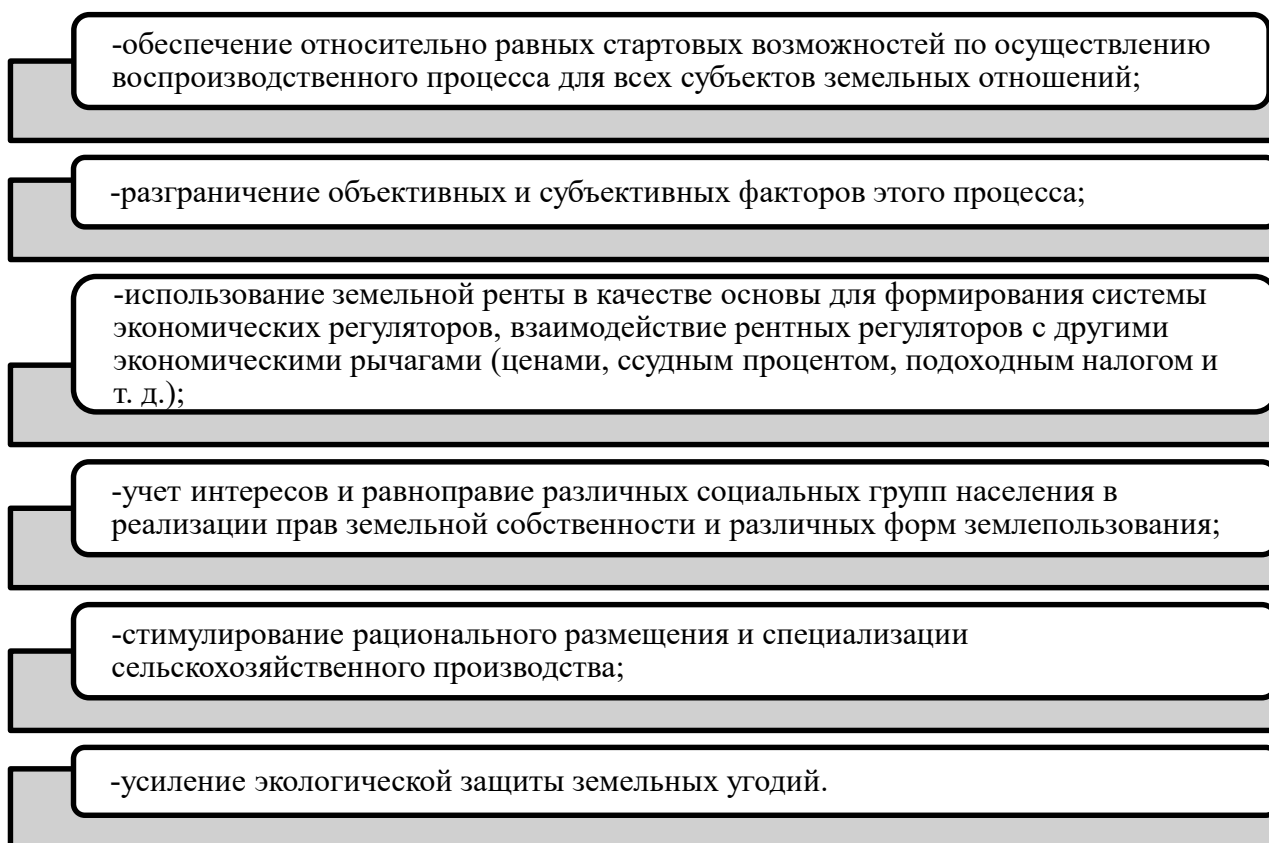

Рисунок 2. Существующие требования в отношении экономического регулирования земельных отношений

Таким образом, обозначенные меры представляют собой совокупность механизмов, воздействующих на действия землепользователей посредством финансовых поощрений, поддержку или применения различных санкций. Основная цель данных инструментов заключается в рациональном, эффективном использовании земель, а также в создании надежных каналов для увеличения доходов государственного бюджета.

3. Земельная рента, как основной элемент управления земельными отношениями

Ключевым инструментом экономического регулирования земельных отношений выступает система земельного налога. Данный инструмент позволяет государству регулировать экономические мотивы собственников и арендаторов земельных участков, побуждая их повышать результативность эксплуатации своих участков. В рамках экономической теории плата за землю трактуется как особая категория издержек, требуемых для формирования доходной части в виде ренты [12].

Согласно взглядам А.А. Вазима, рента выступает ценой, которую платят за применение земли и иных природных ресурсов, обладающих ограниченным объемом [7, с. 142].

При этом земельная рента имеет принципиально иную природу.

Землевладелец вправе самостоятельно заниматься хозяйственной деятельностью или же сдать участок в аренду предпринимателю. Согласно условиям договора аренды, последний на определенный срок получает эксклюзивное право ведения хозяйства на данном участке, выплачивая собственнику арендную плату. Именно доминирующее положение на рынке земли заставляет часть доходов арендатора трансформироваться в земельную ренту. Предпринимательская активность оправдана лишь тогда, когда предприниматель рассчитывает не на обычную прибыль, а на дополнительный доход, который будет передан владельцу участка в виде ренты. Следовательно, земельная рента выступает экономическим выражением прав собственности на землю. Традиционно выделяют три вида:

- дифференциальную ренту;
- абсолютную ренту;
- монопольную ренту.

Дифференциальная рента формируется благодаря монопольному контролю над земельными ресурсами, поскольку каждый субъект хозяйствования использует строго определенный, физически ограниченный участок. Земельные наделы существенно различаются по своим агроклиматическим характеристикам, что при одинаковых объемах вложений труда и капитала приводит к разной урожайности и, соответственно, к различной величине, получаемой прибыли [12].

По мере усиления потребности в сельскохозяйственной продукции вовлекаются в эксплуатацию земли с пониженной плодородностью, обеспечивающие лишь нормальный доход, тогда как участки среднего и высокого качества приносят сверхдоход, который и составляет суть дифференциальной ренты.

Параллельно частное землевладение служит фундаментом для абсолютной ренты - доли прибавочной стоимости, присваиваемой владельцами и государством благодаря монопольным правам. Её источником выступает разрыв между величиной прибавочной стоимости и средней нормой прибыли, вызванный низким органическим составом капитала в аграрном секторе, сложностями трансфера инвестиций из промышленности, межотраслевым соперничеством и тенденцией к выравниванию доходности. Кроме того, дефицит качественных и хорошо расположенных территорий приводит к формированию цен на уровне себестоимости продукции с наименее плодородных земель, что превышает общественную цену производства. Разница между стоимостью товара и ценой производства, создающая дополнительную прибыль, должна отчисляться собственникам земли как абсолютная рента. Эта форма изымается со всех категорий угодий без исключений, не завися от их характеристик или эффективности вложений. Однако мелкие владельцы редко могут претендовать на неё, так как их затраты существенно превышают общественно признанные нормы.

Величина земельного платежа возрастает за счет абсолютной ренты, что выступает одним из факторов обострения конфликта между собственниками земли, пользователями и государством. Формальный статус абсолютной ренты - признается она официально или нет - не имеет значения: ее размер и механизм изъятия часто маскируются и включаются в общую сумму платы за землю. Переход земель в государственную собственность ликвидировал частную монополию и абсолютную ренту, но это не гарантирует их оптимального и рационального освоения. Следовательно, при выстраивании системы экономического регулирования земельных отношений этот аспект должен обязательно приниматься во внимание с соответствующей степенью детализации.

Существующая монополия на землю как средство производства формирует специфику ценообразования на аграрную продукцию в условиях дефицита плодородных участков, что вынуждает вовлекать в оборот наименее ценные земли. Чтобы сельское хозяйство оставалось рентабельным даже на таких участках, землепользователь должен опираться на индивидуальную цену производства, включающую издержки и норму средней прибыли; в противном случае эксплуатация худших земель теряет экономический смысл и прекращается. Таким образом, арендаторы худших земель стремятся получить лишь среднюю прибыль, тогда как те, кто ведет хозяйство на лучших и средних по качеству участках, имеют право на дополнительную прибыль (за счет более высокой эффективности применения труда и капитала).

Таким образом, земельные отношения - это общественные отношения, связанные с владением, использованием и распоряжением землёй как природным ресурсом и объектом права. Они регулируются нормами земельного и гражданского законодательства, а также специальными федеральными и региональными актами. Фундаментом для разработки комплекса экономических инструментов регулирования выступает концепция земельной ренты, представляющей собой стабильный доход, не

зависящий напрямую от предпринимательских усилий. Данная категория подразделяется на дифференциальную, абсолютную и монопольную формы. Эффективность экономического механизма обусловлена опорой на земельную ренту как на базовую основу для создания системы регуляторов.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Консультант Плюс
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Консультант Плюс
3. Федеральный закон от 24.07.2007 N 221-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О кадастровой деятельности» // Консультант Плюс
4. Федеральный закон от 24.07.2002 N 101-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Консультант Плюс
5. Федеральный закон от 23.06.2014 N 171-ФЗ (ред. от 02.05.2026) «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Консультант Плюс
6. Быкова, Е. Н. Введение в специальность «Землеустройство и кадастры»: учебное пособие для СПО / Е. Н. Быкова, М. Е. Скачкова, О. Ю. Лепихина. — 3-е изд., стер. — Санкт-Петербург: Лань, 2026. — 172 с.
7. Вазим, А. А. Основы экономики / А. А. Вазим. — 3-е изд., стер. — Санкт-Петербург: Лань, 2023. — 224 с.
8. Зазолина, Е. В. Правовое регулирование земельно-имущественных отношений в Российской Федерации: учебное пособие / Е. В. Зазолина. — Дубна: Государственный университет «Дубна», 2024. — 150 с.
9. Маргалитадзе О.Н. К вопросу об оценке уровня устойчивого развития сельских территорий // Московский экономический журнал. 2023. № 1. - Сс. 193-217. URL: <https://qje.su/selskohozyajstvennyenauki/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-1-2023-39/>
10. Маргалитадзе О.Н. Управление природопользованием (Сборник статей): учебно-методическое пособие для вузов. – Москва: Издательство «Научный консультант», 2026. – 140 с.
11. Минаков, И. А. Экономика предприятий АПК / И. А. Минаков. — 3-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург: Лань, 2023. — 272 с.
12. Экономическое регулирование земельных отношений [Электронный ресурс]. - URL https://spravochnick.ru/ekonomika/celi_i_suschnost_ekonomicheskikh_otnosheniy/ekonomicheskoe_regulirovaniye_zemelnyh_otnosheniy/ (дата обращения: 13.09.2026).

Логачёва Е.А.

заместитель начальника части-начальник комиссии (военно -врачебной комиссии), врач
ФКУЗ «Медико-санитарная часть МВД России по Луганской Народной Республике»,
старший лейтенант внутренней службы

Logacheva E.A.

Deputy Head of the Unit / Head of the Commission (Military Medical Commission), Physician
FKUZ "Medical and Sanitary Unit of the Russian Interior Ministry for the Lugansk People's Republic,"
Senior Lieutenant of the Internal Service

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ ЛИЧНОГО СОСТАВА СИЛ И СРЕДСТВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Организация морально-психологического обеспечения действий личного состава органов внутренних дел Российской Федерации в особых условиях является одним из ключевых факторов, определяющих успешность выполнения поставленных задач. В условиях возрастающей сложности оперативной обстановки, столкновения с новыми вызовами и угрозами, актуальность данного исследования приобретает особую значимость.

Ключевые слова: морально-психологическое обеспечение, личный состав, особые условия, органы внутренних дел, нормативно-правовое регулирование МПО, приказ, указ.

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE ORGANIZATION OF MORAL AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR THE ACTIONS OF THE PERSONNEL OF THE FORCES AND MEANS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN SPECIAL CONDITIONS

Abstract. The organization of moral and psychological support for the actions of the personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation in special conditions is one of the key factors determining the success of the tasks set. In the context of the increasing complexity of the operational situation and the encounter with new challenges and threats, the relevance of this study is of particular importance.

Keywords: moral and psychological support, personnel, special conditions, internal affairs bodies, legal regulation of mPOS, an order, a decree.

В условиях возрастающей сложности оперативной обстановки, столкновения с новыми вызовами и угрозами, актуальность данного исследования приобретает особую значимость. Особые условия, как правило, характеризуются повышенным уровнем стресса, психоэмоционального напряжения, а также высокой вероятностью возникновения конфликтных ситуаций, что неминуемо сказывается на морально-психологическом состоянии сотрудников. Когда морально-психологическое обеспечение (МПО) остается вне обращения внимания, это неизбежно сказывается на результатах работы: снижается эффективность действий, нарастает профессиональная деформация, а в наиболее острых ситуациях ошибки могут обернуться трагическими последствиями.

Под морально-психологическим обеспечением понимается деятельность, направленная на формирование, поддержание и восстановление такого морально-психологического состояния личного состава, которое позволяет успешно решать оперативно-служебные задачи [7, с. 355].

МПО не разрозненные меры, а целостная система, которая охватывает работу по укреплению морального духа, развитию психологической устойчивости и поддержанию здорового социально-психологического климата в служебных коллективах [5].

С.В. Полунин выделяет несколько ключевых направлений, по которым выстраивается морально-психологическое обеспечение. В их числе:

- воспитательная работа,
- социально-психологическая и социально-правовая работа,
- организационные меры по укреплению воинской дисциплины,
- информационное обеспечение и культурно-досуговая деятельность [9, с. 120].

Морально-психологическое обеспечение реализуется через соответствующие управления, направления, отделения и службы. Общее руководство осуществляет командующий (командир), а организующую роль выполняет штаб [6]. Ключевые структурные компоненты этой работы, которую выстраивает руководитель, выглядят следующим образом.

Первый компонент – формирование здорового социально-психологического климата в коллективе. Руководитель должен целенаправленно выстраивать систему взаимоотношений, основанную на взаимном уважении, доверии, справедливости и товарищеской взаимопомощи. Особое значение здесь имеет личный пример: насколько сам руководитель следует тем нормам и ценностям, которые декларирует.

Второй компонент – коммуникация и своевременная работа с информацией. Руководитель выступает главным коммуникатором в подразделении. Он разъясняет личному составу государственную политику в сфере внутренних дел, смысл и цели приказов и распоряжений, формирует правовое сознание и чувство гражданской ответственности. Такая работа противостоит формализму и правовому нигилизму [1, с. 119].

Третий компонент – мотивирование и стимулирование личного состава. Управление мотивацией требует тонкого баланса между материальными и нематериальными стимулами. Когда руководитель использует не только материальные рычаги, но и всю палитру моральных стимулов – публичное признание заслуг, вручение ведомственных наград, рекомендации для карьерного роста, – это целенаправленно воздействует на эмоционально-ценностную сферу сотрудника. В результате у него формируется устойчивая внутренняя мотивация к образцовому выполнению служебного долга, основанная на осознании значимости своей работы, чувстве профессиональной гордости и общественного признания [2].

Служба в органах внутренних дел не бывает однородной – она постоянно меняется, ставит перед сотрудником новые задачи и требует готовности действовать в самых разных обстоятельствах. Среди них особое место занимают так называемые особые условия [8]. Их содержание раскрывается в статье 35 Федерального закона № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [15]. Если обратиться к толкованию этой нормы, к особым условиям можно отнести:

1. Период действия военного или чрезвычайного положения.
2. Период проведения контртеррористической операции.
3. Условия вооруженного конфликта.
4. Обстановку, связанную с ликвидацией последствий аварий, катастроф природного и техногенного характера и других чрезвычайных ситуаций [15].

Так, законодатель очерчивает перечень условий, которые относятся к особым, однако при этом вводит в статью 35 упомянутого Федерального закона формулировку «и других чрезвычайных ситуаций» [15]. Это оставляет пространство для более широкого толкования. А.Ф. Майдыков предлагает понимать

под особыми условиями обстановку (состояние), которая характеризуется повышенной степенью опасности – как для жизни и здоровья людей, так и для сохранности материальных и культурных ценностей, а также для нормальной работы предприятий, организаций и учреждений. Такая обстановка возникает под влиянием событий природного, биологического, техногенного или социального характера и требует от органов внутренних дел применения специальных правовых, организационных и тактических мер, подкреплённых соответствующим ресурсным обеспечением [4].

Согласно нормативным документам, морально-психологическое обеспечение строится на принципах законности, системности, научной обоснованности, духовно-нравственной преемственности и гуманизма. Эти принципы позволяют не только оказывать сотрудникам комплексную поддержку в профессиональной деятельности, но и укреплять авторитет МВД России в обществе.

Когда сотрудник действует в особых условиях – при чрезвычайных ситуациях, антитеррористических операциях, массовых мероприятиях – нагрузка на его психику возрастает многократно. Стресс, угроза жизни, вынужденные ограничения и эмоциональное выгорание снижают эффективность действий. Именно поэтому современная система МПО ориентируется не только на профессиональную подготовку, но и на профилактику дестабилизирующих состояний [3, с. 54-55].

Когда личный состав готовят к действиям в особых условиях, работа выстраивается по нескольким взаимосвязанным направлениям [12, с. 86]. Прежде всего сотрудников знакомят с требованиями российского законодательства, указаниями Президента России, приказами МВД России и другими нормативными документами, которые определяют цели и задачи органов и подразделений, работающих в особых условиях. Далее идет информирование личного состава об обстановке в регионе – политической, социально-экономической, военной и криминогенной, о решениях органов власти и задачах подразделений.

Отдельное направление – разъяснение необходимости соблюдать права и свободы граждан, уважать местные традиции и обычаи, поддерживать положительный имидж сотрудника полиции. Параллельно решаются организационные вопросы: своевременное планирование морально-психологического обеспечения, разработка необходимых мероприятий и оформление документации.

Важное место занимает работа с кадрами: психологическое тестирование сотрудников и кандидатов на руководящие должности в формируемых подразделениях; отбор и назначение заместителей руководителей по работе с личным составом и сотрудников подразделений МПО, а также их подготовка к выполнению задач. Не менее значима работа по формированию психологической готовности к профессиональным действиям и устойчивости, необходимой для сохранения работоспособности в любых условиях [12]. Речь идет и о выработке мотивов, настрой и позитивного отношения к выполнению задач, бдительности, боевой готовности, способности переносить высокие нагрузки и действовать в условиях опасности для жизни. Кроме того, укрепляется командный дух, создается позитивный социально-психологический климат, укрепляются дисциплина, законность и авторитет руководителей.

Также, когда личный состав готовят к действиям в особых условиях, сотрудников и их семьи информируют о социальных правах и гарантиях, предусмотренных законодательством РФ для тех, кто работает в особых условиях [12, с. 86].

Нормативно-правовое регулирование морально-психологического обеспечения в особых условиях имеет свою специфику: оно формируется на пересечении нескольких отраслей права – военного, административного, трудового, а также законодательства о чрезвычайных ситуациях. Базовые положения о необходимости поддерживать морально-психологическую устойчивость личного состава при этом рассредоточены по документам разных ведомств. Прежде всего речь идет о Министерстве обороны РФ, Министерстве внутренних дел РФ, Министерстве РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным

ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России), а также о Федеральной службе войск национальной гвардии РФ (Росгвардии).

В развитие положений Указа Президента Российской Федерации «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» [13] и требований Приказа МВД России «О безотлагательных мерах по совершенствованию работы с личным составом органов внутренних дел» [10] было разработано и утверждено Руководство по морально-психологическому обеспечению оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [11].

Именно в Руководстве по морально-психологическому обеспечению впервые на официальном уровне было закреплено понятие «психологическая работа» применительно к органам внутренних дел. Оно было определено как вид морально-психологического обеспечения – деятельность, направленная на формирование у сотрудников профессионально значимых психологических качеств, психологической устойчивости и готовности эффективно выполнять оперативно-служебные задачи [11].

Принятый в 2020 году Порядок организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации сохранил психологическую работу в качестве одного из видов МПО [11]. Кроме того, нормативно была закреплена возможность создавать временные формирования для решения отдельных задач морально-психологического обеспечения. В их число вошли мобильные группы психологов, которые ранее формировались специальными приказами для сопровождения служебной деятельности сотрудников в особых условиях.

Анализ источников показывает, что если ранее в ведомственных актах (например, в утратившем силу Руководстве по МПО) акцент делался на «формирование качеств личности» и «психологическую устойчивость», то действующее Положение (с 2024 года) вводит более сложную структуру, рассматривая психологическую работу не только как отдельный вид, но и как «неотъемлемый компонент» политико-воспитательной работы и морально-психологической подготовки. Это свидетельствует о попытке интегрировать психологическую помощь во все сферы служебной деятельности. Отличительной чертой нового регулирования является прямое закрепление этапов МПО именно для особых условий (подготовка, период несения службы, постэкстремальный период). В утративших силу актах такая детализация часто отсутствовала, а вопросы работы в экстремальных ситуациях решались ситуативно, через создание «мобильных групп психологов» по специальным приказам. Несмотря на внутреннюю эволюцию МВД, ключевая проблема сохраняется – ведомственная разобщенность. В то время как в МВД регулирование стало более детальным, законодательство МЧС (Закон № 68-ФЗ, Приказ №455) и Минобороны развивается параллельно. Отсутствие единого кодифицированного акта для всех силовых структур (о чем упоминается в тексте) создает «правовую мозаику», что особенно критично в условиях совместных межведомственных операций.

Также анализ позволяет выделить следующую коллизию: в Стратегии национальной безопасности (Указ № 400 [14]) декларируется задача поддержания «морально-политического и психологического состояния». В то же время ведомственные акты (например, Приказ №900 2020 г.[11]) оперируют категорией «психологическая готовность» как результатом МПО. Нормативно не урегулировано, как именно эти два состояния коррелируют между собой в критериях оценки, что создает коллизию между стратегической целью и тактическими измерителями. Также Положение 2024 года определяет перечень мероприятий на всех этапах (вплоть до прибытия в пункт дислокации), однако, судя по тексту, отсутствует четкий механизм оценки результативности этих мероприятий. Неясно, по каким объективным показателям определяется, что психологическая работа в особых условиях выполнена успешно. Помимо этого, в задачи МВД входит «установление порядка» МПО, однако в особых условиях (например, в зоне КТО) сотрудник может подчиняться оперативному штабу, состоящему из представителей нескольких ведомств. Это порождает конфликт между ведомственной нормой и

оперативной необходимостью, которая может требовать иных методов психологического сопровождения. А Стратегия национальной безопасности фиксирует угрозу «деструктивного информационного воздействия». Однако в Положении о порядке МПО, как следует из материала, конкретные методики противодействия такой угрозе в условиях боевых действий или массовых мероприятий не прописаны, что оставляет поле для импровизации, а не для алгоритмизированных действий.

Указанные недостатки напрямую снижают эффективность работы в особых ситуациях. То есть, правовое регулирование МПО в особых условиях демонстрирует детальные процедуры, но страдает от отраслевой фрагментарности. Главная нерешенная проблема – отсутствие единого акта для всех силовых структур, что в условиях межведомственных операций делает систему МПО «лоскутной» и не позволяет обеспечить единый стандарт психологической защиты личного состава.

Литература:

1. Андреев В.И. Управленческая деятельность руководителя органов внутренних дел: морально-психологический аспект. – Москва: Академия управления МВД России, 2022. – 210 с.
2. Благовещенская М.А. Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел Российской Федерации как элемент управленческой деятельности руководителя // Закон и право. – 2025. – № 9. – С. 58-63.
3. Вахнина В.В., Ульянина О.А. Психологическая работа в органах внутренних дел. – Москва: Академия управления МВД России, 2022. – 108 с.
4. Майдыков А.Ф. Предмет, задачи и система курса управления органом внутренних дел в экстремальных условиях. – Москва: Б. и., 1989. – 32 с.
5. Марченко Г.В., Бялт В.С. Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел Российской Федерации как элемент системы работы с личным составом: актуальные проблемы и пути решения // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2022. – № 3. – С. 178-182.
6. Михайлов В.В., Селиверстов А.В. Современные взгляды на морально-психологическое обеспечение подготовки и ведения боевых действий // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 109. – С. 26-30
7. Паулкина Д.П. Морально-психологическое обеспечение виктимологической безопасности курсантов образовательных организаций ФСИН России / Д.П. Паулкина, И.В. Черемисова // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 354-358.
8. Петрашов Д.Л., Третьяк К.В. Прохождение службы в органах внутренних дел в особых условиях: правовые и организационные аспекты МПО деятельности ОВД при выполнении дел при выполнении служебно-оперативных задач. URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/6364/1/petrashev.pdf
9. Полунин С.В. Морально-психологическое обеспечение образовательной деятельности в военных образовательных организациях высшего образования внутренних войск МВД России // На страже закона и правопорядка. Сборник научных статей Межвузовской научно-практической конференции, посвященной 205-летию внутренних войск МВД России. – 2016. – С. 118-122.

10. Приказ МВД России от 30 апреля 2009 г. № 341 «О безотлагательных мерах по совершенствованию работы с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации». URL: <https://studfile.net/preview/7647284/>

11. Приказ МВД России от 25.12.2020 № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/400791288/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>

12. Психологическая работа в органах внутренних дел / [В.В. Вахнина и др.]; отв. ред. В.И. Долинко. – Москва: Академия управления МВД России, 2019 – 108 с.

13. Указ Президента РФ от 24.12.2009 № 1468 (ред. от 06.06.2022) «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95462/

14. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

15. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/

Бахтин А. Н.

студент

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
научный руководитель – доктора юридических наук, профессор

Н.В. Иванцова

Bakhtin A. N.

Student

Mari State University
scientific director – Doctor of Law, Professor
N.V. Ivantsova

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ОТКЛОНЁННОГО ЗАКОНОПРОЕКТА № 579191-8

Аннотация. В статье исследуются уголовно-правовое понятие рецидива преступлений и правила назначения наказания при рецидиве. На примере отклонённого Государственной Думой законопроекта № 579191-8 оценивается предложение о введении единых минимальных сроков лишения свободы в зависимости от категории преступления. Показано, что, несмотря на использование проблемы повторной преступности в качестве одного из обоснований законопроекта, предлагавшиеся изменения имели общий характер и распространялись также на лиц, впервые совершивших преступление. Обосновывается, что предупреждение рецидива требует не только уголовно-правовых мер, но и развития исполнительной и постпенитенциарной probation, а корректировка статьи 68 Уголовного кодекса Российской Федерации возможна лишь при наличии репрезентативных данных о практике её применения.

Ключевые слова: рецидив преступлений, назначение наказания, лишение свободы, индивидуализация наказания, probation, законопроект № 579191-8, уголовная политика.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF RECIDIVISM IN THE CONTEXT OF REJECTED BILL NO. 579191-8

Abstract. The article examines the criminal-law concept of recidivism and sentencing rules applicable to repeat offenders. Using rejected Bill No. 579191-8 as a case study, it assesses the proposal to establish uniform minimum terms of imprisonment according to the category of offence. Although repeat offending was invoked as one of the justifications for the bill, the proposed amendments were general in scope and would also have applied to first-time offenders. The article argues that the prevention of recidivism requires not only criminal-law measures but also effective correctional and post-release probation. Any amendment to Article 68 of the Criminal Code of the Russian Federation should be based on representative data concerning its judicial application.

Keywords: recidivism, sentencing, imprisonment, individualized sentencing, probation, Bill No. 579191-8, criminal policy.

Введение

Рецидив преступлений имеет одновременно уголовно-правовое и криминологическое значение. В уголовном праве он представляет собой юридически определённое основание усиления ответственности, тогда как в криминологии понятие повторной преступности охватывает более широкий круг случаев.

Смешение этих категорий приводит к некорректной интерпретации статистики и затрудняет оценку эффективности уголовной политики.

Актуальность темы связана не только с распространённостью повторного преступного поведения, но и с поиском соразмерного сочетания наказания, исправительного воздействия и социальной реинтеграции. Одной из попыток изменить соответствующий механизм стал законопроект № 579191-8, внесённый в Государственную Думу 19 марта 2024 г. и отклонённый 12 марта 2026 г. [4]. В его пояснительной записке рост доли лиц, ранее совершавших преступления, использовался как аргумент в пользу увеличения минимальных сроков лишения свободы и ограничения применения условного осуждения.

Цель настоящей статьи состоит в оценке согласованности указанных предложений с действующим регулированием рецидива, принципами справедливости и индивидуализации наказания. Для её достижения применяются формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также критический анализ материалов законодательной инициативы и официальной судебной статистики.

Уголовно-правовое понятие и виды рецидива

Согласно части 1 статьи 18 УК РФ рецидивом признаётся совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершённое умышленное преступление [2]. Однако одной лишь последовательности двух умышленных преступлений недостаточно: необходимо учитывать ограничения, предусмотренные частью 4 этой статьи.

При признании рецидива не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести; преступления, совершённые лицом до достижения восемнадцати лет; преступления, по которым осуждение признавалось условным либо предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы; а также снятые и погашенные судимости.

УК РФ различает простой, опасный и особо опасный рецидив. Термин «простой рецидив» непосредственно в статье 18 не употребляется и используется в доктрине для обозначения рецидива, не отвечающего признакам опасного или особо опасного.

Опасный рецидив имеет место в двух случаях. Во-первых, когда лицо совершает тяжкое преступление, за которое осуждается к реальному лишению свободы, если ранее оно два или более раз осуждалось за умышленное преступление средней тяжести к лишению свободы. Во-вторых, когда лицо совершает тяжкое преступление, если ранее оно было осуждено за тяжкое или особо тяжкое преступление к реальному лишению свободы.

Особо опасный рецидив также образуется в двух случаях. Первый связан с совершением тяжкого преступления, за которое назначается реальное лишение свободы, после двух осуждений за тяжкие преступления к реальному лишению свободы. Второй имеет место при совершении особо тяжкого преступления, если лицо ранее два раза осуждалось за тяжкое преступление либо ранее осуждалось за особо тяжкое преступление.

Рецидив признаётся обстоятельством, отягчающим наказание (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ), влечёт применение специальных правил статьи 68 УК РФ и учитывается при определении вида исправительного учреждения по статье 58 УК РФ. Вместе с тем часть 2 статьи 63 УК РФ запрещает повторно учитывать рецидив как отягчающее обстоятельство, если соответствующая судимость уже предусмотрена нормой Особенной части УК РФ в качестве признака преступления.

По общему правилу части 2 статьи 68 УК РФ срок наиболее строгого вида наказания при любом виде рецидива не может быть менее одной трети его максимального срока, установленного санкцией. Одновременно он не может быть ниже минимального размера данного вида наказания, предусмотренного

Общей частью УК РФ. Исключения допускаются при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных статьёй 61 УК РФ, либо исключительных обстоятельств, указанных в статье 64 УК РФ. Особенности применения этих правил раскрыты в пунктах 47–49 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 [5].

Разграничение рецидива и повторной преступности

Официальные статистические показатели требуют осторожного использования. Категория «лица, ранее совершавшие преступления» шире юридического рецидива. В неё могут входить лица, судимости которых погашены или сняты, а также лица, ранее освобождённые от уголовной ответственности либо совершившие деяния, которые по правилам статьи 18 УК РФ не учитываются при признании рецидива.

Следовательно, долю лиц, ранее совершавших преступления, нельзя отождествлять с долей рецидивистов. Также некорректно переносить показатель, рассчитанный в отношении выявленных лиц, на количество совершённых ими преступлений. Для оценки собственно уголовно-правового рецидива необходимы сведения о числе осуждённых, наличии неснятых и непогашенных судимостей, виде рецидива и применении статей 18 и 68 УК РФ.

Официальная статистика за 2023 г. была опубликована Судебным департаментом при Верховном Суде РФ в составе сводной отчётности о состоянии судимости [6]. Однако выявление причинной связи между продолжительностью лишения свободы и последующим поведением осуждённых требует специального исследования. Сопоставление только срока наказания и факта нового преступления не исключает влияния возраста, вида преступления, числа прежних судимостей, условий отбывания наказания, занятости, жилья, состояния здоровья и доступности социальной помощи после освобождения.

Содержание и направленность законопроекта № 579191-8

Законопроект № 579191-8 не ограничивался изменением минимального срока лишения свободы. Он предусматривал:

1. возможность замены обязательных и исправительных работ, ограничения свободы и принудительных работ арестом в предусмотренных законом случаях;
2. установление срока ареста от одного до шести месяцев;
3. повышение общего минимального срока лишения свободы с двух до шести месяцев;
4. введение дифференцированных минимумов лишения свободы: шесть месяцев за преступления небольшой тяжести, один год — средней тяжести, два года — тяжкие и три года — особо тяжкие;
5. сокращение с восьми до пяти лет срока назначенного лишения свободы, при котором в общем случае допускалось бы условное осуждение, а также исключение пункта «а.1» части 1 статьи 73 УК РФ [4].

Таким образом, предлагаемая реформа представляла собой комплексное усиление формализации наказания, а не специальное изменение института рецидива. Новые минимальные сроки применялись бы независимо от наличия у виновного судимости, в том числе к лицам, впервые совершившим преступление. Ограничение условного осуждения также распространялось бы на широкий круг осуждённых безотносительно к рецидиву.

Данное обстоятельство ослабляет связь между заявленной криминологической проблемой и выбранными средствами её решения. Если целью является снижение повторной преступности, воздействие должно быть дифференцировано с учётом факторов, повышающих риск нового преступления. Повышение минимального наказания для всех осуждённых не обеспечивает такой дифференциации.

Кроме того, пояснительная записка сопоставляла рост доли лиц, ранее совершавших преступления, с распространением кратких сроков лишения свободы. Само по себе такое сопоставление не доказывает причинной связи. Для её установления необходимы данные о повторной преступности сопоставимых групп осуждённых после отбытия разных сроков, а также контроль иных факторов.

Индивидуализация наказания и пределы законодательной формализации

Установление минимальных и максимальных наказаний относится к компетенции законодателя и само по себе не противоречит Конституции РФ. Вместе с тем уголовно-правовые меры должны отвечать требованиям справедливости, равенства и соразмерности, а механизм их применения — позволять учитывать характер и степень общественной опасности деяния, обстоятельства его совершения и личность виновного [1; 7].

Предложенная законопроектом шкала связывала минимальный срок только с категорией преступления. Однако в одну категорию входят неоднородные составы, существенно различающиеся по объекту посягательства, способу совершения, форме вины и наступившим последствиям. Категория преступления уже определяется верхним пределом санкции и потому не во всех случаях способна служить достаточным основанием для единого нижнего предела.

Наиболее уязвимыми последствиями проекта могли стать увеличение числа кратких сроков реального лишения свободы вместо альтернативных наказаний, сокращение пространства судебной индивидуализации и усиление разрыва социальных связей осуждённых. Поэтому формализация могла бы быть оправдана лишь при наличии данных о том, что существующее усмотрение систематически приводит к несоразмерно мягким наказаниям и повышает вероятность нового преступления. Материалы законопроекта такой вывод в достаточной степени не подтверждали. Итоговое отклонение инициативы Государственной Думой 12 марта 2026 г. не исключает дальнейшей дискуссии, но требует учитывать выявленные недостатки её концепции [4].

Направления совершенствования законодательства и практики

Первым направлением должно стать улучшение статистического наблюдения. В открытой отчётности целесообразно отдельно отражать простой, опасный и особо опасный рецидив, применение части 3 статьи 68 УК РФ, назначенный срок, фактически отбытый срок и совершение нового преступления после освобождения. Без таких данных нормативные предложения рискуют основываться на несопоставимых показателях.

Второе направление связано с анализом практики статьи 68 УК РФ. До получения репрезентативных данных преждевременно сужать предусмотренную её частью 3 возможность индивидуализации наказания. Если исследование выявит устойчивое и необоснованное применение исключений, возможна конкретизация мотивировочной обязанности суда, но не автоматический запрет на учёт смягчающих и исключительных обстоятельств.

Третье направление — развитие пробации. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ предусматривает исполнительную, пенитенциарную и постпенитенциарную пробацию [3]. Индивидуальная программа ресоциализации, содействие в трудоустройстве, получении документов, медицинской и психологической помощи способны воздействовать на факторы повторного преступного поведения, которые не устраняются одним увеличением срока наказания.

Наконец, оценка эффективности должна включать не только специальную превенцию, но и негативные последствия лишения свободы: утрату занятости и жилья, ослабление семейных связей, стигматизацию и усвоение криминальных норм. Уголовная политика в отношении рецидива должна сочетать неизбежность и соразмерность ответственности с мерами, создающими реальные условия для правомерного поведения после освобождения.

Заключение

Рецидив преступлений представляет собой строго определённую уголовно-правовую категорию, которую нельзя отождествлять с любым повторным преступлением, прежней судимостью или используемой в ведомственной статистике категорией лиц, ранее совершавших преступления. Неправильное смешение этих показателей способно привести к ошибочным выводам о масштабе рецидива и эффективности наказания.

Законопроект № 579191-8, отклонённый Государственной Думой 12 марта 2026 г., затрагивал значительно более широкий круг отношений, чем институт рецидива. Предложенные минимальные сроки лишения свободы и ограничения условного осуждения должны были применяться не только к рецидивистам, но и к впервые осуждённым. Поэтому заявленная проблема повторной преступности и выбранная общая мера усиления наказания не находились в достаточном содержательном соответствии.

Совершенствование противодействия рецидиву должно опираться на раздельную и сопоставимую статистику, исследование судебной практики по статье 68 УК РФ и оценку результатов пробации. До получения такой доказательной базы дальнейшее ограничение судебной индивидуализации не может считаться обоснованным. Более перспективным является сочетание соразмерного уголовно-правового воздействия с индивидуальными программами исправления, ресоциализации и постпенитенциарного сопровождения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной редакции).
3. О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (в актуальной редакции) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302060003> (дата обращения: 17.09.2026).
4. Законопроект № 579191-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (о замене отдельных видов наказания арестом и об уточнении пределов наказания в виде лишения свободы): паспорт, текст, пояснительная записка и сведения о прохождении // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/579191-8> (дата обращения: 17.09.2026).
5. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8470/> (дата обращения: 17.09.2026).
6. Сводная статистическая отчётность за 2023 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. 17 апреля 2024 г. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=104&item=8612> (дата обращения: 17.09.2026).
7. По делу о проверке конституционности части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Л. Певзнера и В. В. Шура: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 марта 2023 г. № 8-П. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision669689.pdf> (дата обращения: 17.09.2026).
8. Городнянская В. В. Структура рецидивной преступности (постпенитенциарный рецидив) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 105–108.